

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

- Богатырёва Е. Н.** Время как форма бытия культуры 3
Дорошин И. А. Социальная альтернатива религиозного поведения в рискованной реальности 7
Ерохин В. С. Социальный риск личностной идентификации 11
Меняева М. П. Идея согласия в контексте философии культуры П. А. Сорокина 14
Морозова И. Н. Проблемы онтологии в христианской философии: опыт аналитики по материалам работ В. В. Зеньковского 18
Муштей Н. А. Старинная вещь: анализ постижения сущности в непосредственном восприятии 22
Нечаев С. Ю. Фанероскопия Ч. С. Пирса versus феноменология Э. Гуссерля 25
Пронина Н. Ю. Оппозиция семиотизм – онтологизм в философии языка XX века 28
Соколова Д. М. Телесность как субстанция социального 31
Федин Д. С. Личностное бытие: институциональный анализ 35
Филатов Д. И. Схемы в общей методологии 38
Четвертакова Ж. В. Некоторые подходы к определению сущности и содержания национального характера 41
Шаповалова Н. С. Социальная память открытого общества 45

Психология

- Григорьева М. В.** Этнопсихологическая специфика адаптационной активности и субъективного благополучия личности 49
Красильников И. А. Личностные состояния при переживании субъектом ценностной конфликтности 54
Кузьменкова О. В. Рефлексивно-ресурсная детерминация разрешения внутриличностных противоречий у учителей 58
Миринова Т. Ю. Особенности экономического поведения подростков и юношей, формирующегося в процессе экономической социализации в России 61
Молчанова Л. Н. Рефлексия как механизм ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей 64
Печерский А. В. Личностные ресурсы совладающего поведения девиантных подростков и юношей 68
Усова Н. В. Структура субъективного благополучия мигрантов, проживающих в России 73
Чернецкая Н. И. Принципы развития творческого мышления школьников на основе его интегральной концепции 76
Шамионов Р. М. Взаимосвязь стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов 79

Педагогика

- Дружкин А. В., Железковская Г. И.** Логико-методологический подход к усвоению педагогических понятий в процессе решения понятийно-терминологических задач 84
Кочарян Г. А. Формирование готовности студентов педагогического вуза к осуществлению здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе 87
Мазалова М. А. Генезис воспитательных традиций в семье русских императоров в XVIII – начале XX века 90
Медведева Н. А. Профессиональная готовность студентов к реализации программы «Основы здорового образа жизни» в общеобразовательной школе 95
Миринов А. В. Формирование технической культуры курсантов в процессе обучения 98
Черватюк Т. В. Сущностные и содержательные характеристики межкультурных ценностных ориентаций 101
Верещагина Н. О. Перспективы совершенствования методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования 104

Междисциплинарные исследования

- Елина Е. Г., Чувакин А. А.** Итоговая государственная аттестация в условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта 108

Приложения

Хроника научной жизни

- Ценности, риски и коммуникации в изменяющемся мире 113

Personalia

- Владимир Борисович Устьянцев: к 65-летию со дня рождения 117

Сведения об авторах

120

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Коссович Леонид Юрьевич
Заместитель главного редактора
Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь
Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии
Аврус Анатолий Ильич

Аксеновская Людмила Николаевна

Аникин Валерий Михайлович

Балаш Ольга Сергеевна

Бучко Ирина Юрьевна

Вениг Сергей Борисович

Волкова Елена Николаевна

Голуб Юрий Григорьевич

Дыльников Геннадий Васильевич

Захаров Андрей Михайлович

Комкова Галина Николаевна

Лебедева Ирина Владимировна

Левин Юрий Иванович

Макаров Владимир Зиновьевич

Монахов Сергей Юрьевич

Орлов Михаил Олегович

Прозоров Валерий Владимирович

Федотова Ольга Васильевна

Федорова Антонина Гавриловна

Черевичко Татьяна Викторовна

Шатилова Алла Валерьевна

Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор
Устьянцев Владимир Борисович

Заместитель главного редактора
Белов Владимир Николаевич

Ответственный секретарь
Малкина Светлана Михайловна

Члены редакционного совета
Гобозов Иван Аршакович

Железковская Галина Ивановна

Мартынович Сергей Федорович

Орлов Михаил Олегович

Шамионов Раиль Мунирович

Члены редакционной коллегии
Аксеновская Людмила Николаевна

Афанасьева Вера Владимировна

Беляев Евгений Иванович

Богатырева Елена Николаевна

Капичникова Ольга Борисовна

Листвина Евгения Викторовна

Можин Борис Иванович

Позднева Светлана Павловна

Рожков Владимир Петрович

Рягузова Елена Владимировна

Турчин Геннадий Демьянович

Фриуф Василий Александрович

Фролова Светлана Владимировна

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации

по делам печати, телерадиовещания

и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате TIFF, EPS или JPEG.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; таблицы; рисунки; подписи к рисункам; библиографический список.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Зарецкая Ольга Владимировна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Ковалёва Наталья Владимировна

Корректор

Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: aporia@inbox.ru

Подписано в печать 11.03.2012.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 5.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2012

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

Bogatyeva E. N. Time as the Form of Culture Existence	3
Doroshin I. A. Social Alternatives of Religious Behavior in a Risky Reality	7
Erohin V. S. Social Risk of Personal Identification	11
Menyaeva M. P. The Idea of Consent in P. A. Sorokin's Philosophy of Culture	14
Morozova I. N. Problems of Ontology in Christian Philosophy: V. V. Zenkovsky's Works Analysis	18
Mushtey N. A. Antique Thing: Analysis of Comprehension of Essence in Direct Perception	22
Nechaev S. Yu. C. S. Peirce's Phaneroscopy Versus E. Husserl's Phenomenology	25
Pronina N. Yu. The Opposition Semiotizm – Ontologism in the Philosophy of Language of XX Century	28
Sokolova D. M. The Corporality as a Substance of the Sociality	31
Fedin D. S. Personal Being: Institutional Analysis	35
Philatov D. I. Schemes in General Methodology	38
Chetvertakova Zh. V. Some Approaches to the Definition of the Substance of National Character	41
Shapovalova N. S. Social Memory of Open Society	45

Psychology

Grigoryeva M. V. Ethnopsychological Specific Adaptation Activities and Subjective Well-Being of Personality	49
Krasilnikov I. A. Personal Conditions at Experience by the Subject Valuable Conflictness	54
Kuzmenkova O. V. A Reflective-Resource Determination of the Permission of Intrapersonal Contradictions of Teachers	58
Mironova T. Yu. Peculiarities of the Economic Behavior of Adolescents and Youths, Forming in the Process of Economic Socialization in Russia	61
Molchanova L. N. Reflection as the Mechanism of Valuable and Semantic Regulation of the Condition of Mental Burning Out at Doctors	64
Pechersky A. V. Personal Resources of Coping of Deviat Adolescent	68
Usova N. V. Subjective Wellness Structure for Migrants Living in Russia	73
Chernetskaya N. I. Foundations of Development of School-Age Children's Creative Thinking on the Basis of its Integrative Conception	76
Shamionov R. M. Strategies of Behavior Interrelation Subjective Well-Being Representatives Contact Ethnic Groups	79

Pedagogics

Druzhkin A. V., Zhelezovskaya G. I. Logico-Methodological Approach to the Assimilation of Pedagogical Notions Throughout Conceptual and Terminological Problems Solution	84
Kocharyan G. A. Formation of Readiness of the Students of a Pedagogical Institute for Implementation of the Health-Efficient Techniques in a General School	87
Mazalova M. A. The Genesis of Upbringing Traditions in the Family of Russian Emperors in 18th – early 20th Centuries	90
Medvedyeva N. A. Professional Readiness of Students to Implement the «Basics of Healthy Life-style» Program in Secondary Schools	95
Mironov A. V. The Cadets' Technical Culture Formation During the Educative Process	98
Chervatyuk T. V. The Essential and Meaningful Characteristics of Cross-Cultural Value Orientations	101
Vereshchagina N. O. Prospects for Improving of the Methodical Training of the Bachelors and Masters in the Area of Geographical Education	104

Interdisciplinary Research

Elina E. G., Chuvakin A. A. State Final Certification in the Context of Realization of Federal State Educational Standard	108
--	-----

Appendices

Chronicle of Scientific Life

Values, Risks and Communications in the Changing World	113
--	-----

Personalia

Vladimir Borisovich Ustyantsev: 65th Anniversary	117
--	-----

Information about the Authors

120

ФИЛОСОФИЯ

УДК 115:130.2

ВРЕМЯ КАК ФОРМА БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

Е. Н. Богатырёва

Саратовский государственный университет
E-mail: ebogatyreva@yandex.ru

В статье анализируется время как особая форма бытия культуры. Онтология времени представлена как теоретическая возможность и необходимое условие познания многообразия форм культуры. Применяя темпоральный подход, автор формулирует понимание процессов культурного развития и в целом бытия культуры посредством интерпретации базовых культурных форм и практик, культурных норм (идеалов), базовых образов (проектов) как единую целостность во времени – совокупном единстве культурных форм.

Ключевые слова: философия времени, онтология времени, формы культуры, модели культуры, культура во времени.

Time as the Form of Culture Existence

E. N. Bogatyreva

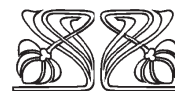
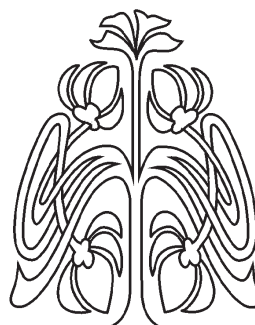
Time is analyzed as the special form of culture existence. The ontology of time is presented as theoretical possibility and necessary condition of cognition of culture forms. Applying to temporary approach author formulates understanding of processes of cultural development. Culture exists through interpretation of basic cultural forms, cultural norms, base images (projects) as uniform integrity in time – cumulative unity of cultural forms.

Key words: time philosophy, ontology of time, form of culture, culture model, culture in time.

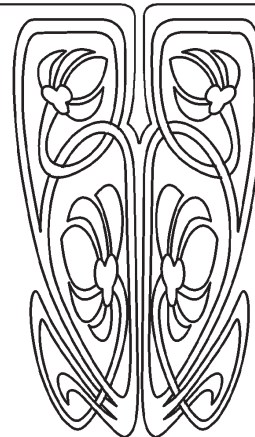
М. С. Каган, обосновывая право на существование философии культуры в системе философского знания, утверждал, что основной её задачей является теоретическое моделирование культуры в «ее реальной целостности и полноте конкретных форм ее существования, в ее строении, функционировании и развитии»¹. В онтологии культуры как теоретическом направлении разрабатывается бесконечный перечень многообразных явлений культуры человеческого и социального бытия. Изучение бытийности форм культуры, их интерпретация, систематизация – важная составляющая в осмыслении и понимании её мира. Познавая онтологию культуры, исследователь обязательно столкнется с необходимостью проникновения внутрь явлений, выявления их феноменологической сущности, что должно, согласно логике познания, облегчить мыслительную процедуру объединения хаотической множественности форм культуры в единую целостность, общую модель, тип.

Сама постановка проблемы исследования времени как формы бытия культуры невозможна без обращения к собственно философской проблематике его *онтологии*. Онтологическая разработка понятия «время» имеет достаточно длительную и дифференцированную в методологическом отношении традицию исследования. Теоретический дискурс онтологизации времени наполнялся содержанием не только за счет понятийного заимствования из естественно-научного словаря и категориального блока философии, но и благодаря междисциплинарным исследованиям, позволяющим обозначить новые гносеологические перспективы в сфере гуманитарного знания.

Использование онтологической методологии в междисциплинарной плоскости, т. е. там, где она обычно не использовалась, объясня-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ется И. Т. Касавиным как насущная теоретическая проблема и необходимость: «По-видимому, это *поиск новой онтологии для гуманитарных наук, гуманитарного знания вообще* (курсив мой – Е. Б.). Эта онтология должна сочетать в себе свойства “естественности”, “социальности” и “бытийности”, т. е. отвечать специфической включенности человека в природу, в систему социальных взаимосвязей, а также соответствовать относительной автономности личности, выражаемой в наборе экзистенциальных проблем»². Закономерность появления новых онтологических практик предсказывал М. Хайдеггер, утверждая, что «познавательная заданность мышления заключается в потенциальном стремлении стать онтологическим, иначе быть соразмерным бытию»³. Схватывание мышлением бытийности мира происходит через выделение в нем сущего, главного благодаря присвоению его явлениям имен-названий, семантическому определению, а также формированию и использованию правил их употребления в отношении мира – категорий и трансценденций.

Именно таким образом расширяются возможности в продолжении онтологии в аристотелевском смысле, т. е. онтологии «духовного видения бытия», благодаря которой онтология как метод выступает в качестве утверждения некоего духовного основания, или смыслообразующего центра, вокруг которого разворачивается теоретическое обоснование или концептуализация. Онтология времени становится особым направлением онтологических разработок со второй половины XIX в. В XX в. она содержательно разрабатывается авторами, принадлежащими к различным научным школам и направлениям. Общим для них всех является оппозиция тому, что в классической философии и науке получило наименование «опространствование времени».

С теоретико-методологической точки зрения онтологический подход в задаче исследования времени как формы бытия культуры предполагает, во-первых, анализ сфер и форм культуры в темпоральных границах бытия культуры и способов тематизации времени в поле онтологии культуры, выявление понятийной определенности онтологических моделей культуры. Во-вторых, исследование того, каким образом формулировка соотношения времени и бытия культуры задает характерное для этих различных моделей онтологии культуры понятийное конструирование смыслового единства.

Онтологизация культуры предполагает не только увеличение массива имеющегося словаря, но и адекватное использование его в процессе познавательной практики. Концепт «время культуры» введен в тезаурус философии культуры, философской антропологии, культурологии. В своем диссертационном исследовании О. А. Краевская утверждает, что онтологическим статусом в полной мере обладает «дискурсивная мысль о бытии, реализующая концептуальное мышление

о предельных основаниях и структурах бытия сущего, и выраженная посредством письменной или устной речи», так как «конкретный онтологический дискурс <...> есть совокупность онтологических допущений о мире, конкретизирующих определенное понимание бытия»⁴. Время как форма бытия культуры есть одно из онтологических представлений о мире, и это представление имеет собственную теоретическую историю в онтологическом дискурсе.

Формы бытия культуры есть качество онтологическое, то, которое конституирует само бытие культуры во времени и пространстве. Теоретической разработкой проблематики культурных форм целенаправленно и косвенно занимались и занимаются многие исследователи. Имя, норма, язык, идеал, символ, вещь, тело, образ, традиция, текст, миф – все перечисленное лишь краткий перечень исследовательских интересов. Базовые понятия анализируются как адекватные культуре структуры во времени, выступающие в качестве нормативных смыслов, моделей повседневности, способов жизнедеятельности, доминантного стиля. Сущее культуры пребывает во временных границах форм культуры, время актуализирует формы бытия культуры из её «архива» или продуцирует новые.

Понимание действительности культурного развития и в целом бытия культуры выстраивается посредством интерпретации базовых культурных форм и практик, образов (проектов) человека, культурных норм (идеалов). Н. Т. Попова, разрабатывая концепт «культурная форма», пишет: «Понятие культурной формы относится к исходным образцам – материальным продуктам человеческой деятельности, продуктам духовного символического производства (идеи, знания и др.) – результатам всей целеорганизованной деятельности человека, а также распространяется на технологии, способы, методы, нормы и др., посредством которых осуществляется всякая социальная практика людей»⁵.

Возможность и необходимость темпорального анализа культурных форм обусловлена тем, что они выражают качественность и специфику во времени. Они актуализируются из прошлого в настоящем или окончательно исчезают, явлены в настоящем, могут быть спрогнозированы как вероятностная модель будущей реальности.

Фундаментальные характеристики мира в любой культуре содержат представления о времени. Познание культуры в исторической ретроспективе позволяет утверждать, что время является центральным компонентом каждой «картины мира», субъективно переживаемой и осознаваемой человеком в границах – маркерах времени, в которых она последовательно формулируется в результате чувственного и логического познания. Концептуальная модель времени включает наивно-обыденные и научные представления о времени как длительности, продолжительности всех событий и явлений в последовательности, их качественные характеристики.

Понятие «время» не только ключевое в картине мира, оно обладает формообразующей функцией, которая выражается в том, что каждая культура непосредственно или осознанно самоопределяет себя во времени.

Обоснование форм бытия культуры как методологическая процедура требует не только постулирования формы, но прежде всего обозначения её формы, сравнения с другими. Следование методологическим познавательным принципам обязывает к выведению формы не только как неких формирующих рамок, но как адекватной характеристики внутренней семантики ее бытия и особенностей функционирования.

Говоря о времени как форме бытия культуры, нужно различать два аспекта: внешний и внутренний. В первом фиксируются типологические свойства и специфика времени в пределах своей качественной определенности и процессуальности, во втором – сущностный потенциал, явленный в многообразии форм бытия как целом. Каждую форму бытия культуры следует анализировать в дефинициях формы и смысла. Время обретает свою форму в культуре, обнаруживает себя благодаря культуре.

Используя теоретическое обоснование в решении поставленной задачи, приведем общепринятое определение культуры как «мира превращенных», иначе – опосредованных практикой и сознанием форм.

В своей бытийности культурные формы сопряжены не только с пространством, но и со временем. Топосы феноменов культуры, согласно логике дискурсивного анализа, могут осмысливаться в структурах, отличных от пространственных. В статье В. А. Фриауфа читаем: «Если поставить эвристический вопрос – что же является для христианской культуры базовым и одновременно сквозным архетипом, задающим сюжеты религиозного, философского и научного мышления, то ответ однозначен: это загадка-парадокс Времени»⁶. Приведенная цитата позволяет осмысливать время как особую *топологическую связность*, обеспечивающую логику и единство в процессуальном бесконечном бытии культуры. В этом контексте *топос* выражает пространственно-временную, историческую, культурную, социальную контекстуальность, заданную теми или иными границами-смыслами.

Время как особая форма бытия культуры, с одной стороны, является некой рамочной границей совокупного единства культурных форм, с другой стороны, оно генерирует качественное содержание, смысловое, адекватное, актуальное для всех других форм культуры.

Исторически первой онтологической концептуализацией времени как формы бытия культуры была идея Вечности, объясняющая единство присутствия мира, источник и природу целостного космического бытия. В «Тимее» Платон отождествляет сущность вечности и сущность бытия: «Для начала должно

разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле»⁷. В «Тимее» природа времени имеет то же происхождение, что и природа космического бытия: «Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени служит вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность, между тем как [отображение] возникло, есть и будет в продолжении целокупного времени. Такими были замысел и намерение бога относительно рождения времени; и вот, чтобы время родилось из разума и мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени»⁸.

Сущее культуры пребывает в культурных формах и в особых неоформленных сферах, таких как ментальность, деятельность, психология, духовность, архетип. В этих сферах сущее культуры укоренено в узнаваемых состояниях, которые и делают ее различаемой во времени, укорененной в мировоззрении, менталитете человека и социума. Пребывающее в перечисленных сферах сущее культуры не только укоренено, но одновременно и процессуально. Процессуальность представляет сущее со стороны изменений и текучести его образований, протекающих в определенном времени, с особым ритмом. Единство содержательности форм и динамики процесса организует время как упорядочивающая сила в противостоянии хаосу и неупорядоченности. Время диктует нормы, правила, регламент, идеалы формообразованию, организации и упорядоченность всему многообразию социального. Как результат появляются системы, оформляются роды, виды и подвиды культуры. Время инициирует реорганизацию и переделку имеющихся форм, их преодоление и, таким образом, выполняет функцию генератора формотворчества, изменения, прибавления к сущему. В результате культуры, имея многообразные формы, проявляясь в основных сферах сущего, фокусируются как тип, род, феномены в общей, организующей форме бытия – форме времени. Тем самым время выступает как общая внешняя форма культуры, внешний контур всех внутренне присущих ей форм бытия.

Разрабатывая понятие «время» как форму бытия культуры, мы концептуализируем его как *метаобразующую форму*, структурирующую ментально, институционально, семантически, лингвистически, эстетически, символически и т. д. все формы бытия культуры в единое целое. Единство форм бытия культуры – типовых, родовых, историко-культурных – скрепляет время. Оно выступает внешней, рамочной характери-

стикой этого единства, историческим отрезком, смысловыми границами, нормативным пределом и одновременно ключом к пониманию множества культурных форм в системном единстве.

На необходимость обнаружения универсального единства в изучении культуры указывал А. Я. Гуревич: «Мы полагаем, что следовало бы пойти по пути обнаружения основных универсальных категорий культуры, без которых она невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях. Это вместе с тем и определяющие категории человеческого сознания. Мы имеем в виду такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому <...>. Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира” – ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании»⁹. К утверждению А. Я. Гуревича можно добавить, что время в полной мере не только выступает как категориальный инструмент в понимании культуры, ее типологизации, но и является базовой метафорой, объединяющей основной семантический «инвентарь» культуры в ее онтологической данности в реальности и исторической ретроспективе.

Анализ времени как формы бытия культуры возможен и необходим на методологическом принципе разделения общего и частного. Если интерпретировать культуру как форму бытия, то следует учитывать дуальность этого бытийного феномена. Она заключается в том, что, с одной стороны, культура являет свои сущности в общественном и общезначимом плане, тем самым выражая всеобщее и объективное. Но, с другой стороны, культура непосредственно сращена с личностным бытием, выражающим субъективное, особенное. В этом контексте справедливо утверждение: «Мир культуры целостен и един. Но это не гомогенное единство “одного” – принципа, закона, времени или пространства, под которые “подводятся” многообразные проявления человеческого бытия»¹⁰. Одним из общих выражений кроющейся в этом утверждении проблемы является соотношение единого и частного, абсолютного и преходящего, всеобщего и особенного.

Определение времени как метафоры проецирует необходимость разработки проблемы времени в диалектическом единстве и синтезе междисциплинарного потенциала гуманитарных наук. Именно при таком методологическом подходе возможно изучение, выявление динамичной связи универсальных свойств данного концепта со всем многообразием мира культуры и, разумеется, бытия человека, так как только в человеческом мире время становится формой объективно-субъективного бытия и сложнейшим феноменом сознания.

В практическом смысле онтологизация времени как формы бытия культуры дает воз-

можность исследователю организовать и схематизировать предметный материал феноменов культуры в смысловой целостности. Именно таким образом можно осуществить качественную классификацию феноменального многообразия мира культуры, которая и лежит в основе принципа типологизации культур.

Каждый исторический тип культуры характеризуется своей трактовкой, концептуализацией времени его понимания, но при этом они дают единый присущий этой культуре тип восприятия, который раскрывается через понятие «современность». Современность как образ времени тесно связана с понятием смысла происходящего в настоящем, во времени вообще. Современность выражается в соприсутствии в историческом настоящем, где время актуализирует содействие, сопричастность. Временная составляющая контекстов культуры порождает общие смыслы, современность актуализирует эти смыслы в общепринятом, универсальном, общезначимом.

Время констатирует предельность в бытийности культурных феноменов в беспредельности линии жизни посредством соотносительности с ним, в которой, как в очерченном локусе, концентрируются смысл и ценность, особенное и единичное, типичное и уникальное мира феноменов культуры. В познавательном вопрошании концепт «время как форма бытия культуры» выступает в качестве *объяснительного принципа*, который используется в определении типа культуры. В практическом смысле онтологизация времени как формы бытия культуры дает возможность исследователю организовать и схематизировать предметный материал феноменов культуры в смысловой, качественной целостности.

Примечания

- 1 Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 21.
- 2 Касавин И. Т. Пространство и время : в поисках «естественной онтологии» знания // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 91.
- 3 Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 11.
- 4 Краевская О. А. Онтологический статус времени : способы тематизации времени в онтологии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2003. С. 8.
- 5 Попова Н. Т. Культурные механизмы развития человека // Теоретическая культурология. М. ; Екатеринбург, 2005. С. 325.
- 6 Фриуф В. А. Язык и время // Топос. Литературно-философский журнал. 2006. № 11. URL: <http://www.topos.ru/article/2191> (дата обращения: 2.07.2011).
- 7 Платон. Тимей // Платон. Соч. : в 3 т. М., 1971. Т. 3. 27d–28a.
- 8 Там же. 38b–c.
- 9 Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 15–16.
- 10 Бытие человека в культуре (опыт онтологического подхода). Киев, 1991. С. 89–90.

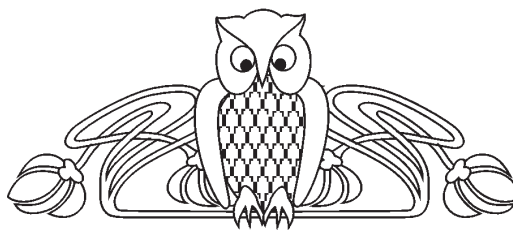

УДК 1:316:2-41

СОЦИАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА РЕЛИГИОЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РИСКОГЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. А. Дорошин

Саратовский государственный университет
E-mail: ivansar@mail.ru

В статье рассмотрено рассогласование социальной рискологии и экономических концепций в анализе вопросов экономической стороны религиозного поведения, с одной стороны, и фундаментальном характере и источниках личной веры, с другой. На месте нуминозности божественного опыта возникает религиозная сентиментальность. Экстремистские группировки как основные выразители этой сентиментальности не могут быть поняты в изоляции. Анализ религиозного поведения необходимо начинать с изучения «предложения» в целом, а затем и «спроса» на сверхъестественное – как определяющую характеристику религии.

Ключевые слова: риск, религиозная общность, экстремизм, экономика религии.

Social Alternatives of Religious Behavior in a Risky Reality

I. A. Doroshin

The article deals with mismatch theory of social risks and economic concepts in the analysis of substantive issues on the economic side of religious behavior on the hand and fundamental nature of religion and the sources of personal faith on the other. Extremist groups are the main exponents of this sentiment. They cannot be understood locally. Analysis of religious behavior must begin with a study of the «supply» in general the researches from proposal as a whole, and then «demand» for the supernatural – as the defining characteristic of religion.

Key words: risk, religious generality, extremism, economics of religion.

Для рискологического знания в социальной философии особенно интересны варианты «воинственного богословия», уходящего корнями, как правило, в социально-экономические и социокультурные особенности рисков. В статье представлена попытка альтернативного социально-философского анализа, который объясняет как постоянный «спрос» на религию, так и поток «альтернативной» религиозности. Анализ «экономики религии» интересен как исследование формы рискогенной реальности в постиндустриальном мире, «структурного порождения завышенных притязаний и ожиданий эффективности соответствующих систем коммуникации, фактически никак не оправдывающихся»¹. В экономической области хорошим примером этого является революция непропорционально растущих ожиданий².

В условиях светского государства любое оформленное религиозное мировоззрение является альтернативной формой социализации, но ортодоксия, на которую претендуют многие религиозные организации, не служит социаль-

ной альтернативой. Тем не менее в формулах толерантности игнорируется этот естественный конфликт. Единственным «заказчиком» толерантности остаются идеологические структуры. Но, к сожалению, идеология в большой доле случаев – это не более чем влюбленность умных людей в глупые идеи³, а путь толерантности заводит в тупик. К заблуждению и тупику приводит и отделение религиозных организаций от государства, которое не является созданием толерантной альтернативности. При этом терпимость, как показывает практика, не очень зависит от того, есть ли признанная ортодоксия или её нет. Свобода совести и выбора при религиозной альтернативе становится мифологемой, поскольку зависит не от количества вариантов, степени альтернативности или сотрудничества с государством, а от уровня образования и реализации демократических свобод. Чем более замкнут на себе этот религиозный порядок, тем проще, быстрее и «экстремальней» он разрешает проблему, как жить в мире, где существует выбор⁴.

В анализе религиозного порядка и формул толерантности мы исходим из базового допущения, что постоянный «спрос» на религию может не иметь ничего общего с религиозными поисками, как спрос на охранные системы не имеет ничего общего с созданием безопасного пространства. Хотя в религиозоведении эта разница, кажется, так и не обозначена. Например, секты имеют большой опыт в производстве «клубных товаров» – как духовных, так и материальных. Там, где плохо функционируют правительства и экономики, в том числе и церковная, секты часто становятся основными «поставщиками» социальных услуг⁵, а возможно, и одной из основных форм социализации. Успех в качестве поставщиков достигается в большей степени за счет преимущества организационной структуры, мобильности, нежели «богословия» секты.

Социальный, и прежде всего социально-экономический анализ религиозного поведения практически исключается из современного религиозоведческого дискурса. Рискология, изначально имеющая прикладное социально-экономическое значение, могла бы, пожалуй, многое прояснить. Для начала необходимо понять основание для этого. Уже Адам Смит заложил основу для теоретического социально-экономического анализа

религии в 1776 г. В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» он утверждал, что личный интерес мотивирует духовенство так же, как и светских производителей; что рыночные силы сдерживают церкви так же, как они ограничивают светские фирмы, и что преимущества конкуренции, бремя монополии и опасности государственного регулирования реальны для религии, как и для любого другого сектора экономики⁶. Естественно, церковь – не фирма, но актуально и обязательно ведет экономическую жизнь, то же касается и вакуфного имущества.

Идеи Смита были забыты на протяжении более чем двух столетий как психологами, антропологами – религия считалась явно нерациональным поведением, – так и экономистами, которые проигнорировали религию в целом. В подавляющем большинстве социальных исследований XIX и XX вв. религиозные учреждения представлены в качестве умирающего следа нашего примитивного, донаучного прошлого. Современные ученые, пожалуй, возвращаются к смитовскому пониманию религиозного поведения как продолжающегося рационального выбора. Хотя есть теоретическая проблема разграничения экономики религии и понимания экономики как рыночных стратегий: поскольку экономика не сводится к рыночным отношениям исторически – и они не свойственны религиозным институтам. В противовес экономике рыночных отношений можно попробовать описать экономические отношения, основанные не на обмене, а на символическом социальном «обмене» жертвы. Экономисты, как и социологи, проанализировали религиозное поведение на индивидуальном, групповом и национальном уровне. Уже в 1990-е гг. Р. Уорнер заявил о рациональном выборе и рыночных моделях как «новой парадигме» для изучения религии⁷. Ныне спектр теорий колоссален и доходит до теории макдонализации⁸ и «супермаркета религий»⁹.

Солидный сегмент религиозных организаций на «рынке» и социальная альтернатива религиозного поведения в рискованной реальности – это экстремистские группировки, но они не могут быть поняты в изоляции, необходимо начинать с изучения «предложения» в целом, а затем и «спроса» на сверхъестественное как определяющей характеристики религии.

Существует большая сложность в трактовке действия религиозной организации в экономических терминах – слово «продажа» может оказаться кощунственным и неприемлемым, поскольку сильно упрощает явление. Церковная практика треб предполагает возможное, но не обязательное вознаграждение священника, которое можно учитывать как экономический процесс. Возможна также прямая продажа религиозной книги или получение издания, свечи за пожертвование. Пожертвование на храм после литургии никоим образом нельзя рассматривать как оплату. При этом предполагается, что труд церковных служащих

надо вознаграждать. В то же время самый мощный экономический инструмент – сбор десятины – церковь в современной России не применяет, заботясь о верующих. Другими словами, церковная практика предпочитает в современных условиях непрямые варианты достижения материального благополучия.

Наличие культов и сект усложняет трактовку религиозного поведения в экономических терминах. Они также имеют большой опыт по совместному «производству» и «предоставлению» социальных услуг – страхованию политической деятельности и других светских «товаров», – а также духовных благ, которые мы обычно ассоциируем со сверхъестественным. В некоторых условиях и насилие становится еще одним «совместным продуктом» религиозных сект. В любом случае в аналитических целях необходимо пересмотреть религиозность – даже в ее наиболее экстремальных проявлениях – в качестве рационального, но не обязательно нормального и разумного поведения.

Экономика религии характеризуется скорее как подход, а не как область исследования. Как и другие приложения теории экономики, она опирается на «комбинированные предположения» максимизирующего поведения, рыночного равновесия и стабильного предпочтения¹⁰. Другими словами, это подход к изучению взглядов людей как рациональных религиозных потребителей. Они могут изменить религиозный выбор и религиозную деятельность, даже если их вкусы, нормы или убеждения не меняются – это касается «предложения религии». Религиозные «производители» веками используют сетевые социальные ресурсы, претендуя на максимальное членство, государственную поддержку или некоторые другие определители институционального благополучия.

Исследователи экономики религии как особой сферы общественной жизни применяют терминологию рыночной экономики, забывая, что она не соответствует институтам, которые прекрасно себя чувствовали вне рыночных отношений – например, «действия церковей и священнослужителей, таким образом, моделируются как рациональные реакции на ограничения и возможности, найденные на религиозном рынке»¹¹. Выражение «религиозный рынок» может вызвать серьезный и справедливый гнев верующих христиан, иудеев, мусульман. Возможно, в этом высказывании прослеживается влияние концепции «супермаркета религий», но есть проблема в использовании терминов, созданных в целях здоровой критики, для чисто описательных задач и создания понятийного основания экономики религии.

«Производитель» не может долго выжить без устойчивой поддержки «потребителей», будь то деньги платежеспособных клиентов, членские взносы или правительственные субсидии. Потребительские предпочтения, тем самым, форми-

ругут содержание религиозного «производства» и предложения, а следовательно, и институциональные структуры, которые их предоставляют. Эти последствия ощущаются там, где религия менее регулируется «извне» и конкуренция между религиозными сообществами является более выраженной. В условиях высокой конкурентности среды у религии не остается другого выбора, кроме как отказаться от неэффективных «форм производства» и непопулярных «продуктов» в пользу более привлекательных и выгодных.

Проблемой является воспроизводство базовых составляющих института религии, которые складывались в исторически иной конкурентной атмосфере. Они являются основанием культуры, принадлежат потоку времени, но с трудом могут выдержать псевдоконкурентные удары рыночных квазирелигиозных монстров. «Религиозные» культы, в отличие от «традиционных» религий, являются порождением своего времени, прекрасно адаптированным к социально-экономической реальности. Фундамент религиозных институтов может быть не рационализуем для социальной теории. Есть серьезный риск получить в результате конкуренции лишь более дешевые социальные структуры с серьезной потерей качества. Выпускаемая «продукция» зависит от поставки «заменителей». Например, на фоне развития государства всеобщего благосостояния в Европе и США церковь вытесняется в сферы образования, медицинской помощи, поддержки бедных и пожилых. Кроме того, будущие ситуации, к которым мы приспосабливаем наше поведение, все больше зависят от поведения огромного количества объектов и обусловлены столь большим числом факторов, что мы и не пытаемся все их принять во внимание¹². Таким образом, в будущем мы можем получить в качестве объекта анализа не религию, а огромное количество более дешевых заменителей под тем же названием, но большинство из них будет постоянно ускользать от нашего внимания.

Итак, стандартные экономические идеи могут многое сказать о религии, вернее, о современной религиозной жизни, правда, не касаясь существенных вопросов о фундаментальном характере религии, источниках личной веры. На месте нуминозности божественного опыта возникает религиозная сентиментальность – хорошо известная характеристика религии, утратившей живую тайну¹³, – а также надрывная сентиментальность экстремизма.

Исходя из того что сущностная часть религиозной практики как одной из форм социальной выходит за границы рынка, религиозные «товары» должны быть отделены от всех других, а спрос на религию необходимо отличать от всех остальных требований и запросов. Это существенно для анализа экстремизма. Наиболее полно подобный подход можно найти в трудах Л. Р. Янсона, хотя теория отнюдь не является полной¹⁴. Предполагается, что есть человеческая тенденция идентифи-

цировать большинство повседневных явлений как физическое или нормальное. При этом последние два слова стали взимозаменяемыми. Сверхъестественное относится к силам или существам за его пределами этого естественного порядка или, по крайней мере, выходящим за его пределы. Эти силы могут приостановить, изменить или проигнорировать нормальное течение событий. Аналогично в восприятии нормы социальных институтов также пытаются на обыденном уровне увидеть физическое. Таким образом, от анализа отношений мы опускаемся до симуляции субстанциональных вопросов. Теория Янсона также предполагает дефицит рациональности у «потребителя», который непросто принять исследователю. Экзистенциальные потребности мотивируют к более длинным, удобным социальным алгоритмам и более значимой жизни. Каждое из социальных изобретений можно рассматривать как технологию для расширения множества возможностей и попытку отодвинуть пределы дефицита. На этом фоне сверхъестественное выступает как технология, альтернативная естественным, понятным и, возможно, даже рациональным попыткам улучшения индивидуального и коллективного благосостояния. При этом не имеется в виду, что именно религия может предложить успешное решение экзистенциальных проблем.

Спрос на сверхъестественное можно рассматривать как разумный ответ на неизбежный дефицит доверия и надежды и необходимую составляющую надежды, и не только её. Преимущества сверхъестественного поведения постулируются как субъективная вероятность того, что человек получает какую-то выгоду или пользу хотя бы не в этом мире. Он вкладывает свои силы и средства, основываясь на восприятии событий как сверхъестественных. При этом «инвестиции» в сверхъестественное имеют смысл не только для доверчивых, фанатиков и «верных», но и для агностиков. Даже скептики стараются быть осторожными в вопросах религии, поскольку никто не может быть до конца уверен, что небеса пусты. Мы приходим, таким образом, к тезису, который переворачивает стандартные представления о вере с ног на голову: рациональные люди будут стремиться понимать и влиять на сверхъестественное в той степени, в какой остается неопределенным его небытие¹⁵. Дело, конечно, не в том, чтобы защищать существование сверхъестественного или дискредитировать его, но необходимо просто подчеркнуть его основные экономические основания и всемирное тяготение к религии.

Сложно представить, чем человек может вознаградить себя за отсутствие надежды. Неудивительно, что дети атеистов скорее склонны отказываться от убеждений своих родителей, чем дети верующих¹⁶. Экономика религии как подход, таким образом, помогает нам понять одну из самых больших неудач в истории социальных наук: провал секуляризации теории, позитивист-

ского проекта секуляризации науки¹⁷. На протяжении веков ученые уверенно и неправильно предсказывали кончину имманентной религии. В научных кругах, средствах массовой информации это распространенная точка зрения, основанная на устойчивом количестве стилизованных под научные фактов: например, уверенность, что популярность религии должна неизбежно снизиться благодаря прогрессу науки и техники; что люди становятся менее религиозными и более скептически воспринимают сверхъестественное, получая образование, а также что большинство членов девиантных «культов» и фундаменталистских «сект» является жертвами идеологической обработки или имеет психологические проблемы – травмы, неврозы, неудовлетворенные потребности. Многочисленные научные исследования, проводимые в течение многих лет (от кросс-культурного сравнения до субкультурных срезов) не оставляют сомнений, что эти обобщения неверны. Спрос на сверхъестественное есть и является одним из основных. Люди остались стойкими потребителями надежды.

Рынок должен решать проблемы информации и неопределенности. Несмотря на то что речь не идет о чисто рыночных отношениях, наличие и эффективность сверхъестественных технологий всегда остаются именно вопросом веры. Перспектива мира на земле и вечной жизни привязана к огромной неопределенности. На языке экономики это называется товарами доверия¹⁸, религия же предлагает окончательное решение в этой сфере.

Традиционные академические теории религии не имеют возможности объяснить устойчивость экстремистских группировок: остается только назвать их сплавом невежества, принуждения, обмана и психопатологии. Чтобы лучше понять «привлекательность» экстремизма, необходимо вернуться к проблеме религиозного риска. Дилемма, с которой сталкивается «потребитель» сверхъестественного, аналогична той, которая стоит перед покупателем. Качество продукции с трудом поддается оценке даже после приобретения и использования. Не желая быть обманутыми, покупатели требуют гарантий, запрашивают информацию у третьих лиц или исследуют репутацию продавца. Таким же образом можно предсказать институционализацию и в сфере религии, создание и отработку механизмов, направленных на снижение мошенничества и увеличение информации, что часто называют общим словом «традиция». Отзывы являются обычным явлением в религии. Интересно, что кажущаяся бесплотной религиозная институционализация чаще делает упор именно на материальное «благословение». Кроме того, свидетельства рядовых членов оказываются более надежными, поскольку у них меньше стимулов переоценить преимущества религии, в отличие от представителей духовенства, чьи средства к существованию зависят

от постоянства экономического притока. В этом секрет колоссального влияния агиографической традиции и схожих явлений в нехристианских религиях.

Экстремистские «секты» также являются религиозными общинами, посвященными производству «коммунальных товаров» и погоне за «коммунальными» целями. Упустить этот момент, как это делают многие ученые и большинство журналистов, означает не понять сущности сектантства. Опираясь в основном на слова сектантов, журналисты выстраивают картину метафизической интоксикации, тогда как социальная сущность остается непрозрачной.

Итак, религия, культ и экстремистское движение, с точки зрения социально-экономического подхода к религии, видимо, являются аналитически различными режимами религиозной организации. Понятия «религия», «культ», «секта» не являются узкоспециальными описательными категориями, которые возникают как формальные последствия высокой стоимости «высоких» обязательств¹⁹. Это шаг к единой теории в объяснении и предсказании многочисленных эмпирических данных о религиозной социализации.

Примечания

- 1 Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2001. С. 134.
- 2 См.: Луман Н. Указ. соч.
- 3 См.: Banescu C. Exposing intellectual morons. URL: www.orthodoxytoday.org/articles4/banescumorons2.php (дата обращения: 02.08.11).
- 4 См.: Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 24.
- 5 Iannaccone L. R. Religious extremism : the good, the bad, and the deadly. URL: <http://econ.ucsd.edu/~elib/rex.pdf> (дата обращения: 08.07.11).
- 6 См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. С. 740–766.
- 7 Warner R. S. Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States // American J. of Sociology. 1998. № 7. P. 1044–1093.
- 8 См.: Ritzer G. The McDonaldization of Society : An Investigation Into the Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks, 1996. 265 p.
- 9 Термин заимствован из названия международной конференции «Духовный супермаркет. Религиозный плюрализм и глобализация в XXI столетии», которая проходила с 19 по 23 апреля 2001 г. в Лондоне. URL: <http://www.religio.ru/relisoc/67.html> (дата обращения: 31.03.11).
- 10 См.: Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, 1976. P. 5.
- 11 См.: Iannaccone L. R. Op. cit.
- 12 См.: Найт Ф. Понятие риска и неопределенность // TESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5 : Риск, неопределенность, случайность. С. 12.

- ¹³ См.: Юнг К. Г. Жизненный рубеж // Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 185.
- ¹⁴ Iannaccone L. R. A Formal Model of Church and Sect // American J. of Sociology. 1988. № 9 (Supplement). P. s241–s268 ; Ibid. Sacrifice and Stigma: Reducing Free-Riding in Cults, Communes, and Other Collectives // J. of Political Economy. 1992. № 100(2). P. 271–292 ; Ibid. Why Strict Churches are Strong // American J. of Sociology. 1994. № 99(5). P. 1180–1211 ; Ibid. Risk, Rationality, and Religious Portfolios / Economic Inquiry. 1995. № 38(2). P. 285–295 ; Ibid. An Introduction to the Economics of Religion // J. of Economic Literature. 1998. Vol. 36. P. 1465–1495.
- ¹⁵ Iannaccone L. R. Religious Extremism.
- ¹⁶ Stark R., Bainbrige W. S. The Future of Religion : Secularization, Renewal, and Cult Formation. Berkeley, 1985. P. 47–48.
- ¹⁷ См.: Stark R., Bainbrige W. S. Op. cit.
- ¹⁸ См.: Darby M. R., Karni E. Free Competition and the Optimal Amount of Fraud // J. of Law and Economics. 1973. № 16(1). P. 67–88.
- ¹⁹ См.: Iannaccone L. R. Religious Extremism.

УДК 1:316.61

СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В. С. Ерохин

Саратовский государственный университет
E-mail: V.S.Erohin@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы личностной идентификации в области intersубъективных связей и отношений. Утверждается, что социальный риск личностной идентификации представляет собой возможность несоответствия социальных требований личностным интенциям. Выделяются онто-гносеологический, аксиологический и этико-праксеологический аспекты проблемы социального риска личностной идентификации.

Ключевые слова: личность, идентификация, жизненное пространство, intersубъективность, социальный риск.

Social Risk of Personal Identification

V. S. Erohin

Article is devoted to the analysis of a personal identification in interpersonal communications and relations spheres. Author affirms that the social risk of personal identification is a possibility of discrepancy of social requirements from personal intensions. There are some aspects of identity problem: onto-epistemological, axiological and ethics-praxiological.

Key words: person, identification, life space, interpersonality, social risk.

Современное общество предоставляет огромные возможности для выбора своего места в социальной группе. В этом отношении особенно остро встает вопрос о соотношении личностной и социальной сторон идентификации персоны. Проблема личностной идентификации может быть рассмотрена в системе категорий «жизненное пространство» и «жизненный мир», то есть в рамках диалектики индивидуального и социального в структуре личности. С одной стороны, персона стремится интегрироваться в социум, полноценно реализуя собственную неповторимость, заняв то место в обществе, которое бы полностью отвечало ее интенциям и жизненным ориентирам. С другой

стороны, социальные роли и соответствующие им ролевые ожидания далеко не всегда соответствуют тому, к чему она стремится. Несовпадение личностных интенций и социальных требований понимается нами в качестве социального риска. Его сущность артикулируется в соотношении общественного и индивидуального, или иначе говоря – в социальной структуре личности.

Современное общество оставляет человека перед самим собой, при этом разрушая его. Принцип, согласно которому текст понимается в качестве системы отсылок, разработанный в философии постмодернизма, снимает привычные социальные ориентации и точки отсчета в социуме, что приводит к потере ценностных ориентаций и смысла жизни человека. Возникает проблема Другого, и более узко – вопрос о социальном риске личностной идентичности и идентификации как один из основных в современной мысли. Он может быть раскрыт в нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых областях. В самом общем смысле можно обозначить онтолого-гносеологический, аксиологический и праксеолого-этический аспекты проблемы. Один её пласт связан с познанием сущности Другого исходя из субъективности познающего субъекта, а также с его признанием в качестве равного себе. В социально-философском смысле это означает, что социальность в лице Другого оставляет за персоной возможность выстроить собственную идентичность в соответствии с её индивидуальными интенциями, а не выстраивает за неё её саму. Другой аспект возникает в связи с ответственностью перед Другим и за Другого. Соответственно, встает проблема соотношения социальной ответственности личности и личностно ориентированной ответственности социума.

Вопрос о Другом формируется в философских построениях Дж. Локка и Р. Декарта, которые, исследуя познание Другого Я, предлагали аргумент «по аналогии»: знание о другом сознании, о другом Я обусловлено знанием собственного Я¹. Я знаю типичные корреляции между состояниями своей субъективной реальности и их внешними проявлениями. Наблюдая такие внешние реакции у другого, я могу судить о состоянии его субъективной реальности. Кроме того, часто ссылались на аналогичную телесную структуру.

Помимо эмпирических концепций существуют и теоретические подходы к проблеме Другого, в частности Э. Гуссерля. Проблема интерсубъективности и утверждение познания Другого в рамках его философии решаются, с одной стороны, «по аналогии», а с другой – через введение области примордиальности в виде генерализации (временного единства множества *Cogito*) и социокультурного пласта, позволяющего преодолеть солипсизм феноменологических конструкций.

В литературе аргумент «по аналогии» справедливо подвергается критике, указывается на его недостаточность². Например, критика Гуссерля Левинасом заключается в том, что конституирование *alter ego* через аналогичную аппрезентацию исходя из сферы субъективности *ego* приводит к нейтрализации абсолютной инаковости. По его словам, важно видеть в Другом не материал для интеграции, а Лицо³. В этом утверждении реализуется не усмотрение в другом *Cogito* продолжения собственного Я, а принятие и признание в *alter ego* субъекта, равного по статусу воспринимающему. Иначе говоря, признается право отдельного субъекта выстроить личностную самотождественность. Исполнение Другим в лице сосуществующих социальных субъектов заранее приготовленной социальной роли приводит к возможности возникновения и формирования социального риска как противоречия индивидуального и социального компонентов личностной идентичности.

Переход к признанию Другого осуществляется Гуссерлем через указание на невозможность редуцировать реальное существование как *ego*, так и *alter ego* к интенциональному корреляту в силу его субъективности, поэтому философ приходит к признанию «сообщества личностей», которое, как указывает Лиотар, может быть понято в качестве коллективного сознания Дюркгейма или объективного духа в гегелевском смысле⁴, где осуществляется взаимосхватывание и взаимоконструирование интенциональных субъектов. Происходит одновременное конституирование индивидуального горизонта видения и коллективного мировидения.

На основании пассивного синтеза становится возможным формирование знания о Другом. Гуссерлем реализуется проект предзаданной ценностной и культурной системы как основания для пассивного синтеза множества интенциональных

и конститутивных субъектов; вводится проект редукции к пра-я для дополнительного обоснования механизмов формирования социального мира.

Область примордиальности, понимаемая в качестве основания познания и признания Другого и, как следствие, формирования социальности можно связать, во-первых, с обретением единого смысла в системе «Я – Другой», а во-вторых, с взаимонаправленным движением множества интенциональных ценностных субъектов к абсолютно иному⁵. В таком смысле процесс редуцирования как стремление личности выстроить свою самотождественность в соответствии со знаниями и пониманием собственных интенций может быть понято как стремление к познанию и признанию Другого в качестве равного. Поэтому редуцирование и стремление к области примордиальности нами понимается в качестве средства минимизации социального риска личностной идентификации как несоответствия интенций и ролевых ожиданий. При полноценной реализации редукции к пра-я становится возможным эффективное взаимопонимание, диалог множества социальных субъектов.

Имеет смысл рассматривать общество и культуру в качестве области диалога между Я и Ты. Такой диалог становится возможным на основании взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности, соучастия социальных субъектов в непосредственно текущей жизни другого⁶. Здесь мы получаем возможность понимать Другого, конструируя типичный образ действия, типичные, лежащие в его основании мотивы, установки типа личности. Принятие таких установок представляет собой процесс социализации⁷. Другой понимается как равный, что позволяет возникнуть диалогу.

Любой диалог строится на основании взаимной речи. Анализируя идеи Х. Арндт, С. А. Наумов указывает на специфическую особенность речи и диалога в культуре – в качестве таковых могут быть представлены непосредственно говорение и действие как особый способ самовыражения и культурный код, позволяющий отличать людей друг от друга вместо того, чтобы просто быть разными⁸. Жизненный мир, понимаемый в работе Наумова в качестве публичности, характеризуется тем, что мир личностной самореализации, область ее идентификации приобретают реальность через публичность как сферу, в которой человек получает возможность назвать себя в качестве отдельного, уникального, а не коллективного, неразличимого существа. Позиции субъектного и социального существования личности различаются языком, формой поведения, дискурсами, что, естественно, требует определенного перевода, перехода с одних позиций на другие. Личность получает возможность выразить себя не только на языке субъективности, но и на языке социальных статусов и ролей, что позволяет ей играть ту социальную роль, которая максимально полно

отвечает ее субъективным запросам. С другой стороны, благодаря такому переводу становится возможным понимание личности со стороны другого субъекта, *alter ego*, что приводит к взаимопониманию обеих сторон. Следствием является то, что социальный риск как противоречие в социальной структуре личности актуализируется в вербальном отношении и через диалог может быть минимизирован.

Таким образом, личностная идентификация в системе интерсубъективных связей представляет собой двуединый интенциональный процесс, интегрирующий личностное и социальное измерение персоны в стремлении минимизировать противоречия в структуре личности – социального риска личностной идентификации.

Социально-этический и аксиологический аспекты личностной идентичности и идентификации в пространстве «Я – Другой», как нам представляется, заключаются в формировании ценностного отношения субъектов социальной интеракции. Ценностный опыт суть свойство природы, новое возникает в контексте взаимодействия организм – среда (коллективное – индивидуальное в личности). Ценностный опыт возникает и как уникальный, и как разделяемый с другими людьми, подобно другим видам социального опыта. Всякий социальный контакт требует от актора, хочет он того или нет, выхода за пределы своей субъективности. Персона утрачивает тот уголок, куда она могла бы спрятаться в трудной ситуации. Посещение иного разрушает эгоизм Я, что приводит к моральной ответственности перед Другим⁹. Именно поэтому экзистенциальная интенция требует выработки гармоничного ценностно-этического опыта как ответной реакции на возникновение конфликта ценностей.

Моральное суждение подразумевает, что субъекты социально-ценностной, в данном случае, интеракции осознают конфликт последствий какого-либо импульса и всех остальных социальных процессов, что содействует их примирению¹⁰. Жить согласно моральным нормам означает, по Дж. Миду, рационально сознавать ответственность за наступление неблагоприятных последствий социального действия. Нравственный поступок есть рациональное действие, с точки зрения его последствий, в ситуации, которая обеспечивает матрицу возможностей для разумного выбора. В этом отношении Я как проявление личностного начала в социальном субъекте реализует внедрение в систему социальных интеракций идеи наличия рациональности в действии как гаранта корректного взаимодействия множества субъектов в социуме. Ее отсутствие ведет к риску нарушения морально-этической интеракции социального контакта.

Экзистенциальные идеи Левинаса и Г. Марселя привели обоих философов к идее наличия фундаментального основания. Таковым может быть представлен социокультурный пласт, обе-

спечивающий возможность возникновения ответственности перед Другим как таковой. Марселевы философские интенции связаны в этом плане с религиозно-философским началом, возникающим через опыт смирения и фундамирующим отношение ответственности как перед Другим, так и перед самим субъектом¹¹. Такое основание, понятие через идею бесконечного, значимо в первую очередь тем, что пробуждает Я к ответственности за Другого, которая единственно и конституирует меня как субъекта. Идея бесконечного понимается как связь Я с Другим на основании запредельности отношений в смысле бытия за пределами интенциональности. Это означает требование идти вперед без оглядки на себя, когда спрятаться негде.

Прошлое, как указывает С. Р. Валитов, «имеет точное значение прочно укорененного обязательства, исходного по отношению к любому установлению и порядку, целиком черпающего свой смысл в том повелении, которое управляет Это в лице Другого»¹². Такое прошлое можно проинтерпретировать как заложенную в человеке возможность человечности. Это нечто большее чем ретенция Гуссерля, поскольку отсылает не только и не столько к накопленному социальному опыту, социальной памяти, формирующей горизонт видения каждого конкретного *Cogito*, сколько к изначальной сущности человека. Это – основание заботы, но не о себе, а о Другом, жизнь ради Другого, ради высшего начала, ради сохранения человечности в человеке.

В этом отношении реализуется понимание Левинасом смерти как вынужденности принятия решения, ответственного не просто перед самим собой, а перед будущим в целом. И именно здесь возникает истинная сущность Другого не только и не столько как отдельно взятого другого человека, а как человечества в целом¹³. Победа над смертью через творчество, свойство претенциозности человеческой, точнее, личностной сущности понимается нами как вхождение в генеративную область. Проблематичность такого положения дел состоит в утрате единства смысла, или, как выражается сам Левинас, в смерти бога как гаранта единства смыслонаправленности¹⁴. Именно в этом отношении очень важным моментом становится акт взаимопонимания. И Левинас настаивает на восстановлении андрогинной в платоновском смысле сущности человека для восстановления полноценного со-существования Я и Ты как множества субъектов, личностей в системе одной культуры и возможности мультикультурного и кросс-культурного диалога. Соответственно, это – возможность реализовать личностные интенции в системе социальных связей и отношений без противоречия между индивидуальным и коллективным в структуре самого себя. Таким образом, через диалог как внутренний, так и внешний, происходящий в форме социальной интеракции, реализуется возможность свести к минимуму негативные последствия социального риска. До-

стижение такого единства становится возможным, как нам представляется, на основании преодоления времени через творческое отношение.

Подведем итоги. Социальный риск представляет собой возможность наступления противоречия в социальной структуре личности: требования социальности, реализуемые в системе социальных статусов и социальных ролей, не всегда адекватно соответствуют тому, как себя осознает персона. Проблема социального риска личностной идентификации нами связывается с проблемой соотношения Я и Другого, когда под Другим понимается как другой субъект, alter ego, так и общество в целом. В рамках такого подхода выделяется три аспекта – онтолого-гносеологический, аксиологический и этический. Рассмотрение первого приводит к вопросу о познании и признании Другого в качестве равного себе. Реализация такого проекта позволяет личности полноценно реализовать себя не только в системе жизненного пространства – области субъективного существования, – но и в рамках социальных связей и отношений. Кроме этого, признание Другого в качестве равного себе и выстраивание с ним социальных отношений в соответствии со знанием его интенций приводит к минимизации социального риска личностной идентификации.

Аксиологический аспект проблемы понимается как связанный с вхождением персоны в систему генеративных связей – социокультурный пласт общечеловеческого существования. Социализация личности позволяет ей достигнуть понимания требований социума. Результатом становится взаимопонимание социального субъекта и общества как системы и выстраивание в соответствии с ним личностной идентификации.

Этический аспект связан с выработкой ценностно-этического опыта как гаранта корректного социального поведения множества субъектов социальной интеракции. Его отсутствие ведет к риску нарушения морально-этической интеракции социального взаимодействия.

Примечания

- 1 См.: Дубровский Д. И. Проблема «другого сознания» // Вопр. философии. 2008. № 1. С. 22.
- 2 Там же. С. 23.
- 3 См.: Валитов С. Р. Этика Эммануила Левинаса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7 : Философия. 2008. № 1. С. 105.
- 4 Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб., 2001. С. 39.
- 5 Валитов С. Р. Указ. соч. С. 108.
- 6 См.: Щюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 131, 133.
- 7 Там же. С. 132.
- 8 См.: Наумов С. А. Игра как способ представлений реальности публичных коммуникаций // Вопр. философии. 2008. № 6. С. 32.
- 9 См.: Валитов С. Р. Указ. соч. С. 109.
- 10 См.: Розентол С. Д. Этическое измерение человеческого существования : прагматический путь Мида за пределами абсолютизма и релятивизма // Вопр. философии. 1995. № 5. С. 141.
- 11 См.: Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск, 1994. С. 14.
- 12 Валитов С. Р. Указ. соч. С. 113.
- 13 См.: Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм Другого человека. СПб., 1999. С. 21–119.
- 14 Там же. С. 120–244.

УДК 130

ИДЕЯ СОГЛАСИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ П. А. СОРОКИНА

М. П. Меняева

Челябинская государственная академия культуры и искусств
E-mail: kaf-fil@chgaki.ru

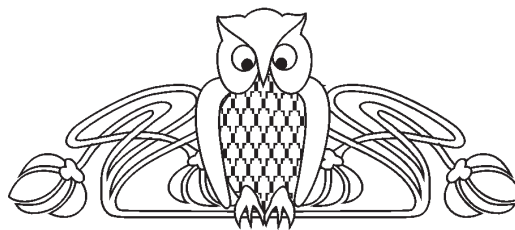
Статья посвящена осмыслению идеи согласия в контексте философии культуры П. А. Сорокина. Эта идея является средством интерпретации размышлений П. А. Сорокина о культуре, личности и обществе, а также его концепции конвергенции культур.

Ключевые слова: согласие, интеграция, культура, культурные суперсистемы, альтруистическая любовь, конвергенция культур, единство, сотрудничество, гармония.

The Idea of Consent in P. A. Sorokin's Philosophy of Culture

М. P. Menyayeva

Article is devoted to grasp the meaning of the idea of consent in the context of philosophy of culture by P. A. Sorokin. The idea of consent

is the means of interpretation of P. A. Sorokin's reflections on culture, person and society and his concept of convergence of cultures.

Key words: consent, integration, culture, cultural supersystems, altruistic love, convergence of cultures, unity, collaborate, harmony.

В современном мире нарастают конфронтационные тенденции между разными странами и государствами, усиливаются конфликты и разногласия на межкультурном, межнациональном и межличностном уровне, поэтому становится необходимым согласие, идея которого пронизывает

вает творчество всемирно известного мыслителя XX в. Питирима Александровича Сорокина. Он соединил в себе таланты философа, социолога и культуролога. В его творчестве получила развитие идея согласия. П. А. Сорокин синтезировал традиции русской и западной науки, поэтому логика его мышления созвучна тем учениям, которые характеризуются идеалистической, религиозной и позитивной направленностью. Ему удалось создать интегральную теорию и он сумел открыть то предельное основание, которое обеспечивает единство человечества, показав необходимость многомерного диалога и толерантности между культурами.

П. А. Сорокин предпринял попытку разработать синтетическое учение. Его фундаментальный труд «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) – четырехтомное исследование смены основных систем искусства, научного знания, этики, права и социальных отношений – стал результатом совместной деятельности круга единомышленников П. А. Сорокина. В него вошли философы Н. Лосский, И. Лапшин, экономист П. Савицкий, историк С. Пушкарёв, специалисты по военной истории, генералы А. Зайцев, Н. Головин, специалист по искусству Византии Н. Окунев, социолог Н. Тимашев, культуролог Ю. Болдырев и др. В этом труде представлена интегральная система общественного развития и осуществлен анализ основных областей западной культуры. На основе обширных данных автор констатировал, что все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживали в то время кризис – разлад согласованной функциональности.

П. А. Сорокин выделял следующие формы согласования, которые являются вариантами приспособления человека к природе:

- 1) механическое соседство (скопление);
- 2) косвенная ассоциация (возникает под воздействием общего внешнего фактора);
- 3) причинное или функциональное единство (в нем части непосредственно связаны друг с другом или же связаны косвенно, при помощи особых внутренних «центров», которые ближе им по своей «природной сути», чем это бывает при чисто внешней интеграции);
- 4) логико-смысловая интеграция (когда общим знаменателем служит главный смысл или идея).

По мнению мыслителя, логико-смысловые единства можно обнаружить только в той сфере, которая включает в себя человеческую мысль и воплощение, т. е. в культуре, причем лишь в той её части, которая является результатом деятельности ума, будь то наука, религия, искусство, философия, мораль или техника. Иначе говоря, «смысловая и логическая интеграция, по определению, может существовать лишь там, где есть разум и смысл»¹. Отсюда следует, что высшие ценности и комплексы ценностей любой великой культуры относятся к разряду логико-смысловых единств,

именно этот уровень и придает ей социокультурную и логико-смысловую индивидуальность, ее особый стиль, облик и характер.

П. А. Сорокин рассматривал культуру как надорганическое явление, которое представляет собой системное образование со смысловым принципом взаимосвязи его бесконечно многообразных составных элементов, тем самым отличающееся от культурных скоплений. По его мнению, культурных систем может быть неисчерпаемое множество, среди них выделяются пять главных: язык, наука, религия, искусство, этика. Их сочетание в определенной интегрированной конфигурации образует суперсистемы, сфера которых превосходит отдельные общества.

П. А. Сорокин различал две противоположные культурные суперсистемы («чувственную» и «идеациональную»), взаимодействие которых влечет за собой появление промежуточной, компромиссной, согласующей их как две крайности («идеалистической»). Мыслитель отмечает, что все интегрированные культуры в действительности оказываются состоящими из различных соединений двух чистых логико-смысловых форм. В некоторых преобладает первый тип, в некоторых – второй, а в каких-то они смешаны в равных пропорциях и на одинаковом основании. Соответственно, одни культуры ближе к идеациональному типу, другие – к чувственному, но есть представляющие собой сбалансированный, органический синтез обоих – таков «идеалистический» тип культуры. Поскольку люди, по мнению П. А. Сорокина, не способны находить истинный баланс ценностей, переход от одной суперсистемы к другой сопровождается кризисом, создавая бесконечные флуктуации в истории.

П. А. Сорокин фиксировал кризис «чувственной» суперсистемы в XX в. Его проявления он видел в росте материальных ценностей, в культивировании прагматизма, утилитаризма, гедонизма, представленных в чувственных формах, когда человек сосредоточен на технологических изобретениях, а также в господстве культа силы и принуждения, распространении «морального релятивизма, нигилизма» и отсутствии абсолютных моральных ценностей. Поэтому главный нравственный принцип нашего времени «допустимо всё что выгодно». П. А. Сорокин обратил внимание на то, что когда составляющие культурной системы становятся морально безразличными, образуются такие явления, как наука, совершенствующаяся в производстве средств войны и способствующая уничтожению человечества, вместо того чтобы служить благу.

С ситуацией кризиса чувственной системы связано усиление насильственных отношений, результатом которых в XX в. стали торжество тоталитарных режимов и мировые войны. Насилие, по мнению учёного, исключает благотворная сила любви. В качестве средства выхода из кризиса П. А. Сорокин предлагал признание «альтруи-

стической любви» абсолютной ценностью. Любовь в его понимании – «гармонизирующая сила, которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса. Она объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается раздором, создает и поддерживает великий порядок во всем универсуме»². Другими словами, любовь предполагает согласие. Общество индивидов, связанное взаимоотношениями любви, он считал самым мирным и самым гармоничным и утверждал, что «энергия неэгоистической любви потенциально представляет собой гигантскую восстанавливающую силу»³. Такую любовь необходимо культивировать в отношениях между людьми. Следует отметить, что мыслитель различал два типа альтруистической любви: любовь-эрос и любовь-агапе. Первая лежит в основании этики «добрососедства», которая важна для общества, так как обеспечивает выживание социума, образуя необходимые для этого моральные нормы. «Добрые соседи» являются носителями нравственности рационального типа. Тех, чья нравственность основана на сверхсознании и в этом смысле иррациональна, можно называть святыми (в соответствии с результатами исследования, изложенными П. А. Сорокиным в изданной в 1950 г. книге «Altruistic Love: A study of American 'Good Neighbors' and Christian Saints»). Основание их этики составляет любовь-агапе. «Добрые соседи» и «святые», согласно П. А. Сорокину, взаимно дополняют и уравновешивают друг друга.

Исходя из критического состояния современного ему общества и грандиозных ресурсов влияния на него, которые содержатся в силе альтруистической любви, учёный формулирует задачу и соответствующую программу по выходу из кризиса благодаря увеличению производства энергии любви. Он считает, что, в отличие от производства более осязаемых видов энергии, например разного рода физических, производством энергии любви человечество ещё никогда не занималось целенаправленно. Эта технология не разработана, и «мы "собираем" и используем любовную энергию только в той степени, в какой она "натурально" производится в наших обществах»⁴. Любовь во всех ее формах возникает при взаимодействии людей, но этот процесс случаен – любовь возникает наряду с другими чувствами, и нет никакой гарантии, мер предосторожности, чтобы предотвратить возникновение ненависти вместо любви. Однако в истории встречались немногие «исполнители» и вдохновители альтруистической любви, среди которых семья, сообщества близких друзей и др. В качестве эффективного средства альтруизации он предлагает проявления другими искренней дружбы и доброй воли. Творческая деятельность также становится ещё более эффективной, если осуществляется совместно с другими людьми.

По мнению П. А. Сорокина, кризисное состояние «чувственной» суперсистемы может быть преодолено переходом к «идеациональной»: «На-

стоящий кризис представляет собой разрушение чувственной суперсистемы, за которым последует новая интеграция»⁵. При интегральном миропорядке главную роль играют отношения семейного типа, базирующиеся на энергии любви и согласии, поэтому грядущая интегральная эпоха, по убеждению философа, должна быть эпохой мира, и, очевидно, эпохой согласия.

На протяжении всего творческого пути П. А. Сорокин пытался создать систему практических решений по устройству гармоничного миропорядка и международных отношений, которые предупреждали бы возможность развязывания новых войн и военных конфликтов. В статьях «Вечный мир и всемирное единение народов» (1917) и «Причины войны и условия мира» (1944) П. А. Сорокин рассматривает ситуацию, сложившуюся в результате мировых войн, и предлагает пути установления прочного мира и согласия между государствами, а также меры по предотвращению подобных бедствий в будущем. Он указал условия, которые могли бы обеспечить длительный и прочный мир, среди которых пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей, распространение и внедрение во все государства, народы и общественные группы системы норм и ценностей, связующих всех без различия⁶.

Единение людей на основе общих ценностей, целей и интересов означает духовное сближение, другими словами – культурную конвергенцию (от лат. *convergere* – сближаться в точке), концепцию, которую учёный детально развил на примере двух стран – России и США. Он относил их к противоположным общественным системам, но обе принадлежат к распадающейся «чувственной» культурной суперсистеме. Их сближение П. А. Сорокин считал объективной тенденцией развития, переходом в бескризисную фазу истории, к устойчивому гармоническому состоянию, и в этом мыслитель увидел путь мирного решения конфликтов. По его мнению, «чистый результат конвергенции – последовательное уменьшение и устранение практически всех аргументов для продолжения холодной или горячей войн, безумной гонки вооружений и политики вооруженной конфронтации»⁷. Идеи конвергенции он изложил в книге «Россия и Соединенные Штаты» (1944) и в эссе «Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960). Доклад о конвергенции учёный прочитал на XIX международном конгрессе социологов в Мехико (1960). Поначалу концепция конвергенции была встречена в штыки, так как в то время СССР и США находились в состоянии холодной войны. Однако конвергенцию культур этих стран П. А. Сорокин рассматривал как путь взаимовхождения в «интегральную» систему ценностей. Он констатировал, что оба строя в западных и восточных блоках всё более теряли свои специфические черты и «заимствовали» и объединяли в себе ха-

раактеристики друг друга, становились похожими в своих культурных, социальных институтах, системе ценностей и образе жизни. По мнению учёного, «обе страны представляют собой огромные лаборатории успешно проводимого социального эксперимента – создание единого общества из различных элементов, связанных воедино узлами равенства и свободной солидарности»⁸. Выделив ряд общих черт двух самобытных культур, обрисовав их комплементарный, взаимодополняющий характер, П. А. Сорокин показал, что отсутствуют серьезные столкновения их жизненных интересов и есть возможность прийти к согласию.

В идеях учёного ощутимо стремление согласовать состояния эмпирического и духовного существования человечества. Интегрализм у П. А. Сорокина стал основой реконструкции и гармонизации культуры, личности и общества. Сущность любой культуры, по его мнению, определяется ее внутренним аспектом – ментальностью. Логически интегрированной является идеалистическая культурная ментальность, поскольку она синтезирует в качественном отношении посылки обоих типов (идеационального и чувственного) во внутренне согласованное и гармоничное единство.

В целостной ментальности-структуре индивидов П. А. Сорокин различает такие формы ментальной энергии и уровни деятельности, как биологическое бессознательное (подсознание), биологическое сознание, социокультурное сознание и сверхсознание. Следует отметить, что социокультурное сознание формируется в процессе взаимодействия с другими индивидами, в опыте социальной жизни: это коллективный собирательный опыт, передающийся от поколения к поколению, на основе чего создаются традиции, нормы, ценности, составляющие основу семейных, профессиональных, религиозных и иных «эго» социального характера. Гармония и интеграция этих «эго» зависят от солидарности и прочности групп, к которым принадлежит человек. Каждое из социокультурных «эго» стремится навязать индивиду свою волю (хотя бы на какое-то время) в ущерб всем прочим, поэтому человек существует в постоянном состоянии внутреннего конфликта. Силой, примиряющей и консолидирующей различные «эго» индивида, является интегральная система ценностей.

П. А. Сорокин утверждает, что все уровни сознания индивида трудно привести к согласию, если вообще возможно: почти все «нормальные» люди переживают конфликт между различными формами духовной энергии, стремлениями, императивами, побуждениями и действиями. Полностью интегрированными личностями могут быть только те, в ком центры сверхсознания и социокультурного сознания находятся во взаимной гармонии и полностью контролируют бессознательную и биологически сознательные части их психики. Но большинство не достигает такого уровня интеграции и поэтому подвержено раз-

ного рода психическим конфликтам. Кроме того, каждый человек имеет столько различных «эго» и «ролей», каково количество социальных групп, к которым он принадлежит. Если же эти группы взаимно антагонистичны, то и «эго» индивида вступают во внутреннее противостояние. Только когда все социокультурные и биологически сознательные «эго» и «роли» находятся во взаимной гармонии и побуждают человека к одним и тем же акциям и линии поведения (причем все «эго» подчинены сверхсознательному), он находится в мире и согласии с самим собой, сознательными и подсознательными стремлениями. Такой мир, который превосходит любое понимание, и такая полная интеграция как постоянное состояние сознания достигаются только очень немногими и только на сравнительно краткие моменты. Людей полностью гармонизированных, по мнению П. А. Сорокина, практически нельзя встретить.

Мыслитель проводит параллели между картиной индивидуального сознания и состоянием общества. Подобно тому как человек консолидирует свои «эго» вокруг ценности, которую признает для себя важнейшей, так и общество должно собирать индивидов вокруг системы важнейших предпочтений, иначе ему грозят беспрестанные конфликты и разрушение. В Гарварде в 1946 г. П. А. Сорокин создал исследовательский центр, целью которого было прекращение агрессии на основе принципов любви, альтруизма и свободного сотрудничества. Он отмечал необходимость сотрудничества созидательных сил человечества для преодоления как мирового, так и русского кризиса. В российский период своего творчества мыслитель стал одним из основателей теории социальной мобильности, главная идея которой – классовое сотрудничество.

Таким образом, в творчестве П. А. Сорокина обнаруживается стремление увидеть единство человечества, основанное на способности к диалогу и толерантности. В контексте идей мыслителя согласие выступает в качестве фундамента культуры, оно характеризует один из ее типов – «идеалистический» – интегральный и гармонический по своей сути. Согласие собирательно, оно есть консонансное совмещение голосов с целью образования гармонической целостности и потому является созидательным. Мыслитель фиксировал ситуацию разлада, рассогласования, кризиса современной ему культуры – «чувственной» суперсистемы. В ней он констатировал культ насилия, результатом чего оказались конфликты, породившие революции и войны. Преодоление кризиса возможно через альтруистическую любовь, которая выполняет восстанавливающую и гармонизирующую функцию. Культивирование отношений любви, дружбы и солидарности означает приход к согласию. Культура согласия представляет собой средство примирения и творения мира, то есть его сохранения и обновления, тем самым обеспечивая устойчивость.

Достижение гармоничного мироустройства невозможно без культуры согласия, которая предполагает поиск компромиссов, движение навстречу друг другу, что необходимо при переходе от «чувственной» суперсистемы к «идеалистической». В качестве условий и предпосылок развития культуры согласия можно рассматривать концепцию конвергенции П. А. Сорокина, которую он разрабатывал по отношению к культуре как глобальному и локальному образованию. Конвергенция в его понимании есть процесс согласования интересов, целей и ценностей разных стран и культур. Мыслитель прогнозировал бесконфликтные отношения между Россией и США, способность последних преодолеть противостояние, выраженное в форме холодной войны, и прийти к согласию.

Идея согласия получила развитие не только в контексте теоретических разработок П. А. Сорокина. В творчестве и общении мыслителя обнаруживается попытка культивировать согласие, выражающее стремление людей держаться вместе, воплощающееся, например, в сотрудничестве, совместном труде. Культура согласия способствовала обретению П. А. Сорокиным

целого круга единомышленников, в результате чего его научная деятельность была необыкновенно плодотворной.

Примечания

- 1 Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб., 2000. С. 32.
- 2 Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 250.
- 3 Там же. С. 259.
- 4 Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 298.
- 5 Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 433.
- 6 Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Социс. 1993. № 12. С. 145.
- 7 Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. С. 120.
- 8 Сорокин П. А. Общие черты и различия между Россией и США. Из истории развития межнациональных отношений в России (Фрагменты из книги «Россия и США», 1944) // Социс. 1993. № 8. С. 138.

УДК 141.412

ПРОБЛЕМЫ ОНТОЛОГИИ В ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ АНАЛИТИКИ ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

И. Н. Морозова

Челябинская государственная академия культуры и искусств
E-mail: mo-rel@yandex.ru

В статье рассматриваются онтологические аспекты понимания космоса в философско-богословском творчестве В. В. Зеньковского. Систематизация и обобщение текстов на данную тему известного русского богослова и историка философии способствуют рефлексии исходных оснований и принципов религиозного сознания в контексте онтологии, особенностей концептуального взаимодействия богословия и философии.

Ключевые слова: космос, христианство, творение, космизм, идеалистический акосмизм.

Problems of Ontology in Christian Philosophy: V. V. Zenkovsky's Works Analysis

I. N. Morozova

The article considers the ontological aspects of understanding of cosmos in the philosophical-theological creativity of V. V. Zenkovsky. Systematization and generalization of Zenkovsky's works promotes reflection of the initial foundations and principles of the religious conciseness in the context of the ontology and characteristics of the conceptual interaction of theology and philosophy.

Key words: cosmos, Christianity, Creation, cosmism, idealistic acosmism.

В философско-богословском творчестве В. В. Зеньковского, известного как автора «Истории русской философии», значимы проблемы онтологии, рассмотренные православным богословом в ракурсе христианской философии. Для последнего принципиально акцентирование необходимости и возможности концептуальной «версии» богословия, использующего ресурс философии. Обсуждение исторических и актуальных аспектов взаимоотношений философии и богословия, по существу, открывает фундаментальный труд В. В. Зеньковского, как раз и представляющий такой вариант системы христианской философии¹.

Идея христианской философии органична для богословской традиции, исторический парадокс отделения богословия и философии обусловлен, по выражению В. В. Зеньковского, логосностью христианского сознания, что «способствует, в известных границах, отделению мысли от живой связи с бытием»². Для христианского философа абстрактно-теоретические вопросы богословия

связаны с экзистенциальным пониманием бытийности. Подход В. В. Зеньковского представляет ценность для современного гуманитарного познания, во-первых, отчетливо выраженной тенденцией принятия во внимание целостного мировоззренческого отношения человек – мир (дополняемого в богословии отношениями человек – Бог, Церковь и мир). Важной особенностью его работ является своего рода «двойная» рефлексивность: оставаясь богословом, В. В. Зеньковский стремится как историк философии к творческому синтезу двух (светского и секулярного) направлений в культуре. В качестве источников в нашей статье рассматриваются тексты, имеющие непосредственное отношение к теме, сформулированной и обозначенной самим православным философом, а именно – «космос и христианство»³.

Определение границ философии и богословия, понимание естественного разума и Откровения в качестве дополняющих, «равновесных» сфер в категорических, острых формах, полагает Зеньковский, складывается в западной христианской культуре⁴. Историк философии обращает внимание на особенности культурных ситуаций взаимодействия и взаимоотношений богословия и философии. Если на христианском Востоке античное философское наследие своеобразно «воцерковлялось», то сложившееся на Западе учение об автономии разума, которое определило «всю судьбу западноевропейской философии, было таким образом впервые со всей ясностью намечено именно Фомой Аквинским, от которого и нужно вести разрыв христианства и культуры, весь трагический смысл чего обнаружился ныне с полной силой»⁵. Категории «воцерковление» и «рецепция» используются Зеньковским для описания исторических особенностей взаимоотношения светского и сакрального начал в духовной культуре⁶.

«Проблема космоса в христианстве» вошла в состав известного сборника русских богослов-эмигрантов «Живое предание. Православие в современности», опубликованного в 1937 г. Вторая из избранных нами в качестве источников работа, «Основы христианской философии», была издана четверть века спустя, в 1961 г. В содержательном отношении эти два текста отличаются в степени категоричности оценок, в частности православной софиологии. «Так как, – пишет В. В. Зеньковский в первой из них, – идеальная сторона космоса есть некое идеальное всеединство, обладающее, как целое, дарованным ему бытием, то ему должно приписать и подлинную, единую и целостную жизнь. И если идеи в Боге в своем единстве есть Божественная Премудрость (София), то мы должны признать, что идеальность в космосе носит на себе образ Божественной Софии и может быть справедливо названа Софией тварной»⁷. В «Проблеме космоса...» для Зеньковского «софиология» имеет перспективы как учение о космосе в аспекте раскрытия отражения в его (космоса) идеальной

стороны как света, отраженного «от идей в Боге», как вариант преодоления идеалистического акосмизма и окказионализма⁸.

В «Основах христианской философии» после обсуждения принципа единосущия Бога и мира следует довольно продолжительный (на протяжении трех страниц) фрагмент об истории отечественной софиологии, в котором встречаются критические оценки софиологических концепций В. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова⁹. «Таковы, – пишет в заключение В. В. Зеньковский, – судьбы идеи творения у русских мыслителей в их метафизических построениях. Нельзя, конечно, отрицать наличности серьезных, диалектически трудно преодолеваемых мотивов этих построений, но надо со всей решительностью сказать, что они никак не соединимы с христианской метафизикой, которая вся проникнута онтологическим дуализмом»¹⁰.

Обсуждение известной полемики, «спора о Софии», связанных с вопросом о взаимоотношении Бога и мира, творения и тварности выходит за рамки нашей статьи. Обратим внимание на разное в истории отечественного богословия отношение к софиологии, в том числе и в эмигрантской среде. Направление мысли, представленное софиологией С. Н. Булгакова, ставшее в тот момент предметом критики со стороны официальных представителей РПЦ, по-прежнему привлекает внимание в разных аспектах философов и богословов¹¹. Ключевым моментом для нас будет оценка онтологии Зеньковского как учения «о тварности бытия»¹². Раскрытие проблемы космоса в христианстве значимо для православного философа (также занимавшего определенную позицию относительно софиологии) именно в смысле разрешения противоречий идеалистического космизма, творческой интерпретации онтологии тварности.

В структурном отношении оба текста различаются логикой построения историко-культурных экскурсов, сопоставляющих предысторию проблемы в дохристианской традиции и в христианстве. В «Проблеме космоса в христианстве» историческое введение открывается признанием влияния античной философии на христианство¹³. Однако для философа не менее важно обратить внимание на сам факт приятия христианством «проблематики космоса, как она была выдвинута дохристианскими мыслителями»¹⁴. Христианство, пишет В. В. Зеньковский, «с самого начала было вообще космично»¹⁵.

В то же время, отмечает богослов, в христианстве довольно рано проявляется и акосмизм в виде «иногда аскетического гнушения миром, иногда нечувствия его силы и реальности, его призванности к вечному бытию»¹⁶. Именно отсутствие, по его мнению, достаточной разработанности учения о космосе трагическим образом сказалось на судьбах новой и новейшей философии, «во имя космизма» решительно отошедшей от концепции

мира в христианстве¹⁷. Акосмизм в философии в дальнейшем «воскресает» в идеализме, обнаруживающем совпадение с натурализмом в отношении отрицания идеи творения мира. «Если в акосмизме, – пишет Зеньковский, – мы имеем дело с онтологическим опустошением природы, поддерживаемым тенденциями феноменализма в гносеологии, то в натурализме, наоборот, опустошается сфера трансцендентного бытия»¹⁸.

Пролог к христианской постановке проблемы космоса в античной философии в тексте «Проблема космоса в христианстве» излагается в такой последовательности: Платон, Аристотель, стоицизм¹⁹. В отличие от христианской позиции у Платона мотивы акосмизма выражены сильнее, чем подлинный космизм. «Все учение об истинной красоте, – пишет В. В. Зеньковский, – о подлинном благе и идеале навеяно бегством от мира и гнущением им»²⁰. Два мыслителя, выдвинувших принцип трансцендентизма, оказавших значительное влияние на становление христианской метафизики, однако оставшихся вне христианства, – Филон и Плотин²¹. Христианская мысль, заключает философ, решительно отвергает «идею самобытности материи, признав тварным не только мир как систему форм бытия, но и материю»²². В. В. Зеньковский использует емкую оценку, отражающую диалектику метафизики христианства в данном вопросе. «Христианство, – пишет он, – будучи космичным, в то же время радикально не космоцентрично, оно всецело теоцентрично и антропоцентрично, но оно чувствует тайну космоса – как в сознании его тварности, так и в сознании его движения к Богу»²³.

В доникейском богословии в немалой степени и в связи с проблемами космологии нашло свое применение античное учение о Логосе и логосах²⁴. В дальнейшем тема космоса сохраняет свою значимость для богомыслия, равно как и античная терминология – для выражения идеального начала, которое энтелехийно направляет «развитие явлений и в то же время связывающим все явления в живое единство космоса» (logos spermatikos, logos technikos, logos poetikos и т. д.)²⁵. Вслед за Филоном идеальная сторона в космосе утверждается в святоотеческой традиции²⁶. Трагический, по мнению В. В. Зеньковского, пункт в христианской метафизике связан с тем, что «основной космизм мировосприятия держится преимущественно на ощущении сияния Бога в мире»²⁷. Мистическим восприятием света в мире, характерным для восточного христианства, преодолевается идеалистический акосмизм²⁸. «Христианская мысль, – пишет В. В. Зеньковский, – занятая раскрытием тварности космоса, его укорененности, через идеальную сторону, в Боге, его движения к Богу, недостаточно останавливается на уяснении того, в каком смысле и объеме мир “обладает” своим бытием (без чего вся система неизбежно разрешается в идеалистический акосмизм, в признание, что действительная реальность – а

можно ли в другом смысле говорить о реальности? – принадлежит Богу»²⁹. Утверждение «благобытия» мира в христианстве сочетается с отнесением добрых, светлых начал в человеке и в природе всецело к Богу³⁰. Для преодоления идеалистического акосмизма, полагает Зеньковский, необходимо, в частности, утверждать существование kosmos poietos в Боге и в мире³¹.

В «Основах христианской философии» «пролог» к пониманию космоса в христианстве имеет иную последовательность. Так, вначале православный богослов размышляет об идее творения в целом³², затем – о философских и богословских взглядах Филона³³, Аристотеля³⁴, Платона³⁵, Плотина³⁶. Далее следует анализ религиозно-философских идей Средневековья³⁷, софиологических исканий русской философии³⁸.

Проект сочетания парадигмы Ветхого Завета с учением об имманентном миру Логосе античной философии принадлежал Филону³⁹. «По Филону, – пишет православный мыслитель, – “материя”, из которой состоит мир, не сотворена, творение же мира заключалось лишь в формировании отдельных вещей <...>. Бог является у Филона (как Демиург у Платона в диалоге “Тимей”) лишь “художником” мира, сама же основа мира (материя) вечна»⁴⁰. Обращаясь к характеристике Аристотеля, Зеньковский заключает, что дуализм Платона им также не был преодолен⁴¹. Дуалистично учение об идеях стоицизма. Логос у стоиков есть «Κόσμος νοητός, вместилище идей»⁴². От Логоса исходят «семенные логосы» (Λογοὶ σπέρματκος), пребывающие в мире; существование первого независимо от них. Филон вводит категорию третьего бытия (τρίτων γενος), бытие «μεταξυ» (между)⁴³. Его Логос – посредник между Богом и миром.

Зеньковский связывает, что для нас важно, диалектику идей о творении в дохристианской метафизике с развитием категорий у отцов Церкви. Нужно было, пишет он, сделать еще один шаг, и «его сделал св. Афанасий Великий», внеся «различение между идеями в Боге (Премудрость Божественная) и идеями в мире (премудрость в мире, премудрость в тварном, т. е. сотворенном бытии)»⁴⁴. Свидетельством недостаточной разработанности терминологии в христианском богословии на тот момент, отмечает Зеньковский, было использование для обозначения двух различных сфер одного и того же слова – «идеи»⁴⁵.

В характеристике исторического движения понятий христианской онтологии Зеньковский использует концепт Премудрости, имеющий корни в ветхозаветной традиции⁴⁶. «Надо одинаково признать, – пишет он, – бесспорную реальность Премудрости в Боге и бесспорную реальность идейных корней в тварном бытии»⁴⁷. В дальнейшем отцы Церкви развивают учение о Премудрости Божией, «о том, что Бог “от века созерцал идеи”, которые и являются “мыслями Божиими”»⁴⁸. Космологический аспект в понятии идей оказывается важным для понимания его (понятия) двойствен-

ности⁴⁹. «Идеи в мире, – пишет Зеньковский, – не созданы, не “сотворены”, но, “засеменяя” мир собой, они живут уже новой жизнью, приобщаются к тварному естеству (не теряя качества вечности, но являясь уже “образами” идей в Боге)»⁵⁰.

Краткий текстуальный анализ христианской концепции космоса, представленной в работах православного богослова В. В. Зеньковского, с одной стороны, открывает теологические ресурсы рефлексии онтологической проблематики, с другой – фиксирует антиномичность трактовки космологии в рамках доктрины христианства. Наиболее ценным, на наш взгляд, являются акцентация в последнем диалектики связи творения и тварности, опыт рефлексии онтологии тварного с использованием специфических категорий богословия.

Примечания

- 1 Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1997. С. 7–22.
- 2 Там же. С. 9.
- 3 См.: Зеньковский В. В. Основы христианской философии ; *Он же*. Проблема космоса в христианстве // Живое предание. Православие в современности. М., 1997. С. 71–91.
- 4 Зеньковский В. В. Основы христианской философии. С. 11–12.
- 5 Там же. С. 13.
- 6 Там же. С. 10, 415.
- 7 Зеньковский В. В. Проблема космоса в христианстве. С. 91.
- 8 Там же.
- 9 Зеньковский В. В. Основы христианской философии. С. 161–163.
- 10 Там же. С. 162.
- 11 См.: Ваганова Н. А. Софиология протоиерея С. Булгакова. М., 2010. 464 с. ; Зеньковский В. В. Проблема космоса в христианстве. С. 71–91 ; Платон (Игуменов). Опыт раскрытия онтологического смысла Боговоплощения в богословии прот. С. Булгакова // Журн. Московской патриархии. 1989. № 10. С. 66–70 ; Хоружий С. С. София – Космос – Материя : устои философской мысли отца Сергия Булгакова // Вопр. философии. 1989. № 12. С. 75–89.
- 12 Зеньковский В. В. Основы христианской философии. С. 555.
- 13 Зеньковский В. В. Проблема космоса в христианстве. С. 72.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 72–73.
- 19 Там же. С. 74–76.
- 20 Там же. С. 74.
- 21 Там же. С. 76–79.
- 22 Там же. С. 80.
- 23 Там же. С. 73.
- 24 Там же. С. 80–81.
- 25 Там же. С. 81.
- 26 Там же. С. 82.
- 27 Там же. С. 83.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 86.
- 30 Там же.
- 31 Там же. С. 87.
- 32 Зеньковский В. В. Основы христианской философии. С. 148.
- 33 Там же. С. 149, С. 152.
- 34 Там же. С. 150.
- 35 Там же. С. 151.
- 36 Там же. С. 154.
- 37 Там же. С. 158–159.
- 38 Там же. С. 160–162.
- 39 Там же. С. 149.
- 40 Там же.
- 41 Там же. С. 151.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 152.
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 153.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же. С. 154
- 50 Там же.

УДК 130.2

СТАРИННАЯ ВЕЩЬ: АНАЛИЗ ПОСТИЖЕНИЯ СУЩНОСТИ В НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

Н. А. Муштей

Саратовский государственный университет
E-mail: lux_spei@mail.ru

Статья посвящена анализу субъект-объектных отношений человека и вещи; сделана попытка раскрыть природу влечения к старинным вещам. Чувственные переживания воспринимающего субъекта расцениваются как возможность постижения сущности старинной вещи. Способствует данному процессу нивелирование социокультурных характеристик предмета старины при непосредственном обращении к нему.

Ключевые слова: старинная вещь, объект, субъект, чувственно-перцептивное переживание, сущность.

Antique Thing: Analysis of Comprehension of Essence in Direct Perception

N. A. Mushtey

The article deals with the analysis of subject-object relations between person and thing. The author tries to explain nature of attraction to antique things. Perceptual experiences of perceptual subject are considered as a possibility to comprehend the essence of antique thing. Evening-out of sociocultural characteristics of an antique thing in direct address to it helps with this process.

Key words: antique thing, object, subject, perceptual experience, essence.

Теме вещи и вещности в культуре посвящено достаточно много культурологических исследований. Имеет смысл рассмотреть проблему вещности через феномен старинной вещи и её значения для познающего субъекта. Такая вещь в культурологических исследованиях изучается как отдельная категория при типологизации предметной среды человека, ей приписываются функции сохранения культурной памяти, накопление социального опыта, функция знаково-символического ориентира и т. д.

Необходимо разграничить понятия старинной и старой вещи: под старой вещью чаще всего подразумевается бытовой предмет, срок службы которого скоро закончится и функционально он станет непригоден. Её владелец обладает исчерпывающей информацией о жизненном цикле, функциях и существенных особенностях такой вещи. У старинной вещи все утилитарные функции упряднены, она занимает неприкосновенное положение в повседневном пространстве. Она эстетическим обликом может не вписываться в интерьер, быть ветхой и инвестиционно бесполезной, но старинная вещь всегда сокровенно хранима и ценна, в отличие от старой. Старина определяется давностью происхождения, и её возраст не укладывается в жизненные рамки одного-

двух поколений. Преимущественно вещь должна принадлежать к другому историческому времени, чтобы получить статус старинной.

При этом существует интересная особенность старинной вещи, а именно проявление необъяснимого влечения и тяги человека к подобно-го рода вещам. Данный феномен – «лирическую» сущность вещи – описывает М. Эпштейн: «Вещь обладает особой лирической и мемориальной сущностью, которая возрастает по мере того, как утрачивается технологическая новизна, товарная стоимость и эстетическая привлекательность вещи. Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрываться все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план и обесцениваются»¹.

Безошибочно можно отличить вещь старинную от её качественной имитации, которая никогда не станет тождественной подлиннику. При выборе между настоящей старинной вещью и её современной копией субъект отдаст предпочтение первой, хотя вторая может быть более практичной, эстетически привлекательной и искуснее выполненной. Каковы же причины подобного влечения к предметам старины?

Присваивание материальных элементов прошлого выступает тождественным присвоению прошедшего времени в настоящем. Созерцание старинной вещи способствует преодолению в сознании временных отношений прошлое – настоящее – будущее. Переживание предметности антикварной вещи стирает темпоральные границы в чувственном переживании субъекта, расширяет его жизненные границы во времени, играет роль канала во взаимопроникновении настоящего и прошлого. Старинная вещь не создает образа прошедшей исторической эпохи, не отсылает к культурным традициям, она позволяет человеку почувствовать свое существование вне настоящего временного континуума, причастность к прошлому как к личному переживанию, а не к историко-культурному наследию. Ценность старинной вещи для её обладателя заключается отнюдь не в её культурном наполнении и значении, а в том, что она может рассказать субъекту о самом себе. Чем больше вещь вписана и закреплена в коллективных традициях и ритуале, тем менее она чувственно переживается субъектом: индивидуальное отношение замещается коллективным, социальным. Если вещь выступает как

культурный текст исторически сложившейся знаковой системы, она теряет всякое личное значение для субъекта, скорее она становится атрибутом социальных отношений, знаком, претендующим на всеобщность в интерпретации. Знаково-символическая нагруженность вещи притушает опыт её переживания, свободный от предшествующих концептуализаций.

Именно непредвзятость интуиции способствует построению смысла, имеющего индивидуальную значимость для субъекта. Исторические традиции, детерминирующие субъект-объектные отношения, не оставляют места непредвзятому чувственному опыту субъекта и способствуют сущностной непроницаемости вещи. Вещь в пространстве культуры входит в жизненный мир индивида в установленном своем назначении и наименовании, субъекту приходится принять социальные конвенции и манипулировать вещами в рамках заданных социумом представлений.

Обращение индивида к старинной вещи носит интенциональный характер. Попадая в пространство повседневности и современности, старинная вещь являет собой только то, что доступно индивиду для непосредственного восприятия. Познающему субъекту не дано нарративных оснований для определения сущностных характеристик вещи. Старинная вещь, хотя и рассматривается исследователями вещи в культуре как мифологема, тем не менее не являет познающему субъекту мифа как такового. Кроме своей предметной сущности в настоящем она не сообщает семиотически о прошлом. К примеру, старинная ваза, попав в пространство повседневности человека, вызывает своей ветхостью помимо эстетического чувства ещё и необъяснимое чувство влечения к ней. Но для субъекта остается неизвестной информация о ее истории, включающей процесс создания, мифологические сказания о ней, художественное значение, жизненные процессы прошлых владельцев, социокультурный контекст, эмоциональные переживания и чувственное восприятие субъектами из ее прошлого. Она наличествует прежде всего как объект действительности, не раскрывая дополнительных текстов и кодов, способствующих декодированию её смысла. Старинная вещь входит в чувственный опыт человека уже в данном своем качестве. Субъект не имеет представления об этапах существования вещи до этапа присвоения ей характеристики «старинности». Он получает ее в темпорально опосредованном виде. У познающего отсутствуют воспоминания об объекте, суждение о нем. Этим подчеркивается не просто чувственное восприятие старинной вещи, а восприятие интенциональное и дескриптивное.

Человек постигает сущность вещи дескриптивно и интенционально при помощи неосознанной феноменологической редукции, т. е. субъект приходит к сущности вещи не через теоретизированное знание о ней, а через ин-

туитивное восприятие её в действительности. Единственный атрибут старинной вещи, представленный субъекту в первичном восприятии, – это физическое обветшание. Тем не менее она еще может выполнять свои утилитарные функции, но они упразднены для нее, старинная вещь представляет сакрализованный объект. Возникает вопрос, каким образом познающий субъект, не имея сложившихся представлений, основанных на теоретическом и практическом знании об её атрибутивных культурных характеристиках, присваивает ей герметичный сакральный статус и аксиологическую востребованность. Как можно описать вышеизложенный процесс в рамках философского осмысления и дискурса? Для этого уместен феноменологический подход, который формулирует метод познания, характерный для данного случая.

Старинная вещь в восприятии дается как целостность, имеющая определенное положение в пространстве, форму, вес и цвет. Потом происходит распознавание ее отличительных от современных предметов данного класса черт. Инаковость антикварной вещи может быть выражена не только в отличии материалов, способов изготовления, необычности формы, внешних повреждениях. Старинная вещь идентифицируется субъектом как таковая на основании его чувственно-перцептивного переживания. В непосредственном опыте полностью исключены её «вторичные свойства», т. е. знание о вещи рождается вне поля предписанных ей культурных кодов. Вещь представляется человеку в непосредственной очевидности, затем схватывается в рефлексии и закрепляется в акте сознания как смысловой конструкт. Старинность предмета дается субъекту благодаря непредвзятому взгляду на её внешний вид: форма, материалы и их комбинация, цвет, запах – всё это создаёт целостность образа, отличного от образа современных вещей. Порой именно специфический запах свидетельствует о старинности вещи.

Одним из важных дескриптивных актов является различение – возможность типизировать вещь, первоначально основанная на очевидном чувственном прочтении. К примеру, отличие антикварной вещи от профессиональной современной имитации будет актуализироваться именно в материально-физических качествах. Настоящая старинная вещь имеет отпечаток ремесленного производства в виде погрешностей работы мастера, исключительной обработки материала, его структурных изменений по прошествии времени и т. д. Современный же человек, как правило, имеет доступ к серийным вещам, которые совершенствовались благодаря многочисленным стадиям технологической разработки и изготовления. Они создаются на высокотехнологичном производстве из современных материалов и призваны соответствовать критериям потребительского спроса. Их типичной характеристикой является тиражиру-

емость и симулятивность. При всей кажущейся гетерогенности материальных предметов, окружающих современного человека, существует некая вещная ограниченность, заключающаяся в техногенном производстве независимо от серийности или эксклюзивности модели.

Символизм культурных форм, который определяет принадлежность вещи к той или иной эпохе, культуре, этносу и типологизирует её как старинную, недоступен субъекту в повседневном акте восприятия. Но тем не менее это упущение не играет роли в правильности определения места вещи в системе отношений. Первичные признаки вещи имеют доминирующее значение при типологизации и приписывании статуса старинности.

Следующим этапом в отношении субъекта и вещи выступает не описание предмета, а описание актов сознания, в которых старинная вещь переживается. Отсутствие фоновых знаний о вещи способствует пониманию ее чистой сущности и сущностных структур сознания познающего. Через переживание внешней формы вещи он приходит к её сущности, заключенной в выражении временности.

Сущность «старинности» переживается субъектом в качестве очевидной непосредственной данности, что помогает прийти к пониманию собственных структур сознания. В данном случае это регрессия к прошлому и отношение к этому как к необходимой экзистенции. Обращение к сущности вещей – это обращение к своей сущности, понимание себя через чувственное переживание вещей. Старинная вещь, долго находившаяся в использовании, помогает созерцающим её почувствовать время, его власть над материальным и телесным. Обладание старинной вещью способствует присвоению чужого прожитого времени, актуализирует причастность к длительности жизни другого человека. О фамильных реликвиях Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» пишет: «Они служат бегством от повседневности, а самое радикальное и глубокое бегство — это бегство во времени, в свое собственное детство»². Что касается реликвий как фамильных ценностей, то здесь детство выступает ключевой

темпоральной формой возвращения познающего субъекта. Если рассматривать старинные вещи в целом, возвращение можно расширить от ограниченного собственными жизненными рамками до любого момента в историческом прошлом. Таким образом создается иллюзия увеличения продолжительности своей собственной жизни. Старинная вещь – это своего рода проход в чужое время, в чужую жизнь. Обладая старинной вещью, человек продлевает свое существование, но не в будущее, а назад – в прошлое. Оно открывает и ввергает себя в материальный объект, который становится границей прошлого и настоящего. «Старинные вещи – это как бы “святые мощи” прошлого, это его “реликвии”, соприкосновение с которыми (зрительное, телесно-осознательное) соединяет человека “с тем, что было прежде и чего нет теперь”, в конечном счете, эти “реликты прошлого” связывают его (символически) с чем-то Изначальным»³.

Влечение к подобного рода вещам определено необходимостью преодоления собственного бытия и соприкосновения с бытием другого. Вещь, «обогащенная временем», – это способ выхода за границы сиюминутно воспринимаемого пространственно-временного континуума. В старинной вещи переживается сама идея времени: человек не просто видит потрескавшуюся краску на стенках кувшина, а созерцает следы времени, чувствует его длительность, ламинарность, необратимость. Старинная вещь служит доказательством континуальности времени, феноменальным подтверждением реальности свершившегося прошлого. В созерцании старины человек находит для себя материальное, фактическое подтверждение хода времен как истину, очевидную в чувственном переживании.

Примечания

- ¹ Эшттейн М. Знак пробела : о будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 666.
- ² Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. М., 1999. С. 90.
- ³ Лишаев С. А. Старое и ветхое : опыт философского истолкования. СПб., 2010. С. 120.

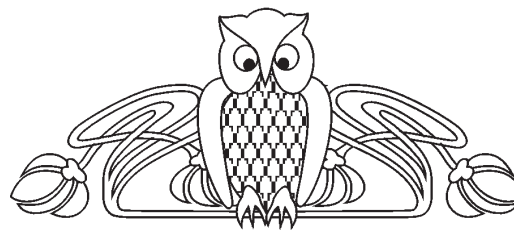

УДК 165.62:165.741

ФАНЕРОСКОПИЯ Ч. С. ПИРСА VERSUS ФЕНОМЕНОЛОГИЯ Э. ГУССЕРЛЯ

С. Ю. Нечаев

Саратовский государственный университет
E-mail: donotdespair@yandex.ru

В статье анализируется фанероскопия Ч. С. Пирса (1839–1914) в перспективе феноменологического учения Э. Гуссерля (1859–1938). Через рассмотрение категорий предикативности Пирса и актуализацию категорий в теории знаков и логике релятивов ставится вопрос, возможно ли назвать Пирса феноменологом. Оценивается влияние его категориального учения на современную аналитическую философию.

Ключевые слова: фанероскопия, Ч. С. Пирс, феноменология, Э. Гуссерль, категории, квалиа, абдукция, интенциональность.

**C. S. Peirce's Phaneroscopy
Versus E. Husserl's Phenomenology**

S. Yu. Nechaev

The article analyzes C. S. Peirce's phaneroscopy in perspective of E. Husserl's phenomenological theory. After consideration of Peirce's categories of predication and actualization his categories in the theory of signs and logic of relatives, the question raises how it is possible to call Peirce as a phenomenologist. The author estimates influence of his doctrine of categories in the contemporary analytic philosophy.

Key words: phaneroscopy, C. S. Peirce, phenomenology, E. Husserl, categories, qualia, abduction, intentionality.

В логических исследованиях Э. Гуссерль намеревался провести критику как психологизма (в виде логики, основанной на психологическом реализме), у истоков которого некоторые положения «Системы логики» Дж. С. Милля, а в качестве масштабной концепции – «Генетическая эпистемология» Ж. Пиаже, так и критику антипсихологизма (логики как нормативной дисциплины, не нормативности мышления) – логицизма Г. Фреге, эпистемологии К. Поппера, в итоге основав философское направление *феноменологии*, универсальной науки для описания опыта познающего сознания. С другой стороны, учение Ч. С. Пирса о категориях напрямую актуализируется в логике релятивов и его теории знаков, где Пирс выступает на стороне классического антипсихологизма, несмотря на то что занимался также проблемами экспериментальной психологии (психофизики) вместе с Дж. Ястровым; и его *фанероскопия* представляет собой фиксацию фундаментальных характеристик феномена. В связи с тем что логические запросы занимают значительные позиции в учениях Пирса и Гуссерля, возникает необходимость сравнения и противопоставления их представлений о логике¹. Стоит заметить, что оба философа не в последнюю очередь связывают логику с математикой, но Пирс – непосредственно.

В окончательном плане Пирс приходит к пониманию логики как нормативной науки, исходя из прагматической максимы прагматизма, тогда как Гуссерль, находясь под влиянием Ф. Brentano, изначально продолжал исследовать логику, основанную на психологии. Позже, под сокрушительной критикой Г. Фреге и в связи с пониманием Б. Расселом многозначности логики, Гуссерль пересмотрел отношение к сущности и назначению логики в первом томе «Логических исследований» (1900), оставаясь оригинальным в своей концепции только в соотношении достижений Фреге и Пирса. В этой работе, тем не менее, нет никакой отсылки к логике Пирса, тогда как последний упоминал Гуссерля в одной из поздних работ относительно немецкой психологической логики. Однако, отмечая тот факт, что оба рецензировали схожие научные работы по формальной логике, Гуссерль мог в какой-то степени испытать влияние Пирса.

Пирс задумывал логику как теорию, которая анализирует и синтезирует способы рассуждения и логические аргументы, где рассуждение есть намеренное мышление и логика необходима как связующее звено (influx) между субъектом и реальностью, формируя интерсубъективность. Исходя из прагматических посылок, он считал мышление формой психического поведения в соотношении с верованием-привычкой (belief) действовать как ответственностью, обосновывающей поведение индивидуума. Таким образом, логика обладает эстетическим и этическим фундаментом. С другой стороны, логика Пирса служит средством к открытию обоснованных фаллибилизмом (и недетерминацией) самокорректирующихся методов идеального способа достижения истины и избавления от ошибок, которые неизменно соседствуют в исследовательской работе. Логика постулируется не только нормативностью, но и универсальным способом мышления в качестве абдуктивного мышления, которое как метод направлено на интерпретацию категорий в соединении со знаковыми системами и процессом, обладающим гносеолого-онтологическим статусом.

Логика понимается Гуссерлем не только как нормативная дисциплина в традициях немецкой школы, но и как чистая наука с задачей определения содержания (характера значения) и развития метода научного исследования в психологизме. Таким образом, учение Пирса – своего рода промежуточное звено между двумя

позициями Гуссерля, не исключая того, что Пирс несколько эклектичен (в соединении идеального и материального), а Гуссерль считается одним из основателей понимания логики как чистой науки, что, в принципе, сыграло не лучшую роль в развитии логики в дальнейшем. Логика Гуссерля – скорее идеальная перцепция в соотношении с идеями Brentano, чем обоснование собственно природы логики. Во втором томе «Логических исследований» (1901) Гуссерль выделяет «чистую науку» как прояснение основ логики. Такая чистая наука – его феноменология. Фанероскопия Пирса не соотносится напрямую с логикой и является фундаментальным гносеолого-онтологическим объяснением системы универсума, где процессуальным принципом мыслится абдуктивность.

Фанероскопия Пирса, продолжая традиции средневековой схоластической логики в более сложном, комплексном виде, начинается с публикации программной статьи «О новом списке категорий»² (1867) и развивается далее в других работах³, в которых определены три универсальные категории предикативности (the senopythagorean categories) в качестве выстраивания акта пропозиции – проявления актуального состояния объекта/ субъекта в действительности и познавательной способности: первичность (firstness), вторичность (secondness), троичность (thirdness), где функция понятий заключена в сведении многообразия к единству. Под *фанероном* (феноменом) Пирс понимает все, что является наличным сознанию, при этом не имеет значения соотношение наличного с какой-либо реальной вещью, таким же образом фанерон репрезентируется вне времени (в модусе настоящего) и вне пространства, не соответствует определенному сознанию, но присущ каждому. Понятие фанерона близко по смыслу локковской «идеи»: категории различия (модусы бытия) как акциденции не могут быть абстрагированы друг от друга, выступая медиатором бытия («того, что есть») и субстанцией («этого»). Запускается процесс вида «триадического отношения» бесконечной интерпретации (семиозиса), где первая категория – *качество* (quality, квалиативность), вторая – отношение, третья – представление. Первичность можно прочувствовать, но невозможно оформить, как если взять «идею», «мысль» саму по себе, – такая качественно определенная вещь выносится за границы познания, находится в возможности. Вторичность – это «грубый» факт действительности, субъект-объектное соотношение (противодействие Ego и non-Ego), коррелят. Троичность – закон и необходимость, репрезентантен, отсылка к интерпретанту. Не существует непосредственного квалиативного знания, это чистая абстракция, гипотеза (абдукция), служащая познавательным целям сведения многообразия данного к единству в непрерывных категориальных отношениях, где репрезентантен вновь будет «качеством». В подобной функции квалиативность является «элементом познания»,

где каждое *a* для любого *b* имеет значение только для *c*. Но что именно в таком случае позволяет угадать любой последующий феномен, если, по Пирсу, в опыте не дано ничего, что можно считать непознаваемым и поэтому понятия об этом в принципе быть не может? Регулярность, наблюдаемая в опыте, позволяет выявлять феномены, но эта регулярность должна быть выше, чем простое повторение явлений⁴. «Фанерон» показан Пирсом универсалией в смысле реализма схоластики.

К.-О. Апель назвал Пирса «Кантом американской философии»: в своем роде он осуществил трансформацию трансцендентальной логики, исходя из того что не смог принять кантовского различия между познаваемыми явлениями и вещами-в-себе, принципиально непознаваемыми, сохранив трансцендентальное обоснование объективности науки в ее возможности и устранив различие между регулятивными и моральными принципами в объединении логики и этики. Фактически Пирс создал феноменологическое учение о категориях и метафизику, индуктивно подтверждающую *категории*⁵. С его точки зрения, у человека нет способности интроспекции, как нет и способности интуиции. Интуиция – это знание, определенное непосредственно трансцендентальным объектом, под которым Пирс понимает объект, существующий независимо от процесса его познания. Как видно, для философа в учении об интуиции центральным пунктом несогласия является именно это признание «трансцендентального объекта», и в статье «Вопросы относительно некоторых способностей, приписываемых человеку» (1868) его возражения направлены в первую очередь против такого признания.

Фанероскопию Пирса невозможно демаркировать и понимать поверстно с его теории знаков и логического учения⁶. Соглашаясь с тем, что познание необходимым образом должно иметь свое начало, Пирс объясняет его возникновением непрерывного процесса, а не как непосредственное знание. Этот процесс есть не что иное как бесконечный семиозис, где «мысль» сама по себе представляет *знак*. Подобно тому как тело находится в движении, а не «движение в теле», человек находится в мыслях, а не мысли в нем. С этой точки зрения будет важным не то, что ощущается, не материальное качество знака, но то, что при этом представляется, мыслится. В силлабусе 1903 г. Пирс проводит полную классификацию знаков в виде трех трихотомий (девяти подклассов) и десяти классов таксономии, где вторая трихотомия (икона, индекс, символ) фундаментальна. Иконический знак (icon) начинает репрезентацию, основываясь на том, что знак обладает общим качеством со своим объектом, «икона» служит для прямой передачи какой-либо идеи (фанерона) и соотносится с категорией первичности – «качества». Индексальный знак (index) выступает динамической связью с объектом, указывая на существование, и соотносится с

категорией вторичности – «отношения». Символ (symbol) – подлинный знак, с точки зрения Пирса, репрезентативен, качественно определенная идея с категорией троичности – «представления». Иконический знак и индекс рассматриваются Пирсом как вырожденные формы подлинного знака – символа.

В 2005 г. Г. Ричмонд представил технику триадического анализа-синтеза в электронике – TriKonic, – основанную на фанероскопии Пирса в качестве трихотомического подхода в некоторых исследованиях процессов принятия решений, которые представляют наибольший интерес для виртуального сообщества. В будущем такой подход будет реализован в электронном устройстве, используемом для анализа и всестороннего рассмотрения терминологии, связанной с компонентами различных триад и отношений данных триад с другими.

Семиотическая система Пирса оперирует тремя основополагающими типами вывода: троичность выводится через дедукцию, вторичность – через индукцию, первичность – через *абдукцию* (ретродукцию). В случаях когда нужно прийти к истинному знанию, абдукция в силу своего гипотетического характера, так же как и другие способы вывода, может быть названа научным методом. Исходя из посылок ощущений абдукция утверждает сначала предварительное общее правило; из него дедуцируются окончательные общие положения, которые затем проверяются путем индукции. Наибольшее число наблюдений, приводящее к индуктивному выводу, которое исходит из абдуктивного правила, прямо пропорционально увеличивает его потенциал. В этом плане абдукция является единственным способом интерпретации «знака», по Пирсу, который сам по себе является истинным. Каждая новая гипотеза этого знака приближается к познанию его сущности. Абдукция, включая дедуктивно-индуктивный компонент, относится к классу ампликативных («расширяющих») умозаключений в логике, то есть набору интерпретаций.

Теория знака Гуссерля различает знак-признак и знак-выражение⁷. Первый, не обладающий значением, обладает лишь функцией указания; знак как выражение отсылает непосредственно к значению, существующему вне реальности. Семиотику Пирса невозможно в полной мере соотносить с таким диссоциативным пониманием знака. Другой ученик Брентано и создатель Львовско-Варшавской философской школы К. Твардовский, тем не менее, разрабатывал теорию суждения с онтологических позиций, хотя в трактовке значения знака в его содержании Твардовский близок к понятию идеального значения Гуссерля с точки зрения антипсихологизма⁸. Первую категорию Пирса можно также сравнить с понятием интенциональности в учении Гуссерля – ноэзисом как реальным содержанием переживания сознания, тем не менее неотрывным от предмета интенции. С другой стороны, первичность Пирса сыграла свою роль

для появления одного из ключевых понятий современной аналитической философии – «квалиа». Qualia как термин впервые упомянут в работе американского аналитика, автора концептуально-прагматизма К. Льюиса «Сознание и порядок мира» (1929). Находясь под влиянием философии Канта и Пирса, Льюис даёт такое определение «квалиативности» сознания: «Существуют распознаваемые качественные характеристики воспринимаемого, которые повторяются в различных актах восприятия, и поэтому являются одним из типов универсалий; я называю их „квалиа“. Но хотя эти квалиа являются универсалиями, в том смысле, что они узнаваемы в каждом следующем акте восприятия, их следует отличать от свойств объектов. Смешение этих двух вещей было свойственно многим концепциям в прошлом, равно как и современным теориям о сущности. Квалиа непосредственно интуитивно воспринимается, дано и не может быть подвержено никакой возможной ошибке, поскольку оно полностью субъективно».

Г. Шпигельберг, американский философ и ведущий специалист по истории феноменологического движения, одним из первых провел обстоятельный компаративистский анализ фанероскопии Пирса в перспективе феноменологии Гуссерля⁹. В частности, Шпигельберг отмечает ключевые моменты различия и некоторые сходства, в общем виде критикуя понимание фанероскопии Пирса как феноменологического учения по таким существенным позициям:

1) феноменологическая редукция Гуссерля, некартезианский метод освобождения сознания от естественной установки в такой форме не может быть принят Пирсом, убежденным противником Декарта, отрицающим непосредственное знание в принципе (идеации Гуссерля);

2) феноменология, в понимании Пирса, не имеет права апеллировать к логике, напротив, логика должна основываться на феноменологии – у Гуссерля феноменология фундирует не только философию, но и логику;

3) нет никакого интереса Гуссерля к онтологическим (метафизическим) посылкам феноменологии, к категориям в толковании Пирса феноменология Гуссерля выстраивается на эпистемологии;

4) Гуссерль не был уверен, возможно ли тематическое описание первичности как самой сложной и самой абстрактной категории Пирса, выпадающей из его общей системы, тогда как феноменологическое объяснение составляет конкретное систематическое учение – Гуссерль убежден, что количество и даже субстанция предпочтительней «качества»; нет также и чистого эквивалентного соотношения «качества» с интенциональностью; интенциональность биполярна, и Гуссерль дает более дифференцированную структуру поля явлений, чем первичность Пирса;

5) редукция Гуссерля противоречит «индуктивному» методу Пирса.

Шпигельберг замечает, кроме того, что Пирс слишком часто модифицирует философские термины внутри собственной системы: феноменология превращается в фанероскопию ввиду дистанцирования от феноменологии Гегеля (наблюдения фактов, а не объяснения); фанероскопия, в итоге, трансформируется в феноскопию, или фанерохимию – «химию» явлений. До конца 30-х гг. прошлого века феноменология не была известна в США, если не брать в расчет того, что фанероскопию Пирса можно называть единственно возможным исключением в этой тенденции, однако нет гарантии, что смысловое содержание учений воспринималось Пирсом в той же мере, что и Гуссерлем.

Фанероскопия вслед за иерархической системой категорий Аристотеля, категориями рассудка Канта и диалектикой Гегеля, пожалуй, обладает схожей философской значимостью, тем более что по прошествии времени не было предложено ничего более универсального. Категориальное учение Пирса необходимо рассматривать в трансформационном соотношении с логикой событий и теорией знаков, но фанероскопия по многим пунктам расходится с феноменологией, в связи с чем называть Пирса феноменологом некорректно.

Примечания

- 1 См.: Mullin A. A. C.S.S. Peirce and E.G.A. Husserl on the Nature of Logic // Notre Dame J. of Formal Logic. 1966. Vol. 7, № 4. P. 301–304.
- 2 См.: Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000. 448 с.
- 3 См.: Пирс Ч. С. Принципы философии : в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. 320 с.
- 4 См.: Мельвиль Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм. М., 1968. 500 с.
- 5 См.: Апель К.-О. От Канта к Пирсу : семиотическая трансформация трансцендентальной логики // Трансформация философии. М., 2001. С. 171–192.
- 6 См.: Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб., 2008. 464 с.
- 7 См.: Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. 464 с.
- 8 См.: Твардовский К. Теория рассуждений // Логос. 1999. № 7. С. 50–66.
- 9 См.: Spiegelberg H. Husserl's and Peirce's Phenomenologies : Coincidence or Interaction // Philosophy and Phenomenological Research. 1956. Vol. 17, № 2. P. 164–185.

УДК [1:81] (4)

ОППОЗИЦИЯ СЕМИОТИЗМ – ОНТОЛОГИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА XX ВЕКА

Н. Ю. Пронина

Саратовский государственный университет
E-mail: pronnat@pochta.ru

В данной статье рассматривается оппозиция семиотизм – онтологизм, отражающая различные подходы к языку в философии XX в. В рамках семиотики, структурализма и постструктурализма усматривается тенденция к определению языка как знаковой системы, основанной на механизмах социально-культурной конвенции и существующей по автономным законам, отличным от природных. В традиции русской философии, напротив, язык имеет неконвенциональное происхождение и обладает самостоятельной онтологией.

Ключевые слова: семиотизм, онтологизм, философия языка, структурализм, знак.

The Opposition Semiotizm – Ontologism in the Philosophy of Language of XX Century

N. Yu. Pronina

In article semiotizm – ontologism opposition reflecting different approaches to the language in the philosophy of the XX century are considered. Author points a tendency to determining language as a sign system based on mechanisms of socio-cultural conventions and existing under the laws of an autonomous, distinct from nature, in the framework of semiotics, structuralism and poststructuralism. In Russian philosophical tradition, on the contrary, the language has unconventional origin, and has an independent ontology.

Key words: semiotizm, ontologism, philosophy of language, structuralism, sign.

Внимание к языку в философии связано с осознанием того факта, что язык является экзистенциалом человеческого бытия, однако при его изучении философия сталкивается с проблемой непрозрачности законов и сущности языка при его непосредственной явленности и доступности. Понимание языка как связующего звена между миром и мышлением, где он выступает как самостоятельный феномен, приводит к необходимости четкого осознания его онтологических возможностей.

В западно-европейской философии антиномии семиотического и онтологического модусов существования языка можно отметить в концепциях У. Эко и М. Хайдеггера. Рассматривая язык как знаковую систему, У. Эко одновременно признает конвенциональную природу кода и объективный статус языка как обуславливающего сознание человека. Исследуя коммуникативные практики, он настаивает на несоответствии кода

отправителя и того, с помощью которого получатель расшифровывает сообщение. В процессе передачи сообщения исходный код трансформируется, приобретает новые свойства, параметры, оттенки, что, по мнению автора, свидетельствует о самостоятельности языка и его потенциальной бесконечности. Концепция У. Эко отличается сопряжением семиотической пролиферации языка в рамках культуры и общества и определенной долей его самостоятельности.

В работах М. Хайдеггера утверждается несоответствие семиотической реальности онтологическому основанию: как пишет автор, в греческой философии знак создавался для указывания, но уже с эпохи эллинизма «возникает знак через фиксацию как орудие для обозначения, посредством которого представление фиксируется и перенаправляется с одного предмета на другой»¹. Так происходит трансформация исходной действительности в самостоятельно оформленную знаковую систему, создаваемую на протяжении всей истории усилиями социально-культурной конвенции и обладающую собственными закономерностями. Как только предмет становится знаком, он теряет присущие ему свойства и обрывает ряд признаков и коннотаций.

По мысли М. Хайдеггера, при внешней разъединенности, переплетенности и запутанности языка его своеобразие покоится в едином основании. Разбиение языка он считает собранием черт той разметки, которая прочерчивает разомкнутое, открытое пространство языка. Так, он усматривает сущность языка в событии сказа, то есть возможности «каза» или «показывания» в языке бытия для прислушивающегося к нему: «Человек, однако, способен говорить лишь поскольку он, послушный сказу, прислушивается к нему, чтобы, вторя, суметь сказать слово»². Таким образом, в понимании Хайдеггера язык имеет неразрывную связь с бытием, в котором смысл языковых выражений предзадан и достигим при помощи процедуры герменевтического толкования, определяющую роль в котором играет индивидуальная экзистенция.

Антиномия семиотического и онтологического подходов к языку имеет эпистемологическое различие. Так, в концепции М. Хайдеггера истинное понимание действительности возможно лишь в своей цельности и при углубленной работе духа, тогда как в семиотической теории инструментарий нацелен на обнаружение в эмпирическом многообразии объектов имманентных абстрактных единств (кода или структуры) для последующей их формализации.

Р. Барт выделяет два типа операций, применяемых в целях семиотического описания действительности: первая – расчленение, посредством которого определяют постоянные, устойчивые признаки, определяющие целостность предмета, но лишённые смысла сами по себе, и вторая – операция упорядочения, определяющего

взаиморасположение и отношения элементов, соотносимость со всеми другими, которые сообщают им значение.

Семиотическому описанию можно противопоставить символическое, являющееся, по замечанию П. Флоренского, выражением духа, которое углубляет внимание и служит осознанию предлежащей реальности. И если относительно объективного научного познания Флоренский пишет, что оно «хочет снять самое явление, растворить его реальность в тех силах и сущностях, которые оно подставляет вместо объясняемого»³, то для символического описания требуется непосредственная связь с описываемой действительностью. Связь эта дана таким образом, чтобы символ оставался имманентным описанию, образуя особую познавательную сущность. В символе утверждена, по мнению автора, неразрывная связь с описываемой действительностью, и в нем сосредоточены «сгустки, уплотнения и кристаллы ее описания»⁴.

В позиции М. Хайдеггера отчетливо выражен онтологический статус языка: «язык – дом бытия», и бытие конституируется в языке, так как, впервые давая имя сущему, назначает его к бытию и, благодаря такому именованию, впервые изводит сущее в слово и явление. Семиотическая интерпретация языка признает его конвенциональную природу, обусловленную договором между членами определенного коллектива, устанавливающим ассоциативные связи акустических образов и смыслов в системе знаков, имеющих психическую природу. Так, язык, по мнению Ф. де Соссюра, представляет собой грамматическую систему, существующую виртуально в сознании индивида, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, при этом язык не существует полностью ни в одном из них, а лишь в коллективе⁵. Язык, таким образом, выступает как система, или структура, представляющая собой совокупность отношений, навязывающих говорящему определенные комбинаторные правила употребления.

Однако система языка может быть представлена как совокупность правил, единожды установленных и неизменяемых, или же как определенная способность к формированию лингвистических последовательностей. Наличие комбинаторного принципа, предоставляющего возможность разнообразных сочетаний, должно свидетельствовать о наличии глубинной структуры, обеспечивающей изменчивость и многообразие изоморфных поверхностных структур языка. Так, Кл. Леви-Стросс, применяя опыт лингвистического анализа к этнологическим данным, поставил задачу обнаружения глубинного сходства эмпирически различных явлений для выявления бессознательной структуры, лежащей в основе каждого социального установления или обычая⁶. Разработанный всеобщий код, по мнению автора, способен выразить общие свойства, присущие каждой из специфических структур, соответствующих от-

дельным областям, и наиболее точно передать их природу. Он имеет вид универсальной структуры человеческого духа, являющейся источником всех возможных семиотических объектов. Открытым общим законам Кл. Леви-Стросса придает статус абсолютных в силу того, что эти системы были выработаны человеческим духом на уровне бессознательного мышления и носят бессубъектный и трансиндивидуальный характер. В силу этого область неконтролируемого бессознательного языкового пространства приобретает вид онтологической структуры, в которой она через человека и коллективное бессознательное генерирует повехностные проявления случайных воплощений.

Анализ серийного мышления, проделанный У. Эко, выявляет историческое изменение коммуникативных кодов, следствием которых являются формирование новых культурных контекстов, эволюция коммуникативных моделей, закономерно связанных с изменением общественных и социальных структур, организация новых кодов и их постоянная реструктуризация. Так, выявляется противоречие между способной объяснить все формы языка внеисторичной моделью Кл. Леви-Стросса и тем фактом, что при анализе современных культурных практик она эволюционировала до неузнаваемости. Структуралистская методология, выявляющая структуру, ориентируется на исходное постоянство исследуемых объектов, их нормальное, константное состояние, игнорируя факты неустойчивых форм и варианты отклонений. Определяя серийность как отклонение от предшествующих нормальных кодов и их искажение сквозь призму нового мировосприятия, Эко отмечает, что она не просто отрицает исторически сложившуюся структуру, но сама является структурой, непрерывно сомневающейся, саморефлексирующей и в этом поиске глубинных оснований производящей новые смыслы.

Произведение искусства или другое неоднозначное многоплановое сообщение, по мнению У. Эко, представляет собой знаковую систему, которая мыслится как таковая в силу того, что является чистым присутствием. Однако когда смыслы, содержащиеся в сообщении, не раскрыты, этот не поддающийся дешифровке «остаток» новых смыслов оборачивается чистым отсутствием, в котором есть источник открытости смыслов, недоизреченности произведения. Стремление обнаружить структуру какого-либо феномена неизбежно должно привести, как считает У. Эко, к его обнищанию, закоснению, отвердеванию. Такой подход находится в оппозиции к интерпретативному и герменевтическому толкованию. Редукция многоплановости и неоднозначности языка к константным структурам не способствует раскрытию его возможностей.

Рассматривая антиномию знака как чистого присутствия, Эко находит его источник не в наличествующей структуре, а в отсутствии таковой. Онтологическое основание языка уступает

место семиотической самостоятельности знака, определяющего развитие культурных и коммуникативных практик. При исследовании структур коммуникации семиотика должна выявлять, по мнению автора, не какую-то залегающую в глубине структуру, а отсутствие структуры, топос непрерывной игры, в котором сосредоточена возможность транспозиции, на основе которой становится возможным построение системы трансформаций⁷. Прерывая онтологическую вертикаль языка М. Хайдеггера, У. Эко тем самым замыкает семиотический универсум, и его научный поиск сосредоточивается на исследовании данного пространства, его внутренних законов и границ. Но знак, в его понимании, имеет семиотическую реальность, тогда как в концепции А. Ф. Лосева выражена иная точка зрения.

Отказываясь от общественно-конвенциональной теории происхождения знака, А. Ф. Лосев различает три вида бытия: бытие материальной действительности и бытие действительности, отраженной в сознании в виде формы или идеи, а также специфическую форму бытия, среднюю между объективно-действительным и мыслительным бытием, а именно – бытие словесное, не сводимое к названному, а отражающее их⁸. Языковой знак отражает ту или иную систему смысловых отношений в мыслимом и независимо от него существующем предмете, но «пользуется этим отражением свободно, произвольно и независимо от объективной истинности отраженной в нем предметной системы отношений», что часто приводит к тому, что язык становится искажением и извращением этой действительности, образуя определенного рода интерпретации бытия⁹.

Обращаясь к исследованию знаков в контексте их возникновения и функционирования, А. Ф. Лосев отмечает, что язык и языковые знаки стихийны в своем возникновении, под которым он понимает «непреднамеренное, самопроизвольное и не содержащее в себе никакой закономерности возникновение»¹⁰. Так, однажды возникшие знаки продолжают и далее стихийно функционировать в бесконечных количествах и комбинациях. Возникнув из отражения действительности и мышления, языковые знаки начинают жить своей собственной жизнью, создают свои законы, методы, традиции, обладающие природой не прямого отражения, но своего собственного понимания и интерпретации, и становятся условно свободными, условно независимыми, условно самостоятельными.

В работах П. Флоренского также можно отметить антиномию языка в феноменах символа, понимаемого им как бытие, которое больше самого себя, и знака как бытия, которое меньше самого себя. Признавая наличие двух видов бытия, – внутреннего, служащего самоутверждению бытия, и внешнего, способствующего его обнаружению, явлению, раскрытию ноуменального и феноменального, которым соответствуют сущность и деятельность (или энергия), – П. Флоренский

отмечает органическую возможность их взаимоотношения в виде взаимопрорастания энергий, или синэнергии. Их обоюдное открытие происходит в акте взаимооткровения, в результате которого образуется новый феномен, не равный сумме предыдущих, а превосходящий их, т. е. символ. Он, по определению П. Флоренского, представляет собой сущность, в которой сращены энергия феноменального мира и более ценная или значимая ноуменальная, которая в силу потенциальной бесконечности источника предоставляет символу глубину его наполненности. В противоположность символу знак не обладает сопряженной связью с внутренним бытием, а лишь изоморфен ей. Принадлежа к феноменальному миру, он существует в режиме недостатка энергии проявляющейся сущности и вынужден создавать дополнительные формы имитации для компенсации сущностного дисбаланса. Флоренский подчеркивает, что символ и знак обладают онтологической самостоятельностью различной природы и являются инвариантами субъектности и объектности. Знак, таким образом, характеризуется отсутствием онтологической сопряженности с ноуменальным бытием и выражает преимущественно феноменальную сторону бытия.

Таким образом, в результате компаративного анализа рассмотренных концепций можно выделить два самостоятельных модуля языка: семиотический и онтологический. Онтологическая направленность языка связана с тем, что язык имеет неразрывную связь с бытием, свидетельствующую о возможности антиномического единства ноуменального (сущности) и феноменального (явленности) в символе, реализующегося благодаря

духовной активности человека. Семиотическая реальность языка свидетельствует о культурно-социальной обусловленности человека при его нацеленности на объективную данность вещей, а не на духовное их постижение. Однако, несмотря на конвенциональную теорию возникновения знака в концепциях семиотики, язык, при его оторванности от онтологического основания ноуменального бытия и не имеющий его направляющей силы, обретает феноменальную самостоятельность и его развитие задается онтологией меонической реальности. В результате возникает семиотический универсум отражений реальности, постоянно преобразующийся, расширяющийся в потенциальную бесконечность значений не истинных, но искаженных.

Примечания

- ¹ Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 261.
- ² Там же. С. 272.
- ³ Флоренский П. У водоразделов мысли // Флоренский П. Имена : сочинения. М., 2006. С. 96.
- ⁴ Там же. С. 98.
- ⁵ См.: Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52.
- ⁶ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001. С. 30.
- ⁷ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. 544 с.
- ⁸ См.: Лосев А. Ф. Знак, символ, миф. М., 1982. С. 89.
- ⁹ Там же. С. 95.
- ¹⁰ Там же. С. 72.

УДК 316.3

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК СУБСТАНЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО

Д. М. Соколова

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена анализу феномена телесности социального бытия; особое внимание уделяется проблеме трансформации телесности в современном мире, вызванной процессами виртуализации.

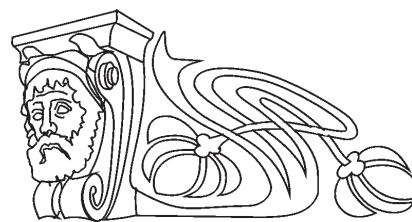
Ключевые слова: социальность, общественное бытие, субстанция, телесность, социальное тело.

The Corporality as a Substance of the Sociality

D. M. Sokolova

This article is devoted to analysis of the corporality phenomenon of the social reality. The author gives special attention to a problem of the transformation of a corporality in the modern world. The cause of this transformation is the processes of the virtualization.

Key words: sociality, social being, substance, corporality, social body.

В социально-философских построениях современности значительный интерес уделяется проблемам телесности и социальной топологии¹. Социальное в них отождествляется с Абсолютом, а последний, в свою очередь, рассматривается как равный сознанию, языку, бытию, обществу и телу². Описание социальной реальности в терминах телесности, с одной стороны, опровергает установку на утверждение превосходства сознания над телом, свойственную классической философии, а с другой – ставит под сомнение абсолютизацию концепции коммуникативной социальности, согласно которой общественная жизнь в большей степени зависит от характера коммуникаций и взаимодействия, связывающих

индивидов, чем от неких констант, задающих параметры социальной динамики. Социальная топология фактически предлагает рассматривать общество как результат определенной конфигурации тел в пространстве, а телесность – как субстанцию социального, его субстрат. Однако при этом важно отметить, что в данном контексте субстанцию должно понимать не в духе Спинозы, как нечто такое, что само себя через себя являет, а в духе Аристотеля – как чистую потенцию, возможность существования чего-либо, в данном случае существования различных форм общественного бытия.

Социальное как таковое является продолжением тела. Язык, мышление, сознание соразмерны человеку. Мы воспринимаем окружающий мир в терминах телесности и соприкасаемся с ним благодаря телу и посредством тела. Именно анализ телесных ощущений является первой ступенью познания: «Тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выражаться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека – это его тело»³. Всё созданное человеком является его органом проекции: орудия труда – продолжением руки, колесо – продолжением ноги, одежда – продолжением кожи, дом – продолжением тела в целом. Общество как бытие-вместе является предельной проекцией человеческого тела. По мнению С. А. Азаренко, «представляется возможным выставить социально-топологическую связку “тело – дом – социальное окружение – политика” в качестве такой структурирующей структуры, которая своими техниками и практиками порождает социальную реальность»⁴. Иными словами, телесность является источником и организующим принципом общественного бытия, его фундаментальным модусом.

Одним из первых о телесности социального бытия заговорил философ-постмодернист М. Фуко. С его точки зрения, человек связан с существующим порядком слов и вещей посредством своего тела: «...его телесное существование так или иначе пересекается с остальной живой природой; производя продукты и орудия труда, выменивая то, в чем он нуждается, организуя всю систему обращения, по которой проходит все то, что он способен потреблять, и в которой сам он является лишь неким функциональным узлом...»⁵. Поэтому именно телесность оказывается той основой, которая обеспечивает существование социального.

Как отмечает Фуко, на протяжении человеческой истории тело функционировало и как знак, и как объект манипуляций, и как мишень власти. Во времена, когда пользовались популярностью публичные казни, значительную роль играло тело осужденного, истязание которого служило визуальным доказательством и живым

воплощением власти монарха. Эпоха Просвещения отвергла телесные наказания как негуманные и противоречащие духу закона. Постепенно сложилось мнение, что целью наказания должно быть не лишение жизни, а перевоспитание души. Однако, как совершенно справедливо отмечает Фуко, именно с этого момента начинается настоящий захват человеческого тела. Казнь не была нацелена на подчинение, а просто демонстрировала величие правителя. Более того, она таила в себе определенную опасность и для власти, так как ее исход оставался до конца неизвестным. Толпа могла вмешаться в ход событий и, проявив жалость к осужденному, освободить его. Воплощаясь в хаотичной человеческой массе, она угрожала социальному порядку в силу своей неуправляемости, в то время как цель публичной казни заключается не в том, чтобы предать смерти одного преступника, а в том, чтобы каждый из наблюдающих отождествил себя с ним и почувствовал силу власти на себе.

Задача превращения бесформенной человеческой массы в упорядоченное множество «послушных» тел под силу только дисциплинарной власти, нацеленной не столько на наказание, сколько на наблюдение за жизнью индивидов и стандартизацию их действий согласно принятым шаблонам. «Она “муштрует” подвижные, расплывчатые, бесполезные массы тел и сил, превращая их в множественность индивидуальных элементов – отдельных клеточек, органических автономий, генетических тождеств и непрерывностей, комбинационных сегментов»⁶.

Власть не может воздействовать на тело напрямую, не поражая его, поэтому она находит посредника. Роль такового играет душа, представляющая собой коррелят тела, его искусственного «двойника». В ней отражаются нормы, представления о существующем социальном порядке, образ мыслей и чувств – все, что индивид считает результатом своей душевной деятельности, но на деле является тем, что формируют в его сознании властные структуры. Индивид вопреки своим представлениям оказывается связанным ходом «собственных» мыслей. В современном обществе власть Нормы, соединяясь с властью Закона, Слова, Текста и Традиции, реализуется посредством дисциплин, основная функция которых заключается в «производстве» личностей, качества которых изначально программируются социальным порядком.

Тело всегда погружено в область политического: «Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки»⁷. Эффективность принуждения при этом достигается путем реализации непрерывного контроля над жизнью индивида. Любой общественный институт неслучайно построен по модели тюрьмы. Человек должен ощущать на себе взор наблюда-

теля, оценивающего его действия и соотносящего их с общепринятыми и одобряемыми моделями поведения. В связи с этим социальное пространство как таковое, по мысли Фуко, должно быть организовано как паноптикум, чтобы каждый знал о присутствии незримого Другого и о легитимной возможности его вмешательства в естественный ход событий. Появление в последние годы камер видеонаблюдения в государственных учреждениях, магазинах, супермаркетах и прочих местах массового скопления людей только доказывает тезис Фуко о стремлении власти установить тотальный надзор над индивидом.

Идея рассмотрения социального сквозь призму телесности в дальнейшем получила развитие в трудах другого французского философа, Ж.-Л. Нанси, для которого тело есть само существование, а все существующее телесно (включая и мысль о теле). Тело всегда что-то значит, но оно не предшествует смыслу, а дает ему «место» и возможность осуществления. Единичности, посредством которых репрезентируется бытие, – не что иное как тела, взаимодействующие посредством «касаний». Именно в контакте с телом другого происходит возникновение единичности, ведь тело есть одновременно и граница любого конечного сущего, и его репрезентация, и линия разрыва в бытии: «...нет единичного сущего вне иного единичного сущего и существует изначально, или онтологическая “социальность”...»⁸. Однако эту изначально данную социальность нельзя рассматривать как реальность, обладающую объективной и надындивидуальной природой: «...нет общности единичностей в обобщенном, высшем по отношению к ним смысле, имманентном их общему бытию. Вместо такой общности существует коммуникация, точнее, само конечное сущее есть ничто, не основание, не сущность и не субстанция»⁹. В этом видится некое противоречие у Нанси. С одной стороны, он подчеркивает неприемлемость субстанционального подхода к анализу социального как такового, а с другой – тело фактически оказывается субстанцией социального, хотя и понимаемой не в духе Спинозы. Тело одним фактом своего существования опровергает возможность полной подмены реальных феноменов их симулякрами, и это в определенном смысле свидетельствует о его субстанциональности: «То, что у нас на подходе, – это мир плотный и весомый, тот мирный мир, который не отсылает ни к миру иному, ни к запредельному миру <...> это мир, переставший быть миром видимостей, а заодно и надежд. Просто мир, наконец, – то есть собственно место реальных протяжений, опространствления наших тел, их отдельных существований, их разделенных сопротивлений»¹⁰. Политика, согласно Нанси, начинается и заканчивается телами. Существующие в пространстве властных отношений идеологемы нуждаются в социальных телах как носителях порождаемого ими смысла. Тело

«живущее» и «потребляющее», «наслаждающееся» и «страдающее», «мыслящее» и «значащее» – истинный объект политической власти, более того – единственное, что подлинно существует.

Однако в современном мире тело все чаще становится объектом манипуляций, оно может быть переобозначено, переконструировано и даже искусственно создано. Плоть утрачивает свое значение: «Социальные “тела” не имеют больше тайны, глубины, прекрасной видимости и сцены, на которой могли бы проявить себя. Полная прозрачность действующих лиц делает их “бестелесными”. Она лишает социальную сферу параметра телесного выражения, проявления»¹¹.

Телесность испытывает существенную трансформацию. Она постепенно поглощается массами, в которые превращаются потерявшие форму социальные тела. Свойствами масс, как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, являются инертность, неуправляемость, экспансивность и применение тактики прямого действия. Они безлики и безымяны, аморфны и бестелесны. Их приход к власти знаменует наступление эпохи «бесхребетности», то есть неопределенности и дезорганизованности. При этом восстание масс – это не захват власти представителями управляемого сословия, это – распространение массового сознания на сословие управляющих.

Человек, став частью массы, утрачивает свою социальную телесность, так как он перестает следовать тем нормам и образцам, которым его научило общество. Масса – это своего рода эрзац телесности, одна из форм проявления, оборачивающаяся ее противоположностью. По мнению Э. Каннети, человек больше всего боится прикосновения и, добавим, именно на эксплуатации этого страха основаны многие техники власти и управления. Оказавшись же частью толпы, человек лишается этого страха: «Теряют значение все различия, в том числе и различия пола. Здесь, сдвигая другого, сдвигиваешь сам себя, чувствуя его, чувствуешь себя самого. Все вдруг начинается происходить как бы внутри одного тела»¹². В обычном состоянии массы существуют в закрытой форме и их функционирование поддерживается и регулируется действующими институтами. Они представляют собой коллективное социальное тело. Открытые же массы совершают прорыв сквозь систему нормативности и теряют очертания и значение телесности. Процесс массивизации вызывает смещение границ социальных групп и стирание социальных различий: «Из разных, совершенно разнородных элементов образуется однородное человеческое тело: масса состоит из людей-массы»¹³. Образование единого социального тела исключает возможность существования личности. В массе на всех – единое восприятие реальности, зачастую не соответствующее действительности, одни мысли, желания и цели, одни и те же техники и стратегии поведения.

Понимаемые таким образом массы поглощают все субстанциональные формы социальности. Социальное тело как продукт социального конструирования существует только в строго структурированном дисциплинарном поле власти, поэтому с восстанием масс оно перестает существовать. Массы, с точки зрения Ж. Бодрийера, поглощают энергию социального и становятся для него «черной дырой». В отличие от тел они не могут быть проводниками смысла, но, в конечном итоге, исчезает не означающее, а означаемое.

Тела как такового, по мысли Бодрийера, не существует, оно обретает реальность только в контексте экономического, политического или сексуального дискурса: «...капитал в одном и том же движении порождает как энергетическое тело рабочей силы, так и тело, о котором мы грезим сегодня как о месте желаний и бессознательного, как о святилище психической энергии и влечения...»¹⁴. Особую актуальность это утверждение приобретает в контексте современности. Игра знаками, ставшая лейтмотивом эпохи постмодерна, начинается и заканчивается на уровне тел. С тела стираются знаки отличия, в том числе и знаки пола, а взамен им наносятся другие знаки. Тело меняет знаки, как одежду, не принимая их и почти не соотнося со своей сущностью. Однако современные технологии не только затрагивают поверхность тела, но и проникают вглубь. Они ориентированы на переконструирование телесности, изменение ее параметров и искусственное воспроизводство: «Сегодня судьба тела состоит в том, чтобы стать протезом»¹⁵. Очевидно, что тело-протез, или тело-манекен не может быть субстанцией социального, ибо оно само несубстанционально.

Процессы виртуализации, затрагивающие современное общество, могут быть рассмотрены как доказательство утверждения Бодрийера о том, что никакой реальной социальности не существует. В пространстве виртуальных коммуникаций телесность, на первый взгляд, не играет никакой роли. Однако сетевое общение предполагает как отказ от телесного образа, так и конструирование нового. В виртуальном пространстве не осуществляется преодоление телесности, так как в ней отрицается лишь физическое тело, а не социальное. Телесность бесспорно испытывает значительные трансформации, но не исчезает. Современные социальные практики не только не отменяют телесность, но и во многом используют ее. Они, как никогда ранее, направлены на то, чтобы заставить тело стремиться к обладанию определенными вещами, товарами, телами. Никакая власть не стремится овладеть сознанием человека, она всегда направлена на то, чтобы захватить тело.

Таким образом, можно заключить, что традиция рассмотрения социального в категориях телесности и по сей день не утратила своей актуальности.

Доказательством служит хотя бы тот факт, что нынешняя культура – это культура тела, ибо она акцентирует внимание на чувственных наслаждениях и желаниях плоти, но не это главное. Кроме всего прочего тело в его социальном (не физическом) измерении представляет собой тот «нерастворимый остаток», который не исчезает, когда утрачивают всякий смысл знаки, носителем коих оно является. Тело как предельная точка в игре означающих и означаемых определяет границы, отделяющие симулякрум от социальной действительности.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- ¹ См.: Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007. 239 с.; Бойко М. М. Социальные стратегии структурирования телесности : автореф. ... дис. канд. филос. наук. Владивосток, 2010. 29 с.; Замоцанский И. Г. Телесность как смыслообразующий фактор культуры : автореф. ... дис. канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007. 26 с.; Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Образ власти и власть образа. Большое тело в культуре // Теория моды. 2011. № 18. С. 91–116; Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социология тела и социальной политики // Журн. социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 2. С. 115–137; Рябов М. А. Топология социального тела : автореф. ... дис. канд. филос. наук. Ижевск, 2004. 19 с.; Фрумкин К. Г. Человеческая телесность в структуре будущего мира // Свободная мысль. 2005. № 1. С. 166–176.
- ² Гаспарян Д. Э. Социальное как негативность. М., 2007. С. 114.
- ³ Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 248–249.
- ⁴ Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007. С. 64–65.
- ⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 447.
- ⁶ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 248–249.
- ⁷ Там же. С. 40.
- ⁸ Нанси Ж.-Л. Непроизводимое общество. М., 2009. С. 64.
- ⁹ Там же. С. 64.
- ¹⁰ Нанси Ж.-Л. Corpus. М., 1999. С. 67–68.
- ¹¹ Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997. С. 59.
- ¹² Канетти Э., Московичи С. Монстр власти. М., 2009. С. 13.
- ¹³ Там же. С. 45.
- ¹⁴ Бодрийер Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. С. 53.
- ¹⁵ Марков Б. В. Реквием сексуальному // Бодрийер Ж. Забыть Фуко. СПб., 2000. С. 30.

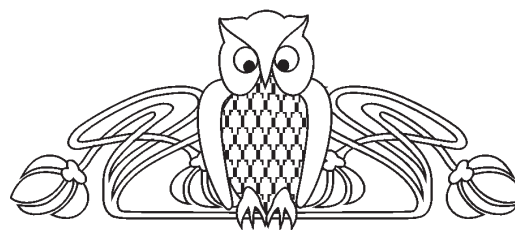

УДК 1:316

ЛИЧНОСТНОЕ БЫТИЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. С. Федин

Саратовский государственный университет
E-mail: dfedin@bk.ru

В статье анализируются категория личностного бытия, аспекты его генезиса и соотношение с процессом институционализации. На основании классических и современных исследований философской мысли по этой тематике автором предлагается рассматривать процесс конструирования и установления личностного бытия с позиций институциональных матриц, обуславливающих стратегию поведения личности в обществе.

Ключевые слова: личностное бытие, личность, человек, институционализация, институциональные матрицы, общество.

Personal Being: Institutional Analysis

D. S. Fedin

In article analysis of personal being is given. Some aspects of personal life genesis and correspondence to the institutionalization process are considered. Author suggests to consider process of designing and establishment of personal being from positions of the institutional matrices, causing strategy of behavior of the person in a society.

Key words: personal being, person, human, institutionalization, institutional matrixes, society.

С развитием социально-философской мысли периода постмодернизма актуализировался ряд направлений в теории институционализации, и в частности институционализация личностного бытия. Несмотря на достаточную разработанность понятий «личность» и «бытие», проблема их соотношения, на наш взгляд, является актуальной. Необходимость философско-методологического анализа обозначаемой проблемы связана с тем, что процесс институционализации затрагивает не только дисциплинарные темы социального бытия общества в экономике¹, политике, образовании, но и субстанциальные формы бытия человека. В рамках процесса институционализации поведение субъектов далеко не всегда определяется институциональными нормами: чаще всего доминирующими выступают формально-организационные установки общества. Это и является одним из препятствий для реорганизации и модернизации институционального пространства общества. В условиях современного российского общества дифференцированная деятельность институтов не может в полной мере раскрыться с позиций техногенных факторов. Причиной этому служит узкая субкультурная направленность общественного процесса, а также жесткое регулирование специальных деятельностных инициатив общесоциальными нормами. Все это не может не свидетельствовать о необходимости пересмотра

институциональной политики общества, такой анализ будет более эффективным, если его объектом станет личностное бытие, а предметом – процесс его институционализации. Исходя из такой оценки институционализация представляет собой процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна удовлетворить запросы человека информационной эпохи. Формирование динамичной институциональной структуры выступает заменой спонтанного поведения индивидов на предсказуемое, которое ожидается, моделируется, регулируется. Так, институциональная форма поведения позволяет минимизировать риски в обществе, а также стабилизировать жизненный путь личности.

При нарушении в функционировании механизмов институциональной структуры устойчивое существование любого современного общества невозможно, об этом свидетельствует совершенствование моделей поведения человека в различных сферах жизнедеятельности, позволяющее осуществлять социальный контроль. Поскольку понятие «личностное бытие» является междисциплинарным, на наш взгляд, целесообразно проанализировать именно его социально-философское толкование. В. Е. Баранов предлагает различать модусы личностного бытия как феномены: доиндивидуального бытия – внушаемость, эмпатия, эмотивность, благоговение; индивидуального – индивидуализм, своекорыстие, одиночество, самоутверждение, самореализация, психологическая самозащита, достоинство, честь, страх, хаотичность произвола; личностного – самозабвение и озабоченность проблемами общества, системы; историческое и природно-эволюционное самосознание, разумное диалектическое мышление, метафизические (сверхэмпирические) чувства – нравственное, эстетическое, свободы, истины, истории, органической эволюции, любви². Такой подход к проблеме личностного бытия во многом объясняет множественность дефиниций данных категорий и представляет собой материал для выявления теоретического статуса личностного бытия. Обратимся к понятию личности. В философской традиции одно из первых определений личности предложил Боэций: «Лицо есть индивидуальная субстанция разумной природы»³. Философ полагал лицом, или личностью «неделимую» субстанцию природы. Позднее

средневековый теолог Ришард Сен-Викторский определил личность как «несообщаемое существование разумной природы», чем оспорил её неделимость и единство и подчеркнул её внутреннюю идентичность. Индивидуальность как главное свойство личности рассматривали многие мыслители. Д. Юм усматривал сущность личности в «способности самоощущения своего Я»⁴, а И. Кант считал, что личностью становится тот человек, который «может обладать представлением о своем Я»⁵. С. С. Батенин отмечал, что «при определении личности как социальной единицы надо помнить замечание Маркса о том, что “человек как личность” – понятие более строгое и точное, чем понятие “личность”. В первом понятии “личность” – это характеристика человека, всегда конкретного и качественно определенного в своих социальных чертах. Во втором понятии “личность” – это абстракция, синтезирующая определенные социально значимые качества социальной группы»⁶. Соглашаясь с С. С. Батениным, считаем необходимым дополнить, что личность в данной аналитической статье позиционируется как одна из центральных категорий построения социального бытия, поэтому употребление этого термина в качестве характеристики человека не представляется возможным. Для М. М. Бахтина личность представляет собой бытийственный центр, а бытие – это в том числе и сосуществование и взаимодействие таких центров⁷. Становится очевидным вопрос о структуре такого взаимодействия, но, прежде чем обозначить аспекты формирования и становления личностного бытия, необходимо вслед за категорией субъективного – личностью – рассмотреть категорию объективного – бытие для выявления определения в контексте данной тематики.

Определение бытия в контексте процесса институционализации осложняется рассмотрением его через призму социального, не лишая статуса онтологической категории. В этой связи, согласившись с Н. М. Солодухо, в качестве рабочего определения бытия мы примем его толкование как существующей реальности или всего реально существующего⁸. Во взаимодействии с личностью, таким образом, бытие выступает как поле для социального взаимодействия личностных центров. Личность в свою очередь является единицей социального бытия и, выступая его частью, относится к нему как целому. Полагая такое отношение приоритетным, мы выделяем инструмент для структурирования таких личностных бытийственных центров, т. е. личностного бытия – процесс институционализации. Личностное бытие здесь – со-бытийность, со-причастность человека Бытию, которое является всеобщим и всеобъемлющим. Л. А. Коган пишет, что именно через человека происходит переход бытия из состояния «в себе» в состояние «для себя» – оно становится в полной мере самобытием, адекватным своей сущности. Бытие, с которым мы имеем

дело, в котором существуем, – это чевоко-мироотношение⁹. Об этом же пишет М. М. Прохоров, определяя отношение человека к бытию третьим уровнем бытия. Всего таких уровней исследователь выделяет три: первый подразумевает бытие как вещьность, второй как свойства и атрибуты вещей, третий уровень, который выступает наиболее сложным структурным модусом бытия, представляет собой отношения человек – бытие и бытие – человек. Интерес представляет положение, согласно которому нормальным состоянием человека является бытие, которое должно быть создано им самим и которое соответствует его создателю¹⁰. Проецирование проблемы смены состояний бытия на сферу социального позволяет в определенной мере говорить об институционализации как явлении, позволяющем созидать и утверждать новые модусы человеческого бытия. В связи с вышеобозначенным институционализацией личностного бытия представляет собой процесс выстраивания внутреннего и внешнего мира человека в смыслообразующую систему. В данном случае субъектом выступает личность как актер, объектом подобных трансформаций – личностное бытие.

Личность, участвуя в процессе социализации, вовлекается в институты общества, которые регламентируют правила и нормы поведения, выполняют роль посредника в отношениях между людьми, но человек здесь обладает первичной субъектностью, а институт – вторичной. Тем не менее, выполняя важную социальную функцию, институты, по мнению В. М. Быченкова, «гипертрофируют и уродуют личность посредством латентного принуждения и провоцируют односторонность развития»¹¹. Закрепление за личностью и регламентирование её определенной социальной роли способствует стабильному функционированию общества как единого механизма, с одной стороны, с другой стороны, отсутствие мобильной ротации и возможности разностороннего развития создает условия для выведения личности из равновесного состояния и потери ее индивидуальности. Подобные аспекты функционирования приводят, на наш взгляд, к рождению двух поведенческих тенденций в обществе:

- непосредственное вступление в институт общества с добровольным или принудительным принятием существующих норм, правил, предписаний и законов (объективное участие);

- создание или проектирование собственной институциональной структуры и действие в соответствии с личностными принципами (субъективное участие).

Необходимо отметить, что если первая тенденция является проявлением «внешнего», рассудочного мышления, то вторая относится к области внутреннего, рефлексивного, или разумного. В этой связи полезны выводы Е. В. Баранова, который полагает, что индивидуальное бытие индивидуалистично и рассудочно, личностное же – разумно,

опосредствовано нравственностью и эстетизмом, духовно. Согласно точке зрения исследователя, индивидуальное бытие способно к трансформации в личностное. Мы же полагаем, что сам процесс выстраивания личностного бытия в духе одной из тенденций соответствует институциональным матрицам, которые носят фундаментальный характер. Они являют собой прежде всего степень естественной предрасположенности социального актора к возможным преобразованиям личностного бытия. Подобную структурную детерминацию личностного бытия оспаривает Ч. Х. Кули и полагает, что влияние наследственности на формирование личностного бытия аналогично влиянию социальных предпосылок – таких, как различие в языке, семейный уклад, образование и профессия¹². Напомним, что в своем исследовании мы исходим из онтологической природы институциональных матриц и видим установление структуры бытия личности в последовательной реализации одной из двух поведенческих стратегий. В этом плане обращаем внимание на взгляды Е. А. Рыбалки, которая считает, что в отношении к личности пространственные структуры образуют особую трехуровневую иерархию: первый уровень – внешнее для бытия индивидов социальное пространство, формирующее субстанциальные качества личности; второй – мезопространство больших и малых групп, где проявляются коллективные механизмы социального мышления субъектов. На третий уровень выходит индивидуальное пространство, отличающееся автономными поведенческими стандартами, индивидуально освоенными ценностями, образующими идеальное пространство личностной идентичности. Крайний уровень, по ее мнению, формирует пространственную ось индивида, позволяющую сохранить устойчивые качества личности, закрепить ее индивидуальность¹³. Подобная функция, на наш взгляд, отражает процесс институционализации личностного бытия. Несмотря на многогранность данного процесса, полагаем, что личность как со-причастная бытию единица способна на самостоятельный выбор варианта развития и построения структуры личностного бытия, но в соответствии с естественной предрасположенностью на первоначальном этапе ограничена институциональными матрицами:

– *матрица рассудочного познания* подразумевает выстраивание личностного бытия в соответствии с внешними тенденциями и приоритетными направлениями в социальной, экономической и политической сферах общества;

– *матрица разумного познания* подразумевает выстраивание личностного бытия в соответствии с внутренними предпочтениями и приоритетами, в малой степени зависимыми от социальной, экономической и политической сфер общества.

Генезис подобной демаркации восходит к фундаментальной проблеме философии – про-

блеме отношения бытия и небытия, полагая бытие тем, что непосредственно дано и воспринимается реально существующим вне зависимости от человеческого восприятия. Как упоминалось выше, личность в силу своей уникальности способна выйти за пределы индивидуальности. Как правило, такой процесс трансцендирования может быть продиктован обществом и осознаться как предмет собственной заинтересованности и озабоченности. Тем не менее возможность создавать, опредмечивать «небытие» и воплощать его в бытие является функцией личностного начала. К проблеме метаморфоз бытия и небытия обращался М. С. Каган, который полагал, что они проявляются весьма различным образом при их рассмотрении в разных конкретных аналитических контекстах. При этом крайне важно, по его мнению, не переносить то понимание содержания бытия, небытия и характера их взаимоотношений, которое свойственно одной форме бытия, на другие – бытия общества на бытие личности¹⁴. Приведенный анализ показал, что процесс становления социального бытия непременно включает в себя проектирование и формирование институционального пространства, которое выполняет регулятивную функцию в обществе. Практика жесткого контроля, в свою очередь, негативно влияет на личностное бытие, которое не может в полной мере раскрыться из-за возникающих структурных противоречий. Для решения проблемы амбивалентности личностного бытия необходимо исследовать её на коммуникативном уровне и рассмотреть возможность диалога конфликтующих элементов.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (ГК № 02.740.11.0592)

Примечания

- ¹ В экономической теории наблюдается тенденция сравнительного анализа «человека экономического» и «человека институционального», отмечают направленность целей первой группы на максимизацию материальных благ, а второй – на упрочение своего положения и статуса в обществе (см.: Федотова В. Г. Человек в экономических теориях : пределы онтологизации // *Вопр. философии*. 2007. № 9. С. 20–31).
- ² См.: Баранов В. Е. Система и личность // *Философия и общество*. 2008. № 2. С. 99–112.
- ³ См.: Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1996. С. 141.
- ⁴ См.: *Антология мировой философии* : в 4 т. М., 1971. Т. 3. С. 361–389.
- ⁵ Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 337.
- ⁶ Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976. С. 129.
- ⁷ Бахтин М. М. К философии поступка // *Философский портал*. URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/post.html> (дата обращения: 29.08.2011).

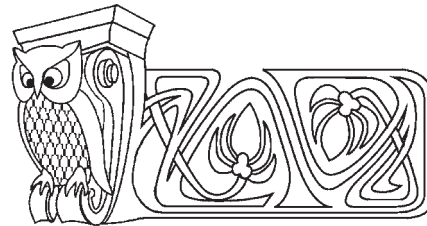
- ⁸ Солодухо Н. М. Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопр. философии. 2001. № 6. С. 176–184.
- ⁹ См.: Коган Л. А. Закон сохранения бытия // Вопр. философии. 2001. № 4. С. 56–69.
- ¹⁰ См.: Прохоров М. М. Бытие и уровни его определения // Философия и общество. 2008. № 4. С. 24–44.
- ¹¹ Быченков В. М. Институты : сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. М., 1996. С. 380.
- ¹² См.: Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 19, 36.
- ¹³ См.: Рыбалка Е. А. Пространства самореализации личности : опыт философской концептуализации // Философия права. 2008. № 3. С. 92–96.
- ¹⁴ Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия. К постановке вопроса // Вопр. философии. 2001. № 6. С. 52–67.

УДК 001.8

СХЕМЫ В ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ

Д. И. Филатов

Саратовский государственный университет
E-mail: d_filatov87@mail.ru

Статья посвящена анализу статуса схем и выражающих их графических изображений, используемых в общей методологии. Рассматривается соотношение пространственных изображений и динамического содержания, выражающихся схемами. Проводится анализ статуса схематизации в общем ряду познавательных способностей человека и соотношения схем с эмпирическими данными и теоретическими конструктами. Через анализ тех стратегий, которые предлагаются исследованиями в общей методологии, производится соответствующий анализ адекватности и релевантности выражения схем графическими изображениями. **Ключевые слова:** методология, научное знание, схемы, графические средства.

Schemes in General Methodology

D. I. Philatov

This article is devoted to analysis of status of the schemes and expressing their graphic images in general methodology. The correlation of spatial images and dynamic content can be expressed by schemes. The analysis of the status of schematization in the overall number of cognitive abilities, and the relation schemes to empirical data and theoretical constructs is given. Through the analysis of strategies that offers general methodology's researches the appropriate analysis of adequacy and relevance of the expression patterns graphics is given. **Key words:** methodology, scientific knowledge, schemes, graphic schemes.

Рассмотрение вопросов схем и схематизма, как это хорошо известно, было инициировано известным немецким философом И. Кантом. В своём основополагающем труде «Критика чистого разума» Кант отводит этим вопросам целую главу¹. При этом не может не обращать на себя внимания особая функциональная нагрузка схематизма, вписанного в систему познавательных способностей человека: уже самим Кантом эксплицитно указывается, что схемами *координируются* категории разума и эмпирические данные чувств.

Такое «представление должно быть чистым (не заключать в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой – чувственным»². В соответствии с учением Канта именно схемы лежат «в основе наших чистых чувственных понятий»³ и только схематизм открывает условия возможности достижения синтетического единства умопостигаемого и чувственного миров. Развитию вопросов данного круга посвящены разработки известного российского методолога, философа и системного аналитика Г. П. Щедровицкого и участников созданного им Московского методологического кружка (ММК).

Исследователи предпринимают попытку синтеза и интеграции различных, как кажется, разделённых, по сути, подходов в изучении схематической активности сознания, отвечающей за целостность последнего, его упорядоченность и связность. Вместе с тем грубой ошибкой нам представляется попытка использования *графических изображений* в качестве средства фиксации и трансляции чистого динамического содержания схем – «рассудочных понятий». Данная статья посвящена анализу этой ошибки и поиску путей её исправления, исключающих использование каких-либо графических схем.

Итак, авторы исходят из того, что «фактически каждый объект задан через движение по нему»⁴. Логика этого движения, направление по материалу определяются либо соответствующей схемой, либо природой материала. Считается, что так называемый *естественный*, или же «повседневный опыт интерпретирует наблюдения, ибо без теоретической интерпретации наблюдения остаются слепыми – неинформативными»⁵. В этом контексте традиционно принято говорить о так называемой *теоретической нагруженности*

факта, вторично организуемой особой функцией схематизма сознания: «...схема является результатом рефлексивного анализа того, что есть. И эта рефлексия связывает всякую схему с реальностью. Но связь эта опосредована...»⁶. Таким образом, единицей организации содержания общей методологии являются *схемы* – динамические композиции, как и у Канта.

Но пространственное понимание схем оказывается неприемлемым ввиду своей скудости и ограниченности, охватывая лишь такой тип изменений как перемещение. При этом уже «аристотелевская динамика была общей теорией изменения, охватывая перемещение, качественное изменение, возникновение и развитие»⁷. Это ставит под вопрос возможность употребления графических изображений любой мерности с задачами описания сложных динамик ментальных схем. С другой стороны, мы имеем десятки и сотни различных графических изображений, с помощью которых участники ММК пытались описывать предметы своих поисков: «схема многоплоскостной организации знаний», «схема мыследеятельности», «схема воспроизводства деятельности» и многие другие⁸.

Методологическая работа в первую очередь «связана с тем, с чего начинать и откуда идти»⁹, что не может быть удовлетворительно интерпретировано в пространственном смысле, включающем лишь направление «физического» движения. Общая методология, описывающая когнитивные пути процессов мышления, понимания, рефлексии и различных иных (коммуникативно-дискурсивных, культурно-исторических, личностных и т. д.), не может оперировать пространственными (а тем более плоскостными) изображениями в описании динамики подобного рода. Например, методологически описывая пути мышления, не проходящие через пространственное перемещение, «я должен выстроить это всё в линейку, поскольку время – “сначала”, “потом” – предполагает такое выстраивание, но этого сделать в мыслительных процессах невозможно, и мыслительные процессы никогда так не идут»¹⁰. Тем самым попытка изобразить в *статичном линейном*, пусть и многомерном, виде подобного рода процессы обречена на провал. Более того, за счёт различных механизмов «то, что было в схеме, на каждом шаге не уходит и не пропадает, а всё время удерживается и сохраняется – прошлое целого всё время входит в настоящее и переходит в будущее»¹¹, но сохранение или удержание каждого из шагов не поддаётся изображению в виде графической схемы. И далее: «...движение (Be-wegung), шаг за шагом, не есть здесь сущностное. Мышление прокладывает себе путь только в ходе вопрошания»¹². Таким образом, выявляется полная невозможность использования каких-либо отчуждённых материалов, средств и способов трансляции или же передачи схем от одного человека другому, вытекающая из невозможности графических и пространственных

вообще изображений схем, что сужает типы этой трансляции до прямого канала в системе «человек – человек», в границах которой использование таких графических схем допустимо в качестве дополнительного подспорья развития процесса.

Очевидно, что пространственная интерпретация динамики данной природы принципиально не способна схватить, зафиксировать и описать всю сложность, многомерность и нелинейность её развёртывания, но это не лишает нас возможности употребления графических и пространственных моделей *в контексте соответствующих системных соотношений*. Например, употребление категории «пространство» в методологии всегда иррелевантно и редуцировано, ибо «это прокладывание пути особенное. Проложенное не остаётся позади лежащим, а встраивается в следующий шаг и протраивается уже перед ним»¹³. Вышесказанное не исключает использования графики, включённой в соответствующие системы передачи информации через невербальные и психоментальные каналы, но требует введения *дополнительных нормирующих и ограничивающих процедур*, так как, расширяя и углубляя *кантовские* построения о схематизме, методология рассматривает её развёртывание не как бескачественное и свободно парящее, а в виде строго детерминированного процесса. Одним из следствий употребления графических средств может быть вред, причиняемый процессу передачи схемы.

Поскольку схемы выражают некое завершённое ментальное движение, они «являются средствами организации нашего движения по материалу (или в материале) и формами, выделяющими в материале определённое содержание»¹⁴, но сложность этого материала делает его пространственно ирредуцируемым и не может быть описана в соответствующем языке, реально включая в себя гораздо более богатый и широкий спектр динамических и темпоральных планов, параметров, аспектов и измерений. Любые пространственные изображения схем и пути репрезентируют сущностным образом редуцированное содержание по отношению к реально искомому – динамическому¹⁵.

Развёртывая схемы, на «своих путях» присутствие не вымеряет отрезок пространства как наличную телесную вещь, оно не «пожирает километры»¹⁶. Осуществляемое движение происходит на «переходах через границы пространства, на входах и выходах из него»¹⁷, но никогда – в самом «пространстве». Соотнося интересующее методологию движение с «монадологией» Лейбница, можно быть уверенным, что движение в данном случае осуществляется *между* монадами¹⁸, а не в границах какой-либо из них. Соотнесение с «монадологией» приобретает особую критичность в раскрытии вопроса путей «*транслокации*» – движения из монады в монаду, – ключ от которой сокрыт в ней же самой (преодоление таких путей не сопряжено с преодолением пространств¹⁹):

«... между вещей – указывает не на локализуемое отношение, идущее от одного к другому и обратно, а на перпендикулярное направление, трансверсальное движение, уносящее одно и другое, ручей без начала и конца, подмывающий свои берега и разгоняющийся посередине»²⁰. Как следствие, в трудах по общей методологии графическая схема может употребляться лишь как дополнительное средство.

Ввиду того что познавательные способности человека представляют собой сложную многомерную дифференцированную целостность, никакая реальная схема, понятая как некое ментальное схватывание динамических характеристик в сознании, не может быть представлена в линейной цепочке тех или иных событий или движений, поскольку подобную возможность исключают количество таких схем, параллельно развёртывающихся в сознании, и уровень сложности отношений между ними (например, этапы параллельного развёртывания, между которыми происходит их связывание).

В дополнение и вопреки рассмотренному выше надо сказать, что графические изображения, используемые в практике схематизации ММК, строятся с использованием различных приёмов (в частности, логического и даже математического характера), с помощью которых осуществляется преодоление некоторых ограничений пространственных изображений. В частности, к таковым относятся:

введение исходных, отправных позиций и точек, позволяющее строить схемы на принципах фрактальности и позиционности размещения элементов, что, разумеется, подключает и соответствующее концептуальное измерение;

разметка вертикальных границ симметрии схемы, относительно которых определяется направление соответствующих отношений между элементами (в частности, иерархических, генетических, исторических отношений, приоритетов, включённости и т. д.);

поляризация и инверсия элементов схемы относительно этой границы симметрии, где основание (рабочий принцип) является концептуальным фоном, но продолжает выполнять свою организующую роль;

разметка горизонтальных пороговых границ, организующих поле работы для неоднородных единиц;

включение в схемы каркасных и структурных начал, в частности рамок различных типов (сплошных, прерывистых и т. д.); связей, стрелок и полустрелок (первые понимаются как лишённые направления или интенции); разнокачественных меток (штрихи, звёздочки и т. д.);

нумерация и индексирование элементов схемы, что позволяет достраивать прилагающуюся экспликацию свойств этих элементов;

различные общеметодологические приёмы, например отсутствующие или же *пропущенные* элементы.

Такова, например, «схема мыследеятельности» – основная из всех разработанных в Московской методологической школе²¹. Графически данная схема изображает асимметричную пару коммуникантов в горизонтали (где в правой части имплицитруется так называемый Другой), разложенных на три иерархически соположенных пояса (верхний – «чистого мышления», нижний – «мыследеятельности», средний – коммуникативный), каждый из которых может быть подвергнут редуцирующей автономизации, «упаковке» в смежные пояса, фокусировке на иных элементах, внутренней поляризации и т. д. (интересно, что графическое изображение на этой схеме ставит в центр пропущенный элемент, вокруг которого размещены две широкие прямые стрелки и выше – одна полукруглая). Принципиальное значение в графическом изображении данной схемы имеет горизонтальная поляризация коммуникантов, раскрывающая природу теоретического содержания данного изображения, схватывающего возможные пути коммуникации. Вместе с тем использование подобного рода приёмов, тем не менее, не только не отменяет пространственного принципа в построении графического изображения, но лишь приводит к его *радикализации* (в первую очередь использование вертикалей и горизонталей в построении изображения).

Резюмируя рассмотренное, следует сформулировать следующий вывод: такая нетривиальная находка Г. П. Щедровицкого и участников Московской методологической школы как графическая схема может употребляться в исследованиях по методологии, однако должна рассматриваться не как средство прямой и непосредственной передачи ментального схематизма, а как дополнительное – опосредованной и отчуждённой трансляции, – требующее, благодаря своей функции, включения в контекст коммуникации «человек – человек». Следовательно, согласуясь с динамическим пониманием природы схемы Канта, методология вынуждена отказаться от переоценки роли графических изображений.

Примечания

- ¹ Глава «О схематизме чистых рассудочных понятий» (см.: Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 157–164).
- ² Там же. С. 158.
- ³ Там же. С. 159.
- ⁴ Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность : в 3 кн. М., 2005. Кн. I. С. 144.
- ⁵ Поттер К. Р. Предположения и опровержения : Рост научного знания. М., 2008. С. 319.
- ⁶ Щедровицкий Г. П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы // Из архива Г. П. Щедровицкого : в 11 т. М., 2003. Т. 5. С. 240.
- ⁷ Фейерабенд П. К. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007. С. 111.

- ⁸ См.: Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности // Щедровицкий Г. П. Избр. тр. М., 1995. С. 281–298.
- ⁹ ОДИ-1. Организационно-деятельностные игры. М., 2006. С. 398.
- ¹⁰ Там же. С. 276.
- ¹¹ Там же. С. 701.
- ¹² Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? М., 2007. С. 262.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ОДИ-1. С.136.
- ¹⁵ В этом смысле полоса, оставляемая мелом на доске, – лишь скудный двухмерный пространственный след, оставленный мелом в процессе и результате прохождения того или иного пути; и даже многомерное пространственное изображение схем и пути всегда несоразмерно и неадекватно.
- ¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002. С. 106.
- ¹⁷ ОДИ-1. С. 615.
- ¹⁸ А ведь «явно случаются коммуникации несоизмеримых вещей» (см.: Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб., 1997. С. 274), т. е. несоизмеримых монад.
- ¹⁹ Перемещение является лишь одним из типов изменения (движения) вообще.
- ²⁰ Делёз Ж. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. Екатеринбург ; М., 2010. С. 45.
- ²¹ См.: Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избр. тр. С. 281–299.

УДК 159.922.4

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Ж. В. Четвертакова

Военный авиационный инженерный университет (г. Воронеж)
E-mail: zhanhalf@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты подходов к определению содержания национального характера, влияние культурных архетипов и стереотипов, этнических стереотипов, констант на формирование национального характера, чувств, проявляющихся в эмоционально окрашенном отношении людей как к своей этнической общности, формам жизни, так и к другим народам.

Ключевые слова: культура, национальный характер, культурные архетипы, культурные стереотипы, этнические стереотипы, этнические константы, национальные чувства, национальный темперамент, уровни национального характера, культурная модель национального характера.

Some Approaches to the Definition of the Substance of National Character

Zh. V. Chetvertakova

The article deals with theoretical approaches aspects towards the national character substance definition, the influence of cultural archetypes, cultural stereotypes, ethics stereotypes, ethics constants upon the forming of the national character, the forming of the national feelings which are revealed in the emotionally coloured attitudes of the people both towards their own ethnic community, forms of life and other peoples.

Key words: culture, national character, cultural archetypes cultural stereotypes, ethnic stereotypes, ethnic constants, national feelings, national temperament, national character levels, national features model.

Национальный характер – явление многогранное. Для того чтобы составить целостное представление о его сущности и содержании,

необходимо описывать его как многоаспектное явление. К возможным элементам национального характера относят: «психологический склад», «душу нации», «особую комбинацию психических сил нации», «константы жизненных позиций, модели поведения, эмоции, настроения», «уклад национальной бессознательной духовности», «стереотипы мышления и поведения», «культуру нации», «предубеждение», «образ» и др.¹ При изучении национального характера как феномена культуры могут быть использованы различные методологические парадигмы². Традиционно выделяют следующие: изучение конкретной исторической эпохи с использованием этнографических наблюдений; анализ различных видов искусства, устного народного творчества; выявление психологических особенностей с использованием проективных методик; применение семантико-методологических позиций, в рамках которых изучаются сны, жесты, позы и т. д.; этнопсихологический аспект; построение «образа народа» и выявление характерных черт через антитезу «мы – они»; использование бинарных позиций; изучение пространственно-временных представлений в той или иной картине мира. Ведущим является комплексный подход: он объединяет историко-психологическую и социокультурную трактовки данного термина и опирается на положение «человек есть часть культуры»³.

Опираясь на некоторые основополагающие принципы при определении содержательной стороны национального характера, ряд ученых

выделяет в его содержании одну из определяющих сторон – психологический склад⁴. Психологические особенности этноса являются значительным этническим признаком: они выполняют функцию цементирующего элемента, без которого этнос как активно действующий социальный субъект оставался бы внутренне разнородным, лишенным духовной целостности и унифицированности.

Рассматривая психологический склад национального характера, исследователи подчеркивают, что его нельзя сводить только к сумме психологических черт отдельных характеров членов конкретной этнической общности. Действительно, психологический тип связан с психологией конкретного индивида, но вместе с тем представляет собой качественно новое образование, поскольку является результатом длительной исторической эволюции и порождением объединенных действий индивидов, синтезом их взаимодействия. В результате формируются «типичные действия», которыми личность, по мнению К. Касьяновой, соприкасается с окружающим миром. Они входят в этнический характер и лежат в основании характера индивидуального⁵. Психологический тип складывается в результате исторического развития конкретного народа как результат передачи и восприятия жизненного опыта многими поколениями, формой аккумуляции является традиция.

Усвоенные и закрепленные ценности становятся архетипами. Культурные архетипы характеризуют типичное в духовном мире человека, поскольку формируются в процессе инкультурации, социализации через систематизацию и схематизацию культурного опыта. Культурный архетип – это культурные архаические первообразы, представления – символы человека, его места в мире и обществе, нормативно-ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности, «проросшие» через многовековые пласты истории и культурной трансформации и сохранившие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры⁶. Они выступают как культурные установки «коллективного бессознательного», с величайшим трудом поддающиеся изменению. Культурный архетип имеет символическую природу и проявляется в области смысловых позиций, где символ рассматривается как понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, а также чувственных образов выражать идеальное содержание, отличное от их непосредственного, чувственно-телесного бытия, а смысл – это специфическая форма выражения деятельности человека в соответствии с теми или иными ценностями или идеалами.

В связи с этим культурный архетип будет характеризоваться устойчивостью и неосознанностью. Являясь формами субъективного проживания человеком своих архетипических структур, эти феномены отчетливо проявляются в комплексах-артефактах, вызванных ситуациями-раздражителями или словами-раздражителями.

Интерпретация реакции человека на такие раздражения дает возможность для их выявления. В национальном характере можно выделить следующие архетипы: национальные, духовные, политические⁷, эстетические, романтические, партикулярные.

Культурные архетипы, оставаясь неизменными по существу и определению, диахронически и синхронически проявляются в самых разнообразных формах: в мифологических образах и сюжетных элементах, в религиозных учениях и ритуалах, в национальных идеалах, в химерах массовых психозов и т. д.

Наиболее устойчивыми в национальном характере являются универсальные и этнические архетипы. Первые выражают общезначимые структуры существования, при этом их проявление в культуре спонтанно. Главная их задача – сохранение и репрезентация коллективного опыта человечества, обеспечение целостности культурного Универсума. Этнические архетипы – константы национальной духовности, которые определяют основополагающие свойства этноса. Культурные архетипы основываются на традициях и вырабатывают стереотипы, которые в психологии личности рассматриваются как образцы типичного для данной общности поведения и познания. Они вбирают в себя представления об окружающей действительности, аккумулируют исторический опыт нации, привычки предшествующих поколений, закрепляют это в схематичном образе своей или чужой этнической общности. Закрепление происходит в результате неоднократного смыслового и эмоционального акцентирования в сознании людей тех или иных явлений. Стереотипы диктуют как форму, так и содержание действий и проявляются во всех областях жизнедеятельности общества. Они не осознаются человеком – это факт поведения.

Своеобразие поведенческой активности будет заключаться в эмоционально-экспрессивной специфике: неслучайно ряд ученых воспринимает национальный характер как совокупность устойчивых для национальной общности особенностей эмоционально-чувственного восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Внешним выражением национального характера является темперамент, проявляющийся в различных формах вербального и невербального общения: темпе речи, количестве и энергичности движений и жестов, величине социальной дистанции, открытости в проявлении чувств. Национальный темперамент является устойчивым феноменом и проявляется как стабильная форма поведения, в то время как стереотипы динамичны. В качестве изменения поведения группы могут выступать исторические, экономические, политические, демографические, экологические и технические факторы.

Содержание стереотипа определяется следующими составляющими: ценностями, которые

закреплены в культуре и обыденном сознании, что позволяет человеку для соответствия своей этнической общности соотносить собственную оценку любого явления с общепринятой ценностной шкалой; социально-политическими и экономическими условиями развития этнических групп и особенностями взаимоотношений между ними, сложившимися на данный момент; деятельностью и глубиной контактов этноса. Стереотип реализуется в конкретных культурных и национальных формах: праздниках, этикетных установках, труде, игре, моде, отдыхе, способах воспитания, ухода, оскорбления, наказания и т. п., вследствие этого стереотипы являются конкретной «измеримой» формой проявления содержания национального характера.

Однако следует отличать этнический и культурный стереотипы. Исходя из теории Л. Гумилева в природе существует этническое поле, воздействующее на индивида. Его своеобразие заключается в ритме, который определяется биохимической энергией живого вещества биосферы, то есть пассионарностью, лежащей в основе способности этнических коллективов совершать работу, фиксируемую историками как активность⁸. Ритм меняется в зависимости от степени пассионарности и проявляется в этническом стереотипе. Главное отличие этнического и культурного стереотипов заключается в возможности саморефлексии членов того или иного этноса: культурному стереотипу это свойственно, а этническому – нет. Этнический стереотип в качестве элемента национального характера, так же как и культурный, концентрирует в себе связи объективного мира, то есть фрагментарный инвариантный образ мира, присущий тому или иному этносу, который, в свою очередь, выражается в автостереотипах – мнениях, суждениях, оценках, относящихся к своей этнической общности, и гетеростереотипах, относящихся к другим народам. Они несут в себе оценочный элемент однозначного характера, расположенный в плоскости «хорошее – плохое». При этом данные позиции всегда эмоционально окрашены и находят свое выражение в национальных чувствах и настроениях.

Некоторые исследователи рассматривают национальный характер как совокупность важнейших способов регулирования деятельности и общения, сложившихся на основе системы ценностей общества, в котором длительное время живет нация⁹. В свою очередь, диспозицию, в которой действие совершается наиболее психологически комфортными для этноса способами, по мнению С. Лурье, определяют этнические константы, то есть закрепленные на бессознательном уровне способ и характер действия человека¹⁰. С помощью этнических констант люди рационализируют «свой мир» таким образом, чтобы в нем стала возможна деятельность. Действия становятся психологически реализуемыми, когда человек локализует опасность, исходящую извне. Определяя себя

в качестве субъекта действия, он вырабатывает определенные качества, делающие его деятелем, что позволяет вписать себя в общность людей, способных к совместной деятельности. Исходя из этого можно выделить несколько образов: «себя – мы», «врага», «поля действия», «способа действия», «условия действия», «покровителя». Складывается целая система образов, характеризующих деятельность человека как члена коллектива, который является для него первичным «мы», т. е. деятельность складывается и как результат, и как процесс взаимодействия выполняющих ее субъектов. В этом взаимодействии формируются особые интергративные качества коллективной деятельности, не позволяющие рассматривать последнюю как простую арифметическую сумму индивидуальных актов человеческой активности.

И. Пантин в свою очередь считает, что в национальном характере подытоживается очень многое: и природные условия, и размеры территории, и историческая судьба народа, и строй его речи, и быт, и традиции, и т. д. и т. п. Но, пожалуй, самое главное – укоренившийся способ обращения человека с человеком¹¹.

Этнические константы тесным образом связаны с культурным архетипом и стереотипами, в результате этого складывается определенная картина восприятия реальности, фиксируемая в единстве задач и способе их решения. Этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды¹². Таким образом, психологический склад, являющийся определяющей стороной национального характера, можно структурировать следующим образом:

- социально-психологические качества и черты, ставшие в большей или меньшей степени свойственными той или иной социально-этнической общности в конкретных исторических и культурных условиях ее развития;
- культурные архетипы (национальные, духовные, политические, эстетические, романтические, партикулярные), которые выступают в национальном характере как коллективное бессознательное, отражающее опыт предыдущих поколений;
- культурные стереотипы, определяющие поведение человека в различных, в том числе и экстремальных, ситуациях, лежащие в основе процессов социализации любого представителя определенной этнической общности;
- этнические стереотипы, позволяющие настроиться на ритм этноса;
- этнические константы, определяющие диспозицию, в которой действие будет наиболее комфортным;
- национальный темперамент, который будет определять эмоционально-экспрессивную специфику поведенческой активности и проявляться

в формах вербального и невербального общения: темпе речи, количестве и энергичности движений и жестов, величине социальной дистанции, открытости в проявлении чувств;

– национальные чувства и настроения, которые проявляются как эмоционально окрашенные отношения людей как к своей этнической общности и ее интересам, ценностям, формам жизни, так и к другим народам.

Национальный характер имеет несколько уровней, что определяет его способность к изменению и константность. На глубинном уровне находятся архетипы, несколько выше – групповые образования унаследованных моделей восприятия и понимания, поведения (стереотипы), эмоционально-чувственные составляющие, которые вобрали определенный специфический колорит длительной фазы истории. Поверхностный слой отражает изменения, которые происходят в национальном характере в связи со сменой поколений (дети – родители). Он проявляется в быстротечных процессах, являющихся резонансом на определенные действия, затрагивающие элементы национального характера. Однако социальное поведение человека не складывается из непрерывной аналитической деятельности. На оценку того или иного явления индивидом влияют его опыт, здравый смысл, эмоциональная впечатлительность, черты характера.

Если в разных исторических условиях проявляется сумма отдельных психологических элементов, воспроизводятся одни и те же структуры, то это позволяет, как полагает В. Шаповалов, говорить о присущем данному обществу определенном генетическом коде. Он «определяет спектр возможности данной страны, набор вариантов, полный перечень которых неизвестен, но признаки которых можно обнаружить при анализе пройденного исторического пути. В “генетическом коде” присутствует ряд полярностей и ряд линий, промежуточных по отношению к полюсам»¹³.

Генетически закрепляется и единица культурной информации (культурген), поскольку мы наследуем тенденцию или даже потребность в развитии определенных черт культуры – таких, как танцы, семейный уклад или язык. Во всех человеческих сообществах наблюдаются эти черты, хотя их конкретные формы весьма разнообразны. От того, какие культургены будут использованы, зависит способность человека воспринимать информацию. А это, в свою очередь, предрасполагает к выбору направлений развития культуры.

Раскрыть особенности национального характера позволит моделирование структуры: оно отражает характерные особенности индивидуальных психологических черт, свойств, информационно-энергетических потоков национального характера, закрепленных в культурных ценностях и архетипах. Культурная модель национального характера – это система, определяющая стиль

взаимодействия этноса с окружающим миром и фактами социальной действительности. Каждой такой модели присущи особые психологический, интеллектуальный, нравственный и энергетический потоки ценностей, которые выражаются в продуктах культурного творчества, в системе социальных отношений. Это дает возможность выделить наиболее характерные черты национального характера и сделать анализ отличий различных моделей, в основе которых выступают ценностные ориентации.

Становление каждой культурной модели национального характера – творческий процесс, явление особенное и неповторимое, в этом смысле оно не поддается строгой типологизации. Именно благодаря своему творческому характеру они могут, на наш взгляд, рассматриваться как оригинальные формы становления культурной идентичности и целостности национального характера. Моделирование русского национального характера целесообразно построить на принципе культурно-исторических зон и выделяемых многими авторами субкультур – северной, южной, средней полосы, Сибири и Дальнего Востока, казачьей.

Таким образом, национальный характер – это определенная культурно-психологическая модель, включающая совокупность устойчивых социально-психологических, культурных состояний субъекта (человека, нации, народа), органическую целостность социально-психологических, культурных качеств и черт, выступающих не только как способ регулирования деятельности и общения, но и как показатель реакции субъекта на изменяющиеся условия. Этнонациональное своеобразие проявляется в традициях и обычаях, языке, культуре, национальной идее, национальном имидже и формах жизнедеятельности.

Примечания

- 1 См.: *Кашаев В. Е.* Национальный характер : опыт философского исследования. Иваново, 2000. С. 79.
- 2 Там же.
- 3 См.: *Зубкова Е. Ю., Куприянов А. И.* Ментальное измерение истории : поиск метода // *Вопр. истории.* 1995. № 7. С. 65.
- 4 См.: *Гнатенко П.* Национальный характер : мифы и реальность. Киев, 1984. С. 104–109.
- 5 См.: *Касьянова К.* О русском национальном характере. М. ; Екатеринбург, 2003. С. 36.
- 6 См.: *Юнг К.* Об архетипах коллективного бессознательного // *Юнг К.* Архетип и символ. М., 1991. 141 с.
- 7 См.: *Мостовая И. В., Скорик А. П.* Архетипы и ориентиры российской ментальности // *Политические исследования.* 1995. № 4. С. 73–74.
- 8 См.: *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера земли. СПб., 2002. С. 317.
- 9 См.: *Бороноев А., Смирнов П.* Россия и русские. Характер народа и судьба страны. СПб., 1992. С. 18.

¹⁰ См.: Лурье С. В поисках русского национального характера // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 62.

¹¹ См.: Пантин И. Проблема самоопределения России : историческое измерение // Вопр. философии. 1999. № 10. С. 3–10.

¹² См.: Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / под ред. А. Арутюнова. Ереван, 1983. 319 с.

¹³ См.: Шаповалов В. Как понять Россию. Этюды о «российской экзотичности» // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 100.

УДК 316,3: 1

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА

Н. С. Шаповалова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: natalia.shapovalova87@yandex.ru

Усложнение человеческого мира вызывает необходимость перехода от закрытого общества к открытому. В связи с этим социальная память приобретает определенные свойства, соответствующие нарастающей сложности мира, и выражается в трех аспектах: ресурсном, институциональном и личностном.

Ключевые слова: социальная память, открытое и закрытое общество, информация, идентичность, СМИ.

Social Memory of Open Society

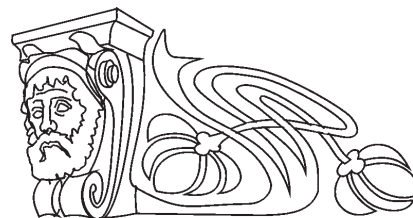
N. S. Shapovalova

The increasing complexity of the human world causes necessity to move from a closed to an open society. In this regard, social memory acquires certain properties that correspond to growing complexity of the world. It is expressed in three ways: resource, institutional and personal.

Key words: social memory, open and closed society, information, identity, mass media.

Усложнение мира вызывает необходимость перехода от закрытого общества к открытому, иначе люди не смогут сформировать и реализовать способности, соответствующие нарастающей сложности мира. Термины «закрытое» и «открытое общество» были заимствованы К. Поппером у А. Бергсона. Однако Поппер придал этим понятиям иное значение: в отличие от закрытого общества открытое основано на зрелом и высоком критическом потенциале человеческого разума, стимулирующем инакомыслие и интеллектуальную свободу как индивидов, так и социальных групп, направленные на непрерывное реформирование общества в целях разрешения возникающих перед ним проблем¹. Безусловно, понятия как закрытого, так и открытого общества являются идеальными типами, при помощи которых К. Поппер раскрывает не столько внутреннее строение общества, сколько два противоположных вектора развития человечества. В целом в современной трактовке открытого общества подчеркивается, что иначе его можно квалифицировать как информационное, сетевое, глобальное, постиндустриальное, посткнижное.

С переходом к открытому обществу социальная память приобретает определенные свойства,

соответствующие нарастающей сложности мира, и проявляется как информационная система, система активной деятельности субъектов культуры и институциональная система.

Социальную память как *информационную систему* можно сравнить с социальной памятью в традиционном обществе. Последняя представляла собой систему знаний, которые носили *закрытый характер*: накапливались, хранились, передавались в рамках одной касты, сословия от поколения к поколению. Как отмечает С. И. Трунев, «в культуре данного периода господствует уверенность в истинности имеющейся совокупности знаний (научной картины мира)»². В соответствии с этим содержание памяти не подвергалось критике и интерпретации, а ее структура являлась однородной, подчиненной определенной системе ценностей. Социальная память в традиционном обществе была полностью подчинена большой надличностной истории, что утверждало идею власти всеобщего над индивидуальным.

В современном обществе информация и знание выступают главной ценностью. Создаются условия, которые удовлетворяют потребность каждого человека в получении им необходимой информации, созданию и распространению которой способствуют новейшие технологии. Доступность информации предполагает возможность приобщения любого субъекта к воспоминаниям и представлениям о прошлом. Таким образом, информация в открытом обществе становится тем ресурсом, приобщение к которому открывает доступ к памяти общества, что и предполагает *ресурсный аспект* социальной памяти. Как отмечает С. И. Трунев, современная культура «характеризуется множественностью научных репрезентаций реальности, ни одна из которых не признается абсолютно истинной и, в связи с этим, находится по отношению к другим в состоянии конкуренции»³. Таким образом, основной чертой современного общества является *ценностный плюрализм*, благодаря которому допускается сосуществование многочисленных, иногда противоречивых, ценностных систем, ни одна из которых

не получает приоритета как «единственно верная» и не насаждается за счет какого-либо ресурса. Для открытого общества характерно то, что «большая» история распадается на «караван историй», совокупность индивидуальных следов.

Рассмотрим социальную память как *систему активной деятельности субъектов культуры*. Как отмечает А. С. Ахиезер, «открытое общество возможно в гражданском обществе, где культура и вся система отношений ориентированы на стимулирование развития личности как субъекта творческих инноваций»⁴. Социальные трансформации в современном мире меняют позицию личности в системе социальных взаимосвязей на активную и созидательную.

Информация, в буквальном смысле обрушивающаяся на современного человека, превращая его в «ретранслятор сообщений», носит хаотичный, несистематизированный и избыточный характер. Поток информации в виде коротких модульных всплесков – новостей, фрагментов передач и фильмов, рассекаемых рекламой, – не поддается классификации «отчасти потому, что они не укладываются в старые категории, отчасти потому, что имеют странную, текучую, бессвязную форму»⁵. Потребители информации, не имея возможности заимствовать готовую модель реальности, вынуждены сами ее *конструировать*. Таким образом, повышение роли и значения человека в развитии информационного общества и определяет его в качестве активного субъекта истории и памяти, что и предполагает личностный аспект социальной памяти в открытом обществе.

Технический прогресс, нарастание сложности и глобализация социальных связей в современном мире ведут к усилению рефлексивного характера человеческой деятельности, в результате чего выбор идентичности индивида в современной культуре основывается не на запрограммированных стереотипах, принятых в традиционных и ранних индустриальных обществах, а на потребностях социального субъекта. В условиях открытого общества, продуцирующих возможность существования многочисленных версий прошлого, он вправе выстраивать социальную и историческую идентичность на основе собственного выбора. Идентичность уже не имеет характера переданной «по наследству», что было в традиционном обществе, а становится результатом осмысления субъектом своих жизненных ценностей и установок и осознания принадлежности к определенной структуре.

Мир становится более многообразным, существуют разнокачественные социокультурные субъекты (социальные группы, движения, локальные общности, активные индивиды), в результате чего возникает потребность общества во взаимодействии и интеграции различных версий прошлого. Само общество становится мозаикой культур и субкультур, каждая из которых имеет

свою память, свою версию прошлого, что предполагает множественность линий преемственности. Субъект, имея доступ к любой информации и, следовательно, к различным представлениям и репрезентациям прошлого, может присоединиться к любой его версии. Кроме того, множество новых культурных символов, легко преодолевающих национальные границы с помощью средств массовой коммуникации, позволяет ему ощущать связь не только с ближним окружением, но и со всем человечеством, что делает возможным выстраивание идентичности за рамками национальных границ. Следствием этого является то, что память экстерриторируется. Социальные отношения, оторванные от породивших их контекстов, в результате распространения глобальных культурных образов реконструируются в других локальных пространствах (локусах).

Безусловно, *рефлексия* как основная составляющая в поиске субъектом своей идентичности и его *свобода выбора* при этом являются положительными моментами «открытости» общества. Однако, на наш взгляд, существует и ряд спорных моментов. Как отмечают З. Бауман и Э. Гидденс, «для современного общества характерна не замена одних традиций и привычек другими, столь же стабильными, надежными и рациональными, а состояние постоянного сомнения, множественности источников знания, что делает самую более изменчивой и требующей постоянной рефлексии»⁶. Многообразие жизненных стратегий и стилей в условиях нестабильности и динамизма и свобода выбора субъекта приводят к распространению неустойчивых и внутренне противоречивых идентичностей.

Множественность линий преемственности, подвижность и изменчивость элементов общественного наследия, свобода выбора и оценки элементов наследия – характерные черты современного общества, в котором субъект может входить в разные социальные группы и быть связанным с разным групповым прошлым и разными традициями. Как полагал М. Хальбвакс, механизм сохранения прошлого в памяти состоит в том, что индивидуальный субъект постоянно реконструирует его заново исходя из опыта социальной группы, к которой он принадлежит⁷. Таким образом, *основным принципом наследования прошлого в открытом обществе является его опосредованность сознанием индивидуального субъекта и деятельностью социальных групп как субъектов культурного действия*.

Проанализируем социальную память как *институциональную систему*. В традиционном обществе институциональная система памяти осуществлялась с помощью традиций, которые сохранялись посредством табуирования иных путей развития и неосознанной трансляции. «Осознанно, неосознанно или по принуждению субъект вынужден подчинять собственную индивидуальность этическим и эстетическим

нормам, а собственное мировоззрение – господствующей идеологии, эффективно встроенной в систему “абсолютно истинного” научного знания»⁸. Постепенно с переходом к открытому обществу традиции более не воспринимаются как естественный порядок вещей, теряют свою безусловность и вступают в диалог с другими ценностными системами, а «релятивизация этических ценностей приводит к безусловному доминированию ценности жизни, то есть индивидуального существования...»⁹. В современном обществе институциональная система памяти продолжает осуществляться, но посредством иных институциональных механизмов – более «тонких» и латентных, непосредственно влияющих на сознание и картину мира субъекта.

В открытом обществе социальная память опосредуется социальными группами и иными институциональными структурами: по своей собственной воле присоединяясь к какой-либо группе или сообществу, субъект автоматически становится носителем определенной версии прошлого, которая в дальнейшем детерминирует его сознание и поведение. Принимая установку, общую для всех членов группы, он обращает внимание на воспоминания, расположенные на первом плане в ее мыслях и, основываясь на которых, члены группы, используя особенную логику, припоминают и реконструируют свои воспоминания.

Как отмечает О. Тоффлер, в современном мире основным ресурсом, необходимым для управления обществом, становятся знания и информация. Особенность информационных ресурсов заключается в том, что они воздействуют непосредственно на сознание человека, внедряясь в него в качестве органического элемента, способного дополнить, а иногда и подменить функции ощущений, восприятия, представления, воображения, абстрактно-логического мышления. Дозируя и определенным способом подавая информацию, власть формирует общественное сознание, закладывая в него определенные образы, стереотипы, стандарты и мягко подталкивая людей к определенной форме поведения и восприятия действительности. Владение информацией даёт возможность влияния на содержание социальной памяти, что предполагает латентное воздействие на образы прошлого, воспоминания, интерпретацию исторических событий, из чего следует возможность манипулирования массовым сознанием. Представление о прошлом можно изменять, воздействуя на памятный ландшафт (или «места памяти») как пространство совместного воспоминания социальной группы.

Воздействие на знание о прошлом, «политика памяти» осуществляется в интересах властвующей элиты с помощью исследовательской деятельности научного экспертного сообщества и дальнейшей передачи необходимой информации через СМИ как основной источник знаний в со-

временном мире. Экспертами рефлексированы и артикулированы потребности общества, в соответствии с которыми и осуществляется переработка и интерпретация событий. По замечанию П. Рикёра, воздействие на память общества происходит через навязанную память и дозволенную историю и, что самое опасное, в настоящее время дополняется навязываемой социальной амнезией¹⁰.

Элита должна «изучать», исследовать память своего общества, должна быть ею связана и ограничена, так как это дает необходимое знание своего народа, нации и вынуждает действовать исходя из социально допустимого и возможного¹¹. Это знание необходимо, так как те, на кого направлена политика памяти в современном обществе, – не просто ее пассивные потребители, для них характерна активная переработка и рефлексия полученной информации. В дальнейшем обработанная информация «запускается» через СМИ и осуществляется непосредственное воздействие на сознание субъекта и его картину мира. Н. Больц отмечает, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, поэтому бессмысленно отличать отображение от отображенного явления. СМИ не просто отражают действительность, но и интерпретируют и конструируют ее согласно своим интересам или интересам определенной группы, контролирующей её, – «медиакратов». По замечанию Н. Лумана, в современном обществе, в отличие от традиционного, средства массовой информации способны задавать (генерировать) социальную память и смысл происходящих событий¹². СМИ формируют информацию не только о современных событиях, но и о прошлом времени, поэтому влияют на память социальной системы; создают как общую картину мира, так и картину мира отдельной общности; передают от поколения к поколению ценности культуры данного общества. Также влияние на сознание и поведение людей осуществляется посредством *изменения самого человека, а именно его ценностей, интересов, потребностей и менталитета*. СМИ и иные институциональные структуры, влияющие на процесс социализации, создают те ценностные ориентации и полюсы, которые структурируют поведение субъектов в необходимых для властной элиты направлениях.

Таким образом, социальная память в открытом обществе перестает носить характер «переданной по наследству»; она опосредуется *сознанием индивидуальных субъектов, деятельностью социальных групп как субъектов культурного действия и «творцов» образов прошлого, использующих властные ресурсы социальной памяти в своих интересах*. В открытом обществе изменяются *ресурсный* (социальная память как информационная система) и *институциональный* (как институциональная система) аспекты. Кроме того, память приобретает новый, *личностный* аспект (социальная память как активная деятельность субъектов).

Примечания

- ¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. 2. 528 с.
- ² *Трунев С. И.* Воля к жизни и культура : модели взаимодействия. Саратов, 2009. С. 33.
- ³ Там же. С. 35.
- ⁴ *Ахиезер А. С.* Россия между открытым и закрытым обществом. Специфика современного философствования (Взгляд из России) // *Вопр. философии.* 1995. № 2. С. 6.
- ⁵ *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999. С. 54.
- ⁶ *Гидденс Э.* Трансформация интимности : сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004. С. 64–65.
- ⁷ См.: *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
- ⁸ *Трунев С. И.* Указ. соч. С. 34.
- ⁹ Там же. С. 35.
- ¹⁰ См.: *Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
- ¹¹ См.: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
- ¹² См.: *Luhmann N.* Die Realitat der Massenmedien. Opladen, 1996. 223 s.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

М. В. Григорьева

Саратовский государственный университет
E-mail: grigoryevamv@mail.ru

В статье представлены результаты социально-психологического исследования адаптационной активности казахских и русских старшеклассников. Социально-психологическая адаптация рассматривается как постоянный активный процесс приспособления и изменения личности во взаимодействии с окружающим миром. Анализируется основной результат адаптационного процесса – субъективное благополучие личности. Рассматривается этнопсихологическая специфика взаимосвязи адаптации и субъективного благополучия.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, субъективное благополучие, этнос, этническая социализация, этнопсихологическая специфика, казахские и русские старшеклассники.

Ethnopsychological Specific Adaptation Activities and Subjective Well-Being of Personality

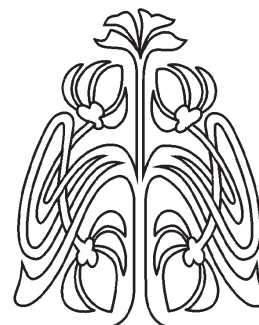
M. V. Grigoryeva

The article presents the results of socio-psychological study of adaptive activity of the Kazakh and Russian high school students. The process of social and psychological adaptation is considered as a constant process of adaptation and active personality changes in the interaction with the environment. We analyze the main result of the adaptation process - subjective well-being of the individual. We consider the specifics of the relationship ethnopsychological adaptation and subjective well-being.

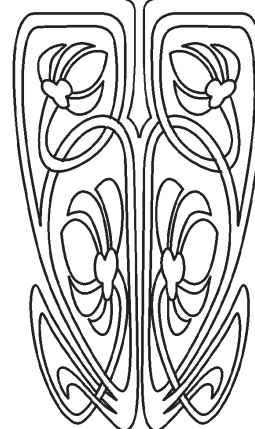
Keywords: socialpsychological adjustment, subjective well-being, ethnicity, ethnic socialization, ethnopsychological specificity, Kazakh and Russian high school students.

Важной составляющей активности личности является ее адаптационная активность. Одним из аспектов психологического понимания адаптационной активности является раскрытие ее содержания в контексте социального взаимодействия. Взаимосвязь адаптационной активности личности и ее субъективного благополучия в этом случае детерминируется процессом социализации. Этническая социализация играет важную роль в понимании и оценке внешнего и внутреннего благополучия, применении тех или иных психологических средств для достижения субъективного благополучия, использовании личностью определенных форм активности и т. п.¹. Различные комбинации взаимосвязи составляющих адаптационной активности личности и ее субъективного благополучия, с одной стороны, зависят от особенностей социализации, в том числе и этнической, с другой стороны, влияют на индивидуальные и специфичные субъектные и личностные качества человека, становятся детерминантами дальнейшего личностного развития и активности.

Активизация процессов социально-психологической адаптации ведет к изменению социальной активности личности. Человек, постоянно находясь в условиях поддержания жизненно значимых связей с окружающим миром, вынужден в новых условиях жизни и деятель-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ности по-новому организовывать свое взаимодействие с окружающей действительностью. Это, в свою очередь, может сопровождаться осознанием или неосознанием необходимости личностного изменения и развития, активными действиями по изменению окружающей действительности или отсутствию таковых. Посредством своей социальной активности человек познает новую социально-психологическую реальность, пытается согласовать ее требования со своими потребностями и возможностями, реализует личностную активность в необходимых формах и направлении, осуществляет рефлексию своих действий и корректирует их.

В условиях многонациональных общественных отношений необходимо изучение вариантов взаимосвязи составляющих адаптационной активности личности и ее субъективного благополучия. Особенно актуальным это является в образовательно-воспитательном процессе в школе, так как именно она обеспечивает процессы адаптации, интеграции и индивидуализации личности².

С целью определения этнопсихологической специфики взаимосвязи адаптационной активности личности и ее субъективного благополучия было проведено исследование, в котором приняли участие две группы, относящие себя по результатам опроса к этническим группам русских и казахов (по 25 человек в каждой). Возраст испытуемых 15–17 лет. Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ г. Саратова и области. Группы были выровнены по условиям социализации (кроме условий этнической социализации), мигрантов в группах не было.

Результаты социально-психологической адаптации определялись по тесту СПА К. Роджерса, Р. Даймона; субъективное благополучие – методом шкалирования по методике Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова. Использовались шкалы, позволяющие определять эмоциональный, социальный и физический компоненты субъективного благополучия по 7-балльной системе оценивания³. В качестве математико-статистического метода был использован корреляционный анализ по Пирсону.

Анализ корреляционной матрицы в группе казахов позволил выявить показатель субъективного благополучия, имеющий наибольшее количество корреляции с показателями социально-психологической адаптации, это – физический компонент субъективного благополучия (самооценка здоровья).

Самооценка здоровья у казахских старшеклассников связана с 10 показателями социально-психологической адаптации – среди них неприятие себя ($r = 0,40$ при $p < 0,05$), конфликт с другими ($r = 0,52$ при $p < 0,01$), эмоциональный дискомфорт ($r = 0,59$ при $p < 0,01$), ожидание внешнего контроля ($r = 0,63$ при $p < 0,001$), общий коэффициент дезадаптированности ($r = 0,56$ при $p < 0,01$), принятие себя ($r = -0,38$ при $p < 0,05$) и других ($r = -0,41$ при $p < 0,05$), эмоциональный

комфорт ($r = -0,38$ при $p < 0,05$); общий показатель $r = -0,42$ при $p < 0,05$ и коэффициент адаптированности $r = -0,42$ при $p < 0,05$. Налицо конфликтность и противоречивость взаимосвязей: негативные явления социально-психологической адаптации прямо связаны с высокой самооценкой здоровья, а позитивные тенденции адаптации обратно связаны с высокой самооценкой здоровья. Объяснить это, возможно, следует действием компенсаторных механизмов субъективного благополучия у казахов: недостаточная выраженность показателей в одной области жизнедеятельности компенсируется высокой выраженностью в другой. Учитывая то, что самооценка здоровья в группе казахских школьников ниже среднего уровня, можно сделать вывод о компенсации недостаточного физического благополучия стремлением к социальной активности, успеху, соответствию требованиям социального окружения, изменению своих личностных качеств.

Возможно, обнаруженная противоречивость взаимосвязи детерминирована другими, более глубинными психологическими механизмами этнической социализации. Так, очень высоко значимая взаимосвязь самооценки здоровья с ожиданием внешнего контроля своей жизни ($r = 0,68$ при $p < 0,001$), возможно, показывает роль внешнего контроля в жизни казахских юношей и девушек не только в плане физической удовлетворенности, но и в других направлениях и областях достижения субъективного благополучия. Заметим, что в группе русских респондентов такой значимой взаимосвязи обнаружено не было. Высокий внешний контроль и его ожидание, сопровождающие у казахской молодежи физический компонент субъективного благополучия, может быть, распространяются и на другие области жизнедеятельности, заставляют юношей и девушек в силу недостаточности опыта самостоятельной активности испытывать неуверенность в себе, вызывают напряженность в межличностных отношениях с контролирующими взрослыми, эмоциональный дискомфорт и общую дезадаптированность. Однако роль внешнего контроля в достижении здоровья и в целом в жизни представителей казахского этноса требует более детального исследования. В любом случае количество значимых взаимосвязей физического компонента субъективного благополучия с показателями социально-психологической адаптации свидетельствует о напряженности, значимости и влиятельности этого компонента у представителей казахского этноса.

В группе представителей русского этноса физический компонент субъективного благополучия имеет не такое большое значение, как в группе казахской молодежи, хотя противоречивость взаимосвязи и компенсаторные механизмы были выявлены и здесь. Самооценка здоровья в группе русских школьников также невелика. Недостаточная удовлетворенность своим здоровьем компенсируется в группе русских позитивными

эмоциями и общим эмоциональным комфортом ($r = -0,49$ при $p < 0,01$), отсутствием переживания эмоционального дискомфорта ($r = 0,48$ при $p < 0,05$), стремлением к доминированию ($r = -0,44$ при $p < 0,05$) и стремлением к достижению общей адаптированности ($r = -0,69$ при $p < 0,001$).

Сравнивая взаимосвязь физического компонента и субъективного благополучия в казахской и русской группах, можно обнаружить, что и в первой, и во второй компенсаторные механизмы связаны с эмоциональной и социальной сферами активности личности. Если роль эмоций в компенсации неудовлетворенности своим здоровьем в обеих группах примерно одинакова, то социальные механизмы компенсации неудовлетворенности здоровьем различаются: в группе казахской молодежи это ожидание внешнего контроля, в первую очередь со стороны взрослых, бесконфликтные отношения с окружением и принятие других; в группе русских респондентов это стремление к доминированию и адаптированности.

В группе представителей казахского этноса наименьшее количество значимых взаимосвязей (1) обнаружено у социального компонента субъективного благополучия, выражающегося в оценке значимости в процессе его достижения социального окружения. Снижение оценки значимости социального окружения связано с повышением коэффициента адаптированности, показывающим соотношение высокой адаптированности и низкой дезадаптированности ($r = -0,39$ при $p < 0,05$). Одновременно общий показатель и коэффициент адаптированности в группе невысоки, как и значимость социального окружения. На наш взгляд, здесь проявляются индивидуалистические установки казахской молодежи в процессе достижения субъективного благополучия (точнее, его социального компонента): отсутствие ориентации на межличностные отношения, признания ценности мнения другого, возможно, его обесценивание, отсутствие стремления к самовыражению для других и взаимодействию с окружающими. Следует отметить, что в процессе достижения физического благополучия значимость и принятие других людей у казахских школьников возрастают.

У русских школьников в большей степени, чем у казахских, социальный компонент субъективного благополучия связан с показателями социально-психологической адаптации. Значимость социального окружения в процессе достижения субъективного благополучия обратно коррелирует с внутренним контролем ($r = -0,42$ при $p < 0,05$), стремлением к доминированию ($r = -0,43$ при $p < 0,05$), общим показателем адаптированности ($r = -0,43$, при $p < 0,05$) и коэффициентом адаптированности ($r = -0,43$ при $p < 0,05$) и напрямую связана с эмоциональным дискомфортом ($r = 0,74$ при $p < 0,001$), ожиданием внешнего контроля ($r = 0,55$ при $p < 0,01$) и эскапизмом ($r = 0,4$ при $p < 0,05$).

Многие из этих взаимосвязей легко объяснимы. Так, невысокий внутренний контроль связан с высокой значимостью социального окружения как потенциалом внешнего контроля. В этом случае стремление к доминированию минимально, молодой человек не стремится навязывать свое мнение, не требует от окружающих признания своей значимости и действий в соответствии со своими нормами и ценностями. Общий показатель и коэффициент адаптированности снижаются за счет внутренних критериев (низкой самооценки, неуверенности, неудовлетворенности собой и т. п.).

Сложнее выглядит прямая взаимосвязь значимости социального окружения с эскапизмом – уходом от реальности и проблем. Невысокая оценка значимости социального окружения у русских школьников связана с активностью личности в реальном мире, с отсутствием тенденций к уходу от проблем, со стремлением признать реальные проблемы. Возможно, отсутствие стремления уйти от реальных проблем у русских молодых людей связано с отсутствием данных проблем или с их быстрым решением за счет внешних резервов (помощи взрослых, контроль со стороны которых ожидается), или с плохо развитой рефлексией, не позволяющей осознать кризисную ситуацию. Должно быть, перечисленные причины присутствуют в комплексе с разной степенью выраженности в процессе социализации русских школьников.

Для группы русских респондентов характерными являются более слабые связи психоэмоциональной симптоматики с показателями социально-психологической адаптации. Количество значимых взаимосвязей – три, тогда как в группе казахских школьников их шесть. У русских молодых людей психоэмоциональная симптоматика связана с ожиданием внешнего контроля ($r = 0,43$ при $p < 0,05$), принятием других ($r = -0,50$ при $p < 0,01$) и внутренним контролем ($r = -0,38$ при $p < 0,05$). Напряженное ожидание внешнего контроля провоцирует у русских старшеклассников повышение нервно-психической неустойчивости, тревожности, других негативных эмоциональных явлений, ослабление когнитивных процессов. Принятие других людей и высокий внутренний контроль способствуют снижению психоэмоциональной симптоматики.

У казахских молодых людей более широкие основания для проявлений психоэмоциональной симптоматики – это конфликты с другими людьми ($r = 0,38$ при $p < 0,05$), эмоциональный дискомфорт ($r = 0,40$ при $p < 0,05$), ожидание внешнего контроля ($r = 0,39$ при $p < 0,05$), ведомость ($r = 0,41$ при $p < 0,05$), эскапизм ($r = 0,64$ при $p < 0,01$) и общий показатель дезадаптированности ($r = 0,65$ при $p < 0,01$).

Видны различия в обследуемых группах: у представителей русского этноса проявления психоэмоциональной симптоматики связаны с локусом контроля и социальной толерантностью, у

представителей казахского этноса – с сочетанием конфликтных взаимоотношений с окружением и ведомости, локусом контроля, отсутствием активности в реальном социальном взаимодействии.

Кроме того, психоэмоциональная симптоматика у русских школьников не связана на значимом уровне с общими показателями дезадаптированности, в отличие от казахских. Это свидетельствует о значимости и выраженности психоэмоциональных проявлений в процессе социально-психологической адаптации у представителей казахского этноса, и об относительной независимости дезадаптационных процессов и эмоционально-когнитивных проявлений у русских старшеклассников. Если в процессе социально-психологической адаптации казахские старшеклассники неоднократно терпят неудачу и находятся в состоянии неадаптированности, то это сопровождается снижением настроения, эффективности функционирования когнитивных процессов, нервно-психической устойчивости и т. д. У русских молодых людей состояние дезадаптированности не влияет на изменение эмоциональных и когнитивных процессов. Это, с одной стороны, способствует активному использованию когнитивных процессов для достижения состояния адаптированности, с другой – снижает сигнальную функцию эмоций в процессе взаимодействия с изменяющейся окружающей средой.

Остальные показатели субъективного благополучия имеют среднее количество значимой взаимосвязи с показателями социально-психологической адаптации и в группе казахов, и в группе русских (по 6–7 из 14 возможных), однако этническая специфика данной взаимосвязи различна.

Изменение настроения в группе казахских старшеклассников взаимосвязано с конфликтными межличностными отношениями ($r = 0,43$ при $p < 0,05$), отсутствием эмоционального комфорта ($r = -0,44$ при $p < 0,05$), с эмоциональным дискомфортом ($r = 0,69$ при $p < 0,001$), ожиданием внешнего контроля ($r = 0,4$ при $p < 0,05$), низкой общей адаптированностью ($r = -0,50$ при $p < 0,01$), высокой дезадаптированностью ($r = 0,44$ при $p < 0,05$). В группе русских старшеклассников изменение настроения обусловлено эмоциональным дискомфортом ($r = 0,86$ при $p < 0,001$), низким внутренним контролем ($r = -0,39$ при $p < 0,05$), ожиданием внешнего контроля ($r = 0,50$ при $p < 0,01$), отсутствием стремления к доминированию ($r = -0,38$ при $p < 0,05$), выраженным эскапизмом ($r = 0,73$ при $p < 0,01$) и низким коэффициентом адаптированности ($r = -0,88$ при $p < 0,001$). Видно, что в группе русских респондентов изменение настроения в большей степени, чем в группе казахских, обусловлено локусом контроля и фрустрацией реальной социальной активности, а для группы казахских респондентов, в отличие от русских, характерна взаимообусловленность изменения настроения и конфликтных социальных взаимоотношений.

Высокая удовлетворенность повседневной жизнью у казахов взаимообусловлена со многими компонентами социально-психологической адаптации – это низкий уровень принятия себя ($r = -0,38$ при $p < 0,05$), высокая конфликтность социальных отношений ($r = 0,78$ при $p < 0,001$), выраженный эмоциональный дискомфорт ($r = 0,51$ при $p < 0,01$), ожидание внешнего контроля ($r = 0,47$ при $p < 0,05$), ведомость ($r = 0,41$ при $p < 0,05$), низкая общая адаптированность ($r = -0,44$ при $p < 0,05$) и выраженная дезадаптированность ($r = 0,56$ при $p < 0,01$).

Видно, что и этот комплекс взаимосвязей противоречив, психологическая сущность многих взаимосвязей в нем не очевидна. Если повышение удовлетворенности повседневной жизнью можно объяснить ожиданием внешнего контроля и ведомостью через делегирование ответственности за свою повседневную жизнь взрослым, делающим быт и жизнь молодых людей комфортными и освобождающим своих детей от необходимости принимать решения, то остальные взаимосвязи в представленном комплексе не столь очевидны. Так, низкий уровень принятия себя, возможно, связан с невысокими притязаниями личности, поэтому потребности не ярко выражены, их сила незначительна, удовлетворяются они быстрее и легче, почти всегда ожидание их удовлетворения подтверждается, поэтому удовлетворенность повседневной жизнью формируется в этом случае быстрее и легче.

Взаимосвязь высокой удовлетворенности повседневной жизнью с конфликтностью социальных отношений, эмоциональным дискомфортом и дезадаптированностью можно объяснить отсутствием стремления представителей казахского этноса к удовлетворенности повседневной жизнью и, возможно, отсутствием ценностей, связанных с субъективным благополучием в повседневной жизни, и другими ведущими ценностями казахского этноса. Тогда, в случае если человек достигает высокой удовлетворенности повседневной жизнью, объясняются и его конфликтность с социальным окружением, и эмоциональный дискомфорт, вызванный этой конфликтностью, и как итог – дезадаптированность. Однако это предположение требует более предметного эмпирического доказательства.

В группе русских старшеклассников взаимосвязь удовлетворенности повседневной жизнью и социально-психологической адаптации также противоречива. Данный вид удовлетворенности связан с низким эмоциональным комфортом ($r = -0,39$ при $p < 0,05$), эмоциональным дискомфортом ($r = 0,58$ при $p < 0,01$), ожиданием внешнего контроля ($r = 0,38$ при $p < 0,05$), эскапизмом ($r = 0,50$ при $p < 0,01$), низким уровнем общей адаптированности ($r = -0,38$ при $p < 0,05$) и низким коэффициентом адаптированности, свидетельствующим о равномерной представленности показателей адаптированности и дезадаптированности у испы-

туемых ($r = 0,52$ при $p < 0,01$). Видно, что так же, как и у казахов, у русских молодых людей удовлетворенность повседневной жизнью связана с делегированием ответственности за нее взрослым, негативными эмоциональными явлениями и низким уровнем общей адаптированности. Различия состоят в том, что в группе русских испытуемых формирование удовлетворенности повседневной жизнью не сопровождается конфликтностью с социальным окружением. Удовлетворенность повседневной жизнью провоцирует, тем не менее, у русских школьников уход от реального мира и проблем, так как в случае наличия представленного выше комплекса взаимосвязей приобретение опыта самостоятельного решения реальных проблем невозможно.

Среди характеристик социально-психологической адаптации в группе казахов респондентов имеют наибольшее количество взаимосвязей с субъективным благополучием, а значит, и являются наиболее влиятельными в процессе его достижения следующие: высокая конфликтность с социальным окружением, высокий уровень эмоционального дискомфорта, ожидание внешнего контроля, общая дезадаптированность. Для казахов молодых людей достижение субъективного благополучия сопровождается процессами преодоления социально-психологической дезадаптации и конфликтности с окружением, скорее всего, по поводу локуса контроля.

В группе русских респондентов наиболее влиятельными характеристиками социально-психологической адаптации для достижения субъективного благополучия являются высокий эмоциональный дискомфорт, низкий уровень внутреннего контроля, ожидание внешнего контроля, отсутствие стремления к доминированию, эскапизм, низкий коэффициент адаптированности, свидетельствующий о насыщенности общего процесса социально-психологической адаптации как позитивными, так и негативными характеристиками. Для русских школьников процесс достижения субъективного благополучия связан с невысокой личной ответственностью и активностью в реальности, а также взаимопереплетением процессов адаптации и дезадаптации в процессе социальной активности личности.

Таким образом, сравнительный анализ взаимосвязи субъективного благополучия и показателей социально-психологической адаптации как одного из видов социальной активности личности в группах казахов и русских старшеклассников позволил выявить специфику данной взаимосвязи, выражающуюся в том, что наиболее напряженными элементами субъективного благополучия в процессе социальной активности для казахов респондентов является физическое благополучие, связанное со здоровьем, для русских все виды субъективного благополучия одинаково средне значимы. Наименее значимы в процессе социально-психологической адаптации для казахов школьников социальное окружение и свое социальное благополучие, для русских характерна относительная самостоятельность социально-психологической адаптации и психоэмоциональной симптоматики; в группе казахов старшеклассников наиболее влиятельны конфликтные процессы с окружением по поводу внешнего контроля, в группе русских старшеклассников ярко выражены эскапизм и насыщенность процессов достижения субъективного благополучия и социально-психологической адаптации негативными и позитивными тенденциями. В обеих группах выявлены противоречивость формирования субъективного благополучия в повседневной жизни и низкое эмоциональное благополучие.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а)

Примечания

- ¹ См.: Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004. 180 с.
- ² Там же.
- ³ См.: Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 467–470.

УДК 159.923 (075.8)

ЛИЧНОСТНЫЕ СОСТОЯНИЯ ПРИ ПЕРЕЖИВАНИИ СУБЪЕКТОМ ЦЕННОСТНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

И. А. Красильников

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.krasilnikov@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных состояний субъектов при переживании конфликтности различных ценностей. Приводится также анализ связи конфликтности ценностей с феноменологией эмоциональных состояний субъектов.

Ключевые слова: личностные состояния, субъект переживания, конфликтность ценностей.

Personal Conditions at Experience by the Subject Valuable Conflictness

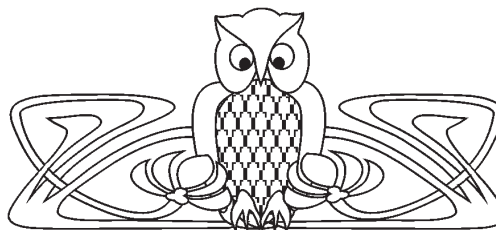
I. A. Krasilnikov

The article is considered results of empirical research of personal conditions of subjects at experience of a conflictness of various values. There is analysis of connections of a conflictness of values with phenomenology of emotional conditions of subjects in the article.

Key words: personal conditions, subject of experience, conflictness of values.

В психических состояниях интегрально отражаются процессуальные характеристики личности. Состояние человека, по выражению Е. П. Ильина, представляет собой целостную системную реакцию (организма и личности) на внешнее и внутреннее воздействие, направленную на сохранение целостности и обеспечение его жизнедеятельности в конкретных условиях¹. По мнению В. Н. Мясищева, психическое состояние зависит от личностного отношения субъекта к значимым сторонам действительности². Интересным, с нашей точки зрения, является концепция неравновесных психических состояний А. О. Прохорова³. Такие неравновесные состояния обусловлены возникновением новообразований в структуре личностных свойств. Их появление связывается с особыми условиями жизнедеятельности: критическими событиями, сложными и трудными ситуациями и др.

Ценности представляют собой бытийно-смысловые образования личности, которые задают жизненный мир человека. Ситуации, в которых блокируются значимые ценности субъекта, приводят к системной реакции всей личности и появлению такого личностного состояния как внутриличностная конфликтность. С одной стороны, ценностная конфликтность представляет личностное состояние, длящееся недели, месяцы, годы, а с другой – переживание ценностной конфликтности

сопряжено с появлением психических состояний разного уровня психической активности, в том числе и эмоциональных, тензионных и др.⁴

В нашем исследовании мы пытались найти связь между конфликтностью ценностной сферы личности и некоторыми личностными состояниями (невротичность, депрессивность, раздражительность и др.). По участию числа ценностей в конфликте мы рассматриваем три типа конфликтов: с одной ценностью, которая имеет признаки амбивалентности; двумя ценностями (их столкновение); несколькими ценностями. В исследовании использовалась методика для диагностики амбивалентности каждой из двенадцати ценностей. Наша гипотеза состояла в том, что переживание субъектом различной ценностной конфликтности детерминирует психические (личностные) состояния различной эмоциональной активации.

В исследовании использовались методики: «Ценность-доступность» (Е. Б. Фанталовой, модификация И. А. Красильникова); многопрофильный личностный опросник GPI (адаптация А. А. Крылова, Т. И. Ронгинской); нарративная беседа; пакет прикладных программ SPSS 15; респондентами были 106 женщин в возрасте $26,2 \pm 6,7$ лет, работающие в различных профессиональных сферах.

Эмпирическое исследование заключалось в разделении испытуемых на две группы – с наличием внутренней конфликтности (трудностидостижимости двенадцати ценностей) и отсутствием конфликтности, затем проводился сравнительный анализ. Анализировалось отношение к ценностям: 1) интересная работа; 2) здоровье (физическое и психическое); 3) свобода (как независимость в поступках и действиях в личной и общественной жизни); 4) стремление к более высоким достижениям и личному успеху; 5) наличие хороших и верных друзей; 6) уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений); 7) взаимопонимание и эмоциональный контакт с родными людьми (дети, близкие и др.); 8) любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком); 9) счастливая семейная жизнь (заботливые отношения, благополучие родных); 10) справедливые отношения на работе; 11) материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений); 12) активная

творческая деятельность (расширение познаний, любимое занятие, досуг и т. п.).

Рассмотрим результаты сравнительного анализа некоторых психологических состояний в двух группах – имеющих внутриличностную конфликтность и не имеющих её (табл. 1–10).

У лиц с конфликтностью (труднодоступностью) ценности «интересная работа», по сравнению с теми, у кого не обнаружено конфликтности этой ценности, достоверно выше уровень невротичности. Для остальных личностных состояний достоверных различий не обнаружено (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «интересная работа»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	6,89	0,36*	2,11**
	1	5,11		
Спонтанная агрессивность	0	5,22	4,07*	0,15**
	1	5,31		
Депрессивность	0	5,42	0,37*	0,94**
	1	4,71		
Раздражительность	0	6,2	3,81*	0,85**
	1	5,39		
Общительность	0	7,95	0,71*	0,92**
	1	8,66		
Уравновешенность	0	4,82	0,27*	0,88**
	1	5,40		
Реактивная агрессивность	0	3,83	3,36*	0,79**
	1	3,38		
Застенчивость	0	4,17	0,57*	0,92**
	1	3,59		
Экстраверсия	0	6,66	0,41*	1,53**
	1	8,21		
Эмоциональная лабильность	0	7,04	0,40*	1,50**
	1	7,36		

Примечание. Индекс 0 – группа с отсутствием конфликтности для данной ценности; индекс 1 – группа с наличием конфликтности для данной ценности; общительность и экстраверсию обычно не относят к психическим состояниям, тем не менее мы представили полученные результаты; F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 2

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «здоровье»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	5,77	0,01*	2,93**
	1	8,66		
Спонтанная агрессивность	0	5,10	1,75*	2,00**
	1	6,48		
Депрессивность	0	4,94	2,65*	2,40**
	1	7,01		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «свобода»

Таблица 3

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Экстраверсия	0	7,02	3,27*	2,08**
	1	9,00		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 4

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «стремление к более высоким достижениям и личному успеху»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Реактивная агрессивность	0	3,24	2,93*	2,31**
	1	4,5		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 5

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «уверенность в себе»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	5,59	0,36*	2,29**
	1	7,62		
Депрессивность	0	4,70	0,06*	2,10**
	1	6,31		
Общительность	0	8,92	0,02*	2,47**
	1	7,14		
Застенчивость	0	3,30	1,15*	3,04**
	1	5,05		
Экстраверсия	0	7,81	2,11*	2,12**
	1	6,26		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 6

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием острой формы конфликтности ценности «уверенность в себе»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	6,06	0,01*	2,75**
	1	10,25		
Депрессивность	0	5,07	1,60*	3,04**
	1	9,00		
Раздражительность	0	5,63	0,04*	2,20**
	1	8,50		
Реактивная агрессивность	0	3,55	0,08*	2,19**
	1	5,75		
Застенчивость	0	3,59	3,90*	3,74**
	1	7,25		
Эмоциональная лабильность	0	6,26	2,05*	3,12**
	1	10,50		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 7

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «взаимопонимание и эмоциональный контакт с родными людьми»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Раздражительность	0	6,23	1,72*	2,02**
	1	4,57		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 8

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «любовь»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	5,70	2,65*	2,54**
	1	7,94		
Спонтанная агрессивность	0	4,91	0,56*	2,37**
	1	6,38		
Уравновешенность	0	5,50	2,60*	2,11**
	1	4,06		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 9

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием острой формы конфликтности ценности «счастливая семейная жизнь»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	6,04	0,57*	2,25**
	1	6,91		
Депрессивность	0	5,07	1,53*	2,31**
	1	5,46		
Уравновешенность	0	5,46	1,76*	2,54**
	1	4,40		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,05$.

Таблица 10

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием острой формы конфликтности ценности «материально-обеспеченная жизнь»

Личностная характеристика	Индекс группы	Среднее значение	F	t-критерий Стьюдента
Невротичность	0	5,74	0,29*	3,62**
	1	9,44		
Депрессивность	0	4,53	0,52*	4,91**
	1	8,56		
Раздражительность	0	5,46	0,06*	2,57**
	1	7,78		
Общительность	0	8,78	0,13*	2,93**
	1	6,23		
Уравновешенность	0	5,41	0,25*	2,56**
	1	3,33		
Застенчивость	0	3,47	3,54*	3,23**
	1	5,78		

Примечание. F – критерий Фишера для дисперсий; * – $p > 0,05$; ** $p < 0,01$.

У лиц, которые переживают недоступность ценности «здоровье», достоверно выше невротичность, спонтанная агрессивность и депрессивность (см. табл. 2). Конфликтность ценности «свобода» коррелирует с экстраверсией (см. табл. 3). Из этого следует, что экстравертированные личности более чувствительны к подавлению ценности «свобода в личной и общественной жизни». Недоступность ценности «стремление к более высоким достижениям и личному успеху» существенно способствует повышению реактивной агрессивности (см. табл. 4). Такая связь объясняет один из механизмов повышения агрессивности в современном мире: общество заинтересовано в повышении конкуренции и мотивации к высоким достижениям. Однако достичь высокого статуса удается не каждому, поэтому фрустрация данной ценности неизбежно ведет к агрессивности, что может деформировать морально-нравственную сферу личности.

Сравнительный статистический анализ групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «наличие хороших и верных друзей» статистических различий не выявил для всех видов психического состояния. Скорее всего, отсутствие друзей не так сильно затрагивает эмоциональную сферу, как это мы наблюдаем для других ценностей.

У лиц, имеющих личностную проблему, затрагивающую «уверенность в себе», более высокий уровень невротичности, депрессивности, раздражительности, реактивной агрессивности, застенчивости, эмоциональной неустойчивости. При этом снижается уровень экстраверсии и общительности (см. табл. 5, 6). Как видно, неуверенность в себе очень глубоко затрагивает эмоциональную сферу личности.

Неожиданным для нас оказался результат: у лиц с трудностью в достижении ценности «взаимопонимание и эмоциональный контакт с родными людьми» меньше раздражительность, в отличие от лиц, не имеющих такой проблемы (см. табл. 7). Возможно, что раздражительность как форма агрессивности способствует самовыражению и пусть сложному, но решению проблем с близкими. По крайней мере, эту форму разрешения конфликта (разрядка агрессии) объясняет теория психоанализа.

Результаты сравнительного статистического анализа групп с отсутствием и наличием конфликтности ценности «любовь» показали, что неудовлетворенность в любви приводит к повышению невротичности, спонтанной агрессивности, неуравновешенности (см. табл. 8). Труднодостижимость этой ценности приводит к внутриличностной неуравновешенности. Близкие результаты были и для ценности «счастливая семейная жизнь», но только при острой форме конфликтности, когда испытуемые не видят выхода, находятся в «смысловом тупике» при достижении этой ценности (см. табл. 8, 9).

Сравнительный анализ групп с отсутствием и наличием конфликтности для ценностей «справедливые отношения на работе» и «активная творческая деятельность» достоверных различий не выявил. Труднодостижимость этих ценностей незначительно затрагивает эмоциональную сферу, но, на наш взгляд, эти результаты требуют дальнейшего подтверждения.

Блокировка ценности «материально обеспеченная жизнь» приводит к значительному

повышению невротичности, депрессивности, раздражительности, застенчивости, неуравновешенности и снижению общительности (см. табл. 10). Внутренний конфликт, касающийся этой ценности, затрагивает внутриличностную устойчивость, а для современного человека сохранение этой ценности важно.

Переживание субъектом ценностной конфликтности сопровождается различной феноменологией (табл. 11).

Таблица 11

Статистика встречаемости эмоций, переживаний при конфликтности различных ценностей, %

Конфликтная жизненная ценность	Компоненты переживаний					N
	Тревожность, страх	Обида	Самообвинение, вина	Гнев	Одиночество, опустошенность	
Интересная работа	50,0	10,0	10,0	5,0	–	40
Здоровье	60,0	–	–	–	–	20
Свобода	15,4	15,4	7,7	15,4	–	26
Стремление к высоким достижениям	27,3	27,3	18,2	9,1	–	22
Наличие хороших и верных друзей	10,0	20	–	–	10,0	20
Уверенность в себе	38,9	–	27,8	5,6	22,2	36
Взаимопонимание с родными людьми	4,5	9,0	9,0	13,6	18,0	44
Любовь	56,3	43,8	12,5	6,3	6,3	32
Счастливая семейная жизнь	45,0	35,0	45,0	15,0	5,0	40
Справедливые отношения на работе	20,0	80,0	–	–	–	10
Материально обеспеченная жизнь	67,7	6,5	3,2	3,2	–	62
Активная творческая деятельность	23,5	29,4	23,5	–	–	34

Примечание. N – число лиц, имеющих конфликтность данной ценности.

Тревожность, страх имеют большой удельный вес при конфликтности (недоступности) ценностей «интересная работа», «здоровье», «уверенность в себе», «любовь», «материально обеспеченная жизнь». Обида чаще возникает, когда имеется проблема, затрагивающая ценность «любовь». Самообвинение возникает при неуверенности в себе и трудной достижимости счастливой семейной жизни; эмоция гнева – при блокировке ценностей «свобода в личной и общественной жизни», «взаимопонимание с родными людьми», «счастливая семейная жизнь» (см. табл. 11). Очевидно, что детерминация гнева в значительной степени обусловлена социальным фактором.

Конфликтность (труднодостижимость) ценностей «здоровье», «уверенность в себе», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «материально обеспеченная жизнь» приводит к появлению таких психических состояний, как невротичность, депрессивность, раздражительность, агрессивность. Эти ценности обладают важнейшим смысловым потенциалом для субъекта, при этом снижается общительность и экстравертированность.

Переживание субъектом ценностных конфликтов включает различную феноменологию. Так,

тревожность и страх часто сопровождают конфликтность ценностей «интересная работа», «здоровье», «уверенность в себе», «любовь», «материально обеспеченная жизнь». Трудности в достижении ценностей «стремление к более высоким достижениям и личной успеху», «свобода в личной и общественной жизни» способствуют появлению эмоции гнева.

Острая форма конфликтности – «смысловой тупик» – встречается чаще для таких ценностей, как «любовь» и «счастливая семейная жизнь», что существенно влияет на эмоциональное состояние.

Примечания

- 1 См.: Ильин Е. П. Психфизиология состояний человека. СПб., 2005. 412 с.
- 2 См.: Мясцев В. Н. Психические состояния и отношения человека // Психические состояния / сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб., 2000. С. 52–60.
- 3 См.: Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М., 1998. 152 с.
- 4 См.: Красильников И. А. Особенности личностных качеств у лиц с невротическими внутренними конфликтами // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 2, вып. 2. С. 63–66.

УДК 159.9

РЕФЛЕКСИВНО-РЕСУРСНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РАЗРЕШЕНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ У УЧИТЕЛЕЙ

О. В. Кузьменкова

Оренбургский государственный педагогический университет
E-mail: olgakuzmen@yandex.ru

В статье предложена концептуальная модель рефлексивно-ресурсной детерминации разрешения внутриличностных противоречий учителя. В её основание положены понятийное представление о внутриличностных противоречиях учителя в феноменах «Я», ресурсная интерпретация рефлексии в акте разрешения внутриличностных противоречий и диалоговый подход к обнаружению скрытых форм рефлексии.

Ключевые слова: внутриличностные противоречия, профессиональное «Я» учителя, рефлексивно-ресурсный подход, внутренний диалог, теоретическое моделирование.

A Reflective-Resource Determination of the Permission of Intrapersonal Contradictions of Teachers

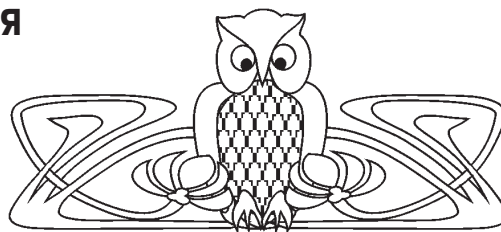
O. V. Kuzmenkova

The article considers the model of reflective-resource determination of the permission of intrapersonal contradictions of the teacher worked out within the limits of our research. The basis of the model includes the conceptual representation about intrapersonal contradictions of the teacher in phenomena «I», the resource interpretation of a reflection in the act of the permission of intrapersonal contradictions and the dialogue approach to the detection of the latent forms of a reflection.

Keywords: intrapersonal contradictions, professional «I» of teachers, reflective-resource approach, internal dialogue, theoretical modeling.

Учитель всегда был и остается в поле зрения психологической науки. На наш взгляд, еще один ракурс исследований, посвященных учителю, обуславливается радикальной сменой социальных и образовательных ориентиров, неизбежно провоцирующих внутриличностную неопределенность и противоречивость в его профессиональном развитии. Присутствие внутриличностных противоречий в качестве естественного явления профессионального жизнеосуществления учителя выдвигает на первый план поиск путей их конструктивно-преобразовательного разрешения. Попытка осмысления данной проблемы на теоретическом уровне представлена в разработанной нами модели рефлексивно-ресурсной детерминации разрешения внутриличностных противоречий учителя.

При разработке понятия *внутриличностных противоречий учителя и их разрешения* мы исходили из следующего. Вслед за философией в психологических исследованиях внутриличностные противоречия трактуются как требующее разрешения противостояние, выражающееся в

конкретных переживаниях (экзистенциальных, ценностных, мотивационных, когнитивных, эмоциональных, поведенческих). Это объясняется тем, что в каждом подходе проблема противоречия разрабатывалась в контексте своей феноменологии, отчего возникает сложность в понятийном определении единства неделимой целостности внутреннего мира личности. Мы считаем, что если реальность внутренней жизни личности конституируется в самоданности ее «Я», то отход от «частного» уровня возможен, так как именно «Я» чувствует и полагает себя в качестве единой и неделимой целостности, противопоставляющей себя внешнему объективному миру, приспосабливающейся к нему и обособляющейся от него для воплощения себя. В качестве целостной единицы анализа внутриличностных противоречий учителя мы выделяем его профессиональное «Я». Оперирование такой единицей измерения позволяет подчеркнуть неспецифический характер разрешения разного рода внутриличностных противоречий, так как связывает всевозможные противостояния в профессиональном самосознании «узлом проблем Я»¹. Если профессиональное развитие учителя предполагает растущую у него возможность и необходимость определения своего «Я» в профессионально-педагогической реальности, то логичным становится поиск ведущих внутриличностных противоречий именно в пространстве «Я», выступающем вершинным образованием его самосознания и объединяющим все противоположности.

Профессиональное «Я» учителя формируется при осуществлении субъектной активности. Одновременная актуализация в самосознании различных «Я-образов» описана в концепции профессионально-личностного развития Л. М. Митиной² и в дальнейшем экспериментально подтверждена нами³. В этих и других работах были теоретически и эмпирически обоснованы наиболее значимые для профессионального развития учителя образы «Я», в число которых входят «Я-действующее», «Я-отраженное», «Я-творческое» и «Я-эмпирическое». Таким образом, под внутриличностным противоречием профессионального развития учителя мы понимаем внутриличностное противостояние, субъективно переживаемое как утрата целостности профессионального «Я» в силу неопределенности сосуще-

ствования его подынстанций (Б. Хасан). Основанием для актуализации внутриличностных противоречий может быть субъектнозначимая система образов из «Я-действующего», «Я-отраженного», «Я-творческого» и «Я-эмпирического», обеспечивающая дифференцированность и целостность его «профессионального Я». Неопределенность их соотношения актуализирует на индивидуальном уровне трудности дальнейшего осуществления привычного хода профессионально-педагогической деятельности в рамках сложившегося субъективного представления о возможностях своего развития. Разрешение внутриличностных противоречий в таком понимании предполагает восстановление целостности профессионального «Я» посредством реконструкции его подынстанций.

В поиске психологических детерминант разрешения внутриличностных противоречий учителя мы ориентировались на рефлексивно-ресурсный подход, так как проблема эффективного разрешения противоречий тесно связана с рефлексивной организацией самосознания личности. Рефлексивно-ресурсный подход основан, с одной стороны, на положениях рефлексивной психологии об основополагающей роли рефлексии в разрешении противоречий и кризисов личности, с другой стороны, на ресурсной интерпретации рефлексии, ее возможностей и потенциалов, для которых характерны вероятностность и устремленность в будущее. Теоретический анализ роли рефлексии в разрешении внутриличностных противоречий показал, что рефлексия представлена не только непосредственно разворачивающимися в самом акте разрешения формами, которые проявляются «здесь и теперь», но и потенциальными, которые могут быть использованы, если возникнет необходимость перспективной реализации (Л. И. Анцыферова, Т. И. Артемьева, В. Г. Асеев, Э. Ф. Зеер, В. П. Зинченко, И. С. Кон, Б. Ф. Ломов, В. Н. Марков и др.). В связи с этим возникает теоретическая задача поиска и установления рефлексивно-ресурсной детерминации, определяющей разрешение внутриличностных противоречий у учителей.

Рефлексивно-ресурсный подход предполагает обогащение представлений о детерминации разрешения внутриличностных противоречий не только «сущими», но и «возможными» формами рефлексии, предваряющими и определяющими ход этого разрешения. Мы полагаем, что за внутриличностной проекцией ресурсных форм рефлексии скрываются вполне реальные переживания, например касающиеся той части профессионального «Я», которая себя «дискредитировала» перед субъектом и тем самым спровоцировала у него внутриличностное противоречие. Такие переживания могут быть отнесены к «переживаниям-работы», предшествующим «переживаниям-испытаниям», за которыми стоит обострение противоречий⁴.

Таким образом, с позиции рефлексивно-ресурсного подхода мы пришли к заключению, что существуют некие ресурсные формы, детерминирующие разрешение внутриличностных противоречий, которые, во-первых, предваряют непосредственный акт разрешения внутренних противоречий; во-вторых, придают процессу разрешения вероятностный характер; в-третьих, выражены в реальных переживаниях. Эти признаки позволяют определить рефлексивный ресурс как интегральную характеристику возможностей рефлексии, не востребованных до актуализации внутриличностных противоречий, но потенциально определяющих их разрешение. Для нашего исследования принципиальным является вопрос о том, каким образом интегрируются у учителей возможности рефлексии, определяющие разрешение их внутриличностных противоречий, в качестве единого конструкта, который мы обозначили как рефлексивный ресурс.

Наше обращение к диалоговому подходу обусловлено необходимостью обнаружения ресурсных форм рефлексии, носящих скрытый характер. Если исходить из того что носителем всех рефлексивных форм и процессов является внутренний диалог, то логично предположить, что рефлексивный ресурс разрешения внутриличностных противоречий соотносится с характеристиками внутреннего диалога. Доказательства связи внутриличностного диалога и качества рефлексивной обработки противостояний в личностном сознании для нашего исследования являются особенно значимым (А. И. Визгина, Е. Т. Соколова, А. В. Россохин, Л. П. Траилина и др). Поскольку диалог по-разному проявляет себя в процессе рефлексивной обработки проблемных состояний, то особенности диалогической структуры, скорее всего, обнаруживают различные рефлексивные потенции личности.

По отношению к рефлексивному ресурсу диалог может являться средством, обнаруживающим его качественные градации. Раскрывая прежде всего процессуальный план рефлексивного ресурса разрешения внутриличностных противоречий учителя, диалог, с одной стороны, отражает возникновение пространства, в котором намечаются возможные изменения профессионального «Я», с другой – обеспечивает последующее соединение противостоящих подынстанций этого «Я» без преобладания одной над другой. В целом выявляется перспектива диалоговых способов и приемов раскрытия рефлексивного ресурса разрешения внутриличностных противоречий.

Вышесказанное представляет собой теоретические предпосылки моделирования целостного идеального образа рефлексивного ресурса, вероятностным образом определяющего разрешение внутриличностных противоречий профессионального развития учителя. *Процессуально-динамический аспект модели* отражен в диалектической логике разрешения внутрилич-

ностных противоречий. Поскольку динамические проявления противоречий раскрываются в особенностях их возникновения, обострении в отношениях противоположных сторон, последствиях разрешения, то можно выделить следующие фазы: генез, актуализация, разрешение и последствия. Данная последовательность является общей для всякого рода противоречий, в том числе и внутриличностных противоречий профессионального развития учителя. *Активно-действенный аспект модели* представлен рефлексивным ресурсом, направляющим движение внутриличностных противоречий по пути реконструкции и восстановления целостности профессионального «Я». В нём выражены рефлексивные возможности учителя, специфика интеграции которых может рассматриваться как существенное основание для выделения градаций рефлексивного ресурса в разрешении внутриличностных противоречий. При дифференцировании рефлексивного ресурса мы исходили из того, что в разрешении внутриличностных противоречий он может быть представлен способностью личности к смыслопорождению и смыслообразованию, а также ее способностью к осознанию и регуляции.

На наш взгляд, этот ресурс должен быть сопряжен с интеграцией рефлексивных возможностей учителя смыслового порядка. Такой ресурс позволит учителю не только предопределить разрешение внутриличностных противоречий на уровне рефлексивного функционирования, но и потенциально содействовать преобразованию и восстановлению целостности «Я» на качественно новом уровне. Содержание ресурса обуславливает отношение к внутриличностному противоречию как к преобразовательному процессу и предполагает: 1) возникновение несовпадений между его подынстанциями; 2) актуализацию потребности отнестись к себе через обращение к «Другому» или с позиции «Себя желаемого»; 3) наличие смыслового наполнения альтернативных подынстанций профессионального «Я»; 4) сведение «своего» и «чужого» «Я» к полифоническому единству. О рефлексивном ресурсе, интегрирующем возможности рефлексии для разрешения внутриличностных противоречий на смысловом уровне, свидетельствует актуализирующийся внутренний диалог, который имеет характеристики «диалогового минимума» между подынстанциями профессионального «Я», диалоговой коммуникации и диалоговой «полифонии»⁵. Реализуя в этом виде внутриличностный диалог, личность будет стремиться инвестировать свой рефлексивный ресурс и приобрести новый. Порождение в нем принципиально новых смыслов и способов сосуществования противостоящих подынстанций «Я» будет содействовать качественному усложнению профессионального «Я».

Регулятивный рефлексивный ресурс ограничен интеграцией рефлексивных возможностей к осознанию. По отношению к разрешению внутри-

личностных противоречий они локальны, так как сама личность поглощена ими⁶. Регулятивному уровню соответствует внутренний диалог, обнаруживающий стремление обрести, сохранить или защитить целостность профессионального «Я» в устоявшихся поведенческих образцах и смысловых стереотипах. Содержание такого ресурса у учителя представлено: 1) уходом от многообразия профессионального «Я»; 2) игнорированием «чужой» подынстанции профессионального «Я»; 3) отказом от одной из подынстанций; 4) преувеличением роли рефлексии. Реконструкция профессионального «Я», обеспеченная таким рефлексивным ресурсом, требует восстановления целостности за счет отказа от той части «Я», которая себя дискредитировала. А отказ спровоцирует развертывание противоречия на пути психологической защиты⁷. Сознательно выбирая между подынстанциями профессионального «Я», учитель будет вынужден прибегнуть к «частичному самоотречению».

На каждом отрезке профессионального пути учитель находится в определенной точке противоборства с самим собой и либо «застревает» на одной стадии противоречия, либо в завершении цикла переходит на новую ступень. Разрешение внутриличностных противоречий приводит его к интрасубъектным профессиональным трансформациям конструктивного или деструктивного порядка, что предопределяется содержанием рефлексивного ресурса.

Таким образом, привлечение рефлексивно-ресурсного подхода к моделированию разрешения внутриличностных противоречий позволяет объяснить данное явление с точки зрения его вероятностей. В разрешении внутриличностных противоречий профессионального развития учителя усложнение его «Я» на качественно новом уровне возможно при наличии рефлексивного ресурса, выраженного: отражением в едином ценностно-смысловом пространстве личности многообразия подынстанций «Я» (как минимум, «Я действующего» и «Я отраженного»); смысловым наполнением «своей» и «чужой» подынстанций «Я», вступивших в противостояние; поиском в устоявшемся ценностно-смысловом пространстве оснований для объединения альтернативных подынстанций; порождением ценностно-смыслового пространства, расширяющего рамки для их единства и качественного усложнения.

Исследование выполнялось в рамках целевой комплексной программы министерства образования Оренбургской области «Социально-психологические ресурсы и риски профессионального развития учителя» (2010).

Примечания

¹ См.: Хасан Б. И. Продуктивный конфликт как механизм развития личности : дис. в виде науч. докл. д-ра психол. наук. Красноярск, 1996. 84 с.

- ² См.: Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя. М., 1998. 200 с.
- ³ См.: Кузьменкова О. В. Влияние внутриличностных противоречий на динамику профессионального развития учителя. Оренбург, 2003. 136 с.
- ⁴ См.: Василюк Ф. Е. Переживание и молитва. Опыт общепсихологического исследования. М., 2005. 191 с.
- ⁵ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. 320 с.
- ⁶ См.: Хасан Б. И. Указ. соч.
- ⁷ См.: Зейгарник Б. В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980. 157 с.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ, ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ В ПРОЦЕССЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Т. Ю. Миронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tasya141@mail.ru

В статье излагаются результаты исследования особенностей экономического поведения подростков и юношей; выявлены факторы, влияющие на его формирование и развитие. Описаны два основных типа экономического поведения, направленные на достижение материального благополучия.

Ключевые слова: личность, экономическая социализация, экономическое поведение, экономические представления.

Peculiarities of the Economic Behavior of Adolescents and Youths, Forming in the Process of Economic Socialization in Russia

T. Yu. Mironova

The article presents the results of the study of the peculiarities of the economic behavior of adolescents and youths. The empirical research has revealed the factors influencing the formation of the economic behavior and its development. Two basic types of economic behavior, aimed at achieving material well-being are described in the article.

Key words: personality, economic socialization, economic behavior, economic views.

Социально-экономические реформы и сопутствующая им трансформация во всех сферах жизни общества оказали заметное влияние на массовое сознание, в том числе и экономическое, повлекли за собой изменение социальных ориентиров, системы ценностей и жизненных приоритетов. В свою очередь, это сказывается на условиях протекания экономической социализации личности. Возникающие изменение и противоречия общественного экономического сознания отражаются на формировании подрастающим поколением своих экономических представлений и отношений, на экономическом поведении, являющемся показателем успешности в данной сфере, и, соответственно, влияющем на всю систему макроэкономических отношений.

Исследования экономической социализации личности включают в себя изучение экономического сознания, его развития и составляющих

компонентов: когнитивного (О. С. Дейнека, Т. В. Дробышева, А. Б. Фенько, Е. В. Щедрина и др.), эмоционального (О.С. Дейнека, А. Л. Журавлев, В. П. Поздняков, А. Furnham и др.), мотивационного (И. В. Алешина, О. С. Дейнека, А. Л. Журавлев, А. И. Китов, В. П. Поздняков, А. Б. Фенько, А. Lewi, P. Webley и др.), в том числе экономических установок (О. С. Дейнека, А. Н. Лебедев, А. Б. Фенько, G. Katona, P. Lunt и др.), экономических ценностей (А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева), экономической идентичности (В. А. Хашченко), нравственно-психологической регуляции экономической активности и экономического самоопределения (А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко и др.)¹. При этом повседневное экономическое поведение зарубежными исследователями рассматривалось чаще в рамках изучения психологии денег, наряду с базовыми установками по отношению к деньгам, их получению и использованию (Т. Wiseman, Т. Tang, А. Furnham и др.)². В странах с развитой рыночной экономикой поведение различных категорий потребителей изучено достаточно подробно, в отличие от России, где подобные исследования начали появляться сравнительно недавно³. Очевидно, необходимо более глубокое изучение данной проблемы в связи с тем, что в настоящее время в обществе предъявляются высокие требования к экономическому поведению подрастающего поколения, а оно, в свою очередь, имеет решающее влияние на всю систему макроэкономических отношений.

В связи с этим нами проводится исследование, цель которого заключается в выявлении особенностей экономического поведения подростков, сформированных в условиях изменяющегося общества. В исследовании приняло участие 230 учащихся с 8-го по 11-й класс МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4» г. Саратова и школы № 1 поселка Котово Волгоградской области. Чтобы проследить изменения в экономи-

ческом поведении, испытуемые были поделены на три группы: младшие подростки 13–14 лет, подростки 15–16 лет, юноши и девушки 17–18 лет. Выбор подростков и юношей от 13 до 18 лет обусловлен особыми психологическими свойствами этого возраста, которые существенно определяют как личную перспективу жизни молодых людей, так и будущее общества.

Основным методом исследования выступил опрос, в качестве его инструмента использовалась разработанная нами анкета, в которой предполагалось ответить на вопросы, касающиеся различных аспектов данного явления, в частности особенностей экономического поведения в настоящий момент и его оценки в будущем. Наряду с анкетой использовались следующие методики: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, анкета «Индекс воспитанности школьников» Л. Н. Столяренко, опросник «Отношение к деньгам школьников» М. Ю. Семенова, «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной.

Анализ результатов исследования позволил выявить представления подростков, а также их оценку собственного экономического поведения в настоящее время и в будущем. В первую очередь хотелось бы отметить, что в ядерную структуру представлений подростков о том, для чего нужны деньги, входят следующие суждения: во-первых, это получение удовольствия от самого процесса траты (терапевтическая функция денег); во-вторых, деньги предоставляют возможность приобрести всё что захочется. Следующие категории ответов предполагают, что деньги нужны для получения образования, для вложения в будущее и обеспечение детей; как определенная мера, позволяющая существовать обществу.

Факторный анализ результатов исследования ассоциаций испытуемых, связанных со словом «экономика», позволил выделить среди них три группы: 1) нефть и курс валют; 2) предприятие, бизнес, работа, деньги; 3) государство и политика.

В настоящий момент подростки предпочитают тратить основную часть карманных денег на одежду (обувь, аксессуары, украшения), семью, путешествия и поездки, организацию досуга/развлечений. При этом юноши 17–18 лет в большей степени склонны тратить карманные деньги, заботясь о своем внешнем виде: они покупают косметику, украшения, аксессуары, одежду, обувь. Подростки 13–16 лет предпочитают тратить основную часть денег на праздники и подарки для членов своей семьи и друзей. Получая деньги, они в определенной мере возвращают их в семью.

Существует отрицательная корреляционная связь между предпочтением тратить деньги на развлечения и уровнем развития эстетического аспекта воспитанности подростков и юношей ($r = -0,17, p < 0,01$). В то же время предпочтение

тратить деньги на своё образование положительно коррелирует с нравственным, эстетическим, экологическим аспектами воспитанности ($r = 0,14, p < 0,05$; $r = 0,27, p < 0,05$; $r = 0,19, p < 0,01$). Такая связь отсутствует только в отношении экономического и трудового аспектов. Другими словами, чем выше уровень развития нравственной воспитанности, тем в большей степени подростки склонны тратить свои карманные деньги на обучение и в меньшей – на развлечения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень развития воспитанности влияет на экономическое поведение подростков и юношей, а именно на приоритеты при трате карманных денег.

Интересно рассмотреть представления подростков и юношей о том, что бы они сделали, чтобы повысить уровень своего материального благополучия в будущем. При помощи факторного анализа было выявлено два основных типа поведения. Испытуемые, предпочитающие первый тип поведения, считают собственный бизнес основным путем достижения цели. Кроме того, у них большая открытость в средствах получения материального благополучия: не отрицается принятие помощи со стороны, например от родственников и друзей. Второй тип поведения, более «консервативный», предполагает, что повышение материального благополучия возможно лишь при условии работы в нескольких местах и использовании выгодных счетов в банках. Испытуемые, относящиеся и к первому и ко второму типу, считают не обязательным получение образования для того, чтобы в будущем повысить уровень материального благосостояния.

Получив в распоряжение 300 тысяч рублей (моделируется ситуация выигрыша в лотерею), подростки и юноши распределили бы сумму по следующим направлениям: отдать в распоряжение родителей, положить на выгодный счет в банке, сделать благотворительный взнос, вложить деньги в дальнейшее образование, потратить на приобретение одежды, обуви, аксессуаров, оплатить поездки и путешествия, продолжать накопление денег дома. Есть некоторые различия в экономическом поведении подростков разного возраста. В отличие от испытуемых третьей возрастной группы подростки 13–16 лет склонны отдавать в распоряжение родителей значительно большие суммы денег (в шкале «отдать родителям» в первой возрастной группе испытуемых $\bar{X} = 100074$, в третьей возрастной группе $\bar{X} = 69130, t = 2,19, p < 0,05$). Юноши 17–18 лет более значительную сумму денег, чем подростки 13–14 лет, положили бы на выгодный счет в банк (в шкале «выгодный счет в банке» в третьей группе $\bar{X} = 70978$, в первой группе $\bar{X} = 39179, t = 2,18, p < 0,05$). Также значительные различия наблюдаются в отношении распределения денег на обучение. Младшие подростки меньше заботятся о финансировании своего обучения в будущем, в отличие от подростков и юношей 15–18 лет (в первой группе $\bar{X} = 52164$,

во второй группе $\bar{X} = 71463$, $t = 1,97$, $p < 0,05$, в третьей группе $\bar{X} = 82592$, $t = 2$, $p < 0,05$). Если бы испытуемые выиграли в лотерею указанную сумму, то меньшее количество юношей и девушек 17–18 лет купило бы одежду, обувь, аксессуары по сравнению с подростками 13–16 лет, в первой группе $\bar{X} = 29776$, в третьей группе $\bar{X} = 15370$, $t = 2,28$, $p < 0,05$, во второй группе $\bar{X} = 31426$, 3 группа $\bar{X} = 15370$, $t = 2$, $p < 0,05$). Возрастные особенности оказывают значительное влияние на экономическое поведение испытуемых. Младшие подростки в большей степени склонны отдавать полученные деньги родителям и покупать для себя одежду, украшения, обувь, юноши – откладывать деньги на образование и открывать выгодные счета в банке. Чем в большей степени развит нравственный аспект воспитанности, тем больше вероятность, что выигранные в лотерею деньги испытуемые отдадут своим родителям ($r = 0,14$, $p < 0,05$). При этом отрицательно с данным параметром коррелирует вариант «потратить на одежду и развлечения» ($r = 0,3$, $p < 0,001$), то есть чем выше уровень нравственной воспитанности, тем меньше вероятность, что подросток потратит выигранные деньги на развлечения.

Анализ результатов исследования позволил выявить многочисленные корреляционные связи между особенностями экономического поведения и другими рассматриваемыми параметрами, например между степенью экономности монетарного поведения испытуемых и их особенностями личности. Чем экономнее подросток, тем он эмоционально устойчивее – более выдержанный, работоспособный, эмоционально зрелый, реалистически настроенный. Он лучше способен следовать требованиям группы, характеризуется постоянством интересов, в крайних случаях имеют место эмоциональная ригидность и нечувствительность, при этом человек экономит деньги, сильно ограничивая себя. И наоборот, когда человек сразу тратит всё до копейки, он характеризуется подверженностью чувствам, низкой толерантностью к фрустрации, переменчивостью интересов, раздражительностью, высокой утомляемостью ($r = 0,14$, $p < 0,05$).

Чем больше фиксация на деньгах, тем в большей степени испытуемые склонны экономить ($r = 0,14$, $p < 0,05$). Для подростков же, склонных тратить все до копейки, деньги играют в основном терапевтическую функцию ($r = 0,16$, $p < 0,05$).

Сформированные подростками в процессе экономической социализации представления и отношение к социальному неравенству в значительной степени влияют на их экономическое поведение, например особенность тратить основную часть карманных денег на организацию и проведение своего досуга ($r = -0,23$, $p < 0,001$), как и положительное отношение к нечестному способу зарабатывать деньги ($r = -0,18$, $p < 0,05$) отрицательно коррелируют с доброжелательным

отношением испытуемых к бедным людям. Вариант экономического поведения, когда продолжается трудовая деятельность в ситуации полной материальной обеспеченности, чтобы приносить пользу обществу, имеет положительную связь с рассматриваемым параметром ($r = 0,18$, $p < 0,05$).

Чем позже подросток планирует завести семью, тем выше его оценка благосклонности общества к богатым ($r = 0,15$, $p < 0,05$), и наоборот – отрицательная корреляционная связь между оценкой подростком отношения общества к данной категории и того, когда он планирует стать обеспеченным человеком ($r = -0,15$, $p < 0,05$). Чем выше оценка подростком уровня доброжелательного отношения общества к богатым людям, тем в большей степени ему присуще собственное экономическое поведение – не работать, если будет материально обеспеченным человеком ($r = -0,18$, $p < 0,05$); обратная связь – с вариантом работать, чтобы разнообразить свой досуг ($r = 0,21$, $p < 0,01$).

Чем выше оценки уровня доброжелательного отношения общества к бедным, тем в меньшей степени подросток склонен мечтать о владении в будущем собственным бизнесом ($r = -0,14$, $p < 0,05$) и тем в большей степени склонен считать, что деньги нужны для получения образования ($r = 0,16$, $p < 0,05$).

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. В странах с развитой рыночной экономикой поведение различных категорий потребителей изучено достаточно подробно, в отличие от России, где подобные исследования начали появляться сравнительно недавно. При этом повседневное экономическое поведение зарубежными исследователями рассматривалось чаще в рамках изучения психологии денег, наряду с базовыми установками по отношению к деньгам, их получению и использованию. В России изучение экономического поведения подрастающего поколения кажется недостаточным и требует дальнейшего изучения, так как данное поведение, во-первых, является результатом экономической социализации, во-вторых, обстоятельством, имеющим решающее влияние на всю систему макроэкономических отношений.

Анализ результатов исследования позволил выделить ядерные структуры в представлениях подростков и юношей о различных экономических категориях, а также изменения, происходящие в данных представлениях, в зависимости от возраста подростков. На формирование и развитие экономического поведения подростков и юношей влияет огромное количество факторов, в том числе личностные особенности испытуемых, представления и отношение к социальному неравенству, возраст, уровень нравственной воспитанности и др.

Выявлено два основных типа экономического поведения подростков и юношей, касающихся

повышения уровня своего материального благосостояния в будущем: работа в нескольких местах и владение собственным бизнесом. При этом в обоих случаях испытуемые отмечают, что получение образования не способствует повышению материального благосостояния.

Экономические представления и отношение подростков к социальному неравенству влияют на их экономическое поведение: степень активности в данной сфере, жизненные планы и постановку целей, пути достижения этих целей, объекты основных трат в настоящий момент и в будущем.

УДК 159.944.4:614.23

РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ СОСТОЯНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ У ВРАЧЕЙ

Л. Н. Молчанова

Курский государственный медицинский университет
E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

В статье дается концептуальное обоснование рефлексивного механизма ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей с опорой на психологические теории смысла, смысловой регуляции психических состояний, рефлексивной регуляции деятельности, функциональной психологической системы деятельности и др. Представленная методология позволяет эмпирически представить рефлексивный механизм ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей через взаимообусловленность структурных компонентов психологической рефлексивности и состояния психического выгорания. Профиль профессиональной деятельности врачей проецируется на рефлексивность и определяет специфику её структурной организации.

Ключевые слова: рефлексия, психологический механизм, ценностно-смысловая регуляция, состояние психического выгорания, профиль профессиональной деятельности, внутрипрофессиональные различия.

Reflection as the Mechanism of Valuable and Semantic Regulation of the Condition of Mental Burning Out at Doctors

L. N. Molchanova

This article gives the conceptual substantiation of the reflective mechanism of valuable and semantic regulation of a condition of mental burning out at doctors with a support on psychological theories, the semantic regulation of mental conditions, reflective regulation of activity, etc. Presented methodology allows to present functional psychological system of activity empirically a reflection as the psychological mechanism of valuable and semantic regulation of a condition of mental burning out at doctors through interconditionality of structural components of a psychological reflexivity and a condition of mental burning out. The

Примечания

- 1 См.: Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М., 2007. 480 с.
- 2 См.: Белицкая Г. Э. Особенности отношения к деньгам: деньги как предмет личностного осмысления // Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов : в 8 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 379–382.
- 3 См.: Гусева Т. В. Потребительское поведение детей старшего дошкольного возраста в процессе социализации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 24 с.

structure of professional work of doctors is projected on a reflexivity of doctors and defines specificity of its structural organization.

Key words: reflection, psychological mechanism, valuable and semantic regulation, condition of mental burning out, structure of professional work, extraprofessional distinctions.

В настоящее время проблема изучения психического выгорания у представителей профессий «помогающего» типа как деятельностно обусловленного состояния представляет значительный теоретический и практический интерес. В качестве ведущих в профессиональной деятельности выделяют внутренние механизмы регуляции, к которым относятся рефлексивность, смыслы, ценности, представления и др. Согласно имеющимся результатам исследования те профессионалы, у которых сформированы адекватные психологические механизмы регуляции состояния психического выгорания, в меньшей степени подвержены его влиянию¹. Таким образом, сопровождение деятельности «выгорающих» представителей профессий «помогающего» типа предусматривает изучение психологических механизмов его регуляции, что определяет актуальность и цель исследования.

Цель исследования – изучение рефлексии как механизма ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей с учетом внутрипрофессиональных различий, для реализации которого на базе городской клинической больницы № 2, станции скорой медицинской помощи г. Курска были обследованы врачи (72 человека), средний возраст которых составил

34,32 ± 10,85 года, средний стаж профессиональной деятельности – 12,56 ± 9,79 года. Градация выборки испытуемых осуществлялась с учетом критерия внутривидовых различий, уровня рефлексивности и психического выгорания. При этом были выделены группы врачей-хирургов (36 человек) и врачей-терапевтов (36 человек) с низким, средним и высоким уровнем рефлексивности и психического выгорания.

В качестве концептуальных оснований исследования рефлексии как психологического механизма ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей выступили: психологическая концепция смысла Д. А. Леонтьева², теория смысловой регуляции психических состояний А. О. Прохорова³, концепция интегральных психических процессов, психологическая теория рефлексивной регуляции деятельности А. В. Карпова⁴, теория о функциональной психологической системе деятельности В. Д. Шадрикова⁵, а также современные теоретические подходы и эмпирические исследования психического выгорания⁶.

Для объяснения психологических механизмов регуляции состояния психического выгорания значительный интерес представляет психологическая концепция смысла Д. А. Леонтьева, согласно которой динамическая смысловая система представляет собой «относительно устойчивую и автономную, иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноуровневых смысловых структур (личностный смысл, смысловую установку, мотив, смысловую диспозицию, смысловой конструкт и личностные ценности) и функционирующую как единое целое»⁷. Выделяют динамическую смысловую систему личности и динамическую смысловую систему деятельности. Функцией динамической смысловой системы личности является регуляция деятельности человека. В результате её дезорганизации при столкновении неадекватных установок, ценностей и смыслов с действительностью возникает психическое выгорание⁸, которое, согласно В. Е. Орлу, представляет собой «антисистему», «включенную в разные системы функционирования личности и оказывающую отрицательное влияние на параметры профессионального развития и жизнедеятельности личности», с присущими ей «демотивационной», «декогнитивной» и «дерегуляторной» функциями⁹.

Опираясь на теорию смысловой регуляции состояний А. О. Прохорова, можно сказать, что смысловая организация сознания обуславливают избирательность влияния ситуации профессиональной деятельности на возникновение и генез состояния психического выгорания. В отечественных и зарубежных исследованиях ситуация определяется и как система субъективных и объективных элементов, появляющихся в результате активного взаимодействия субъекта и среды¹⁰. К субъективным элементам относятся ценности,

смыслы. Вслед за А. О. Прохоровым мы считаем, что рефлексия, имеющая место в ходе ценностно-смысловой регуляции, связана с диалогом между Я актуальным и Я-концепцией, соединяющим смыслы, ценности и состояние психического выгорания и предполагающим переживание содержания внутреннего мира¹¹. Переживание, являясь внутренней деятельностью по производству смыслов, изменяет состояние динамической смысловой системы, формируя новые смыслы, а в критических ситуациях профессиональной деятельности изменяет смысловые структуры личности. В качестве функциональных элементов, включенных в ценностно-смысловую регуляцию состояния психического выгорания у врачей и позволяющих её стабилизировать, мы рассматриваем, с одной стороны, переживание психического выгорания, а с другой – отношение к ситуации профессиональной деятельности. Переживание и отношение имеют двунаправленный характер: преломляясь через динамическую смысловую систему, отношение детерминирует переживание, которое в одном направлении воспринимается как переживание смысла ситуации профессиональной деятельности, а в другом – как ценность. Подобная обратная связь позволяет стабилизировать систему ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания врачей.

А. С. Шаров в качестве психологического механизма рассматривает постоянно действующую или ситуативно возникающую под влиянием конкретной психологической ситуации целостную психологическую систему, которая обеспечивает выполнение тех или иных регулятивных функций¹². В нашем исследовании под механизмом ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей понимается возникающая под влиянием психологической ситуации профессиональной деятельности рефлексивная система.

Рефлексия характеризуется достаточно выраженной неопределенностью своего понятийного статуса в системе психологических понятий. Наиболее конструктивным подходом к её определению выступает тот, который разрабатывается А. В. Карповым и В. В. Пономарёвой¹³. По мнению А. В. Карпова, рефлексия является такой синтетической реальностью, которая может выступать одновременно и как психический процесс, и как психическое свойство, и как состояние и не сводится ни к одному из них. Рефлексивность как психическое свойство представляет собой одну из основных граней той интегративной психической реальности, которая соотносится с рефлексией в целом¹⁴.

В нашем исследовании мы исходили из предположения о том, что взаимообусловленность компонентов рефлексивности и состояния психического выгорания при их крайне низких и высоких уровнях значений дает основания рассматривать рефлексивность как психологический

механизм ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у врачей, специфика структурной организации которой определяется проецированием профиля профессиональной деятельности.

Опираясь на теорию В. Д. Шадрикова о функциональной психологической системе деятельности, совокупность её предметных и субъективных условий мы рассматриваем как профиль деятельности. Предметные условия деятельности врачей-хирургов, в отличие от врачей-терапевтов, сопряжены с применением анестетиков во время операции и их накоплением в организме в течение рабочей недели, радиационным облучением при выполнении диагностических и лечебных мероприятий, субъективные – с высокой эмоциональной напряженностью и непосредственным самоконтролем поведения, связанными с работой в условиях повышенного риска для жизни и здоровья других людей.

В пакет психодиагностических методик вошли: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко¹⁵; методика определения уровня рефлексивности А. В. Карпова и В. В. Пономарёвой, позволяющая диагностировать четыре вида рефлексии (рефлексия прошлого, настоящего, будущего и рефлексия общения), а также общий уровень рефлексивности¹⁶; тест-опросник «Методика Шварца для изучения ценностей личности», адаптированный к российским условиям В. Н. Карандашевым¹⁷; тест «Смысло-жизненные ориентации» Д. А. Леонтьева¹⁸; опросник на выгорание МВ1¹⁹. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием пакета прикладных программ «STATISTIKA 6,0».

Анализ средних значений показателей состояния психического выгорания у врачей указал на наличие следующих результатов: среднее значение показателя на фазе «напряжение» составило $\bar{X} = 48,63 \pm 20,84$, на фазе «резистенция» – $\bar{X} = 58,46 \pm 17,65$, $\bar{X} = 48,09 \pm 23,56$ отмечалось на фазе «истощение». Средние значения показателей состояния выгорания на всех трёх его фазах у врачей соответствуют уровню диагностируемых значений, что свидетельствует о его возникновении.

К ценностно-смысловым и рефлексивным детерминантам всех компонентов состояния психического выгорания у врачей относят общий уровень рефлексивности ($U = 329,5$, $\rho = 0,006$; $U = 335,0$, $\rho = 0,008$; $U = 377,5$, $\rho = 0,032$), «процесс жизни» ($U = 453,0$, $\rho = 0,049$; $U = 438,0$, $\rho = 0,033$; $U = 417,0$, $\rho = 0,018$), «гедонизм» ($U = 83,5$, $\rho = 0,011$; $U = 93,5$, $\rho = 0,022$; $U = 101,5$, $\rho = 0,036$) и «власть» ($U = 23,5$, $\rho = 0,026$; $U = 577,0$, $\rho = 0,029$; $U = 23,5$, $\rho = 0,026$). «Традиции» ($U = 72,5$, $\rho = 0,045$) и «результативность» ($U = 736,5$, $\rho = 0,026$) обуславливают возникновение психоэмоционального напряжения, «безопасность» ($U = 396,5$, $\rho = 0,000$), результативность жизни ($U = 728,5$, $\rho = 0,022$), конформность ($U = 761,5$,

$\rho = 0,044$), достижения ($U = 829,5$, $\rho = 0,046$) – деперсонализацию, а «безопасность» ($U = 589,0$, $\rho = 0,019$) – редукцию профессиональных обязанностей.

Изучение проецирования профиля профессиональной деятельности как совокупности её предметных и субъективных условий на рефлексивность предусматривало, во-первых, определение меры интегрированности её структурных компонентов с помощью метода анализа структур А. В. Карпова, а во-вторых, сравнительный анализ структурной организации компонентов рефлексивности с использованием метода χ^2 . Определение меры интегрированности её структуры включало подсчет индекса когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности (ИОС) структуры, подсчет весового коэффициента каждого личностного компонента в структуре, качественный анализ базовых качеств структуры. ИКС является количественным показателем синтезированнойности качеств в целостные структуры, выступает одной из основных предпосылок обеспечения эффективности профессиональной деятельности. Как указывает А. В. Карпов, базовые качества как элементы структуры с максимальным количеством связей с другими элементами являются структурообразующими для синтеза всех иных качеств.

Сравнительный анализ индексов, отражающих меру интегрированности структур рефлексивности у врачей в контексте внутрипрофессиональных различий, свидетельствует о наименьшей её интегрированности у врачей-хирургов (ИКС = ИОС = 6 против ИКС = ИОС = 22 соответственно). Кроме того, использование метода χ^2 , с помощью которого осуществлялось изучение гомогенности – гетерогенности структуры рефлексивности у терапевтов и хирургов, показало наличие достоверных различий, о чем свидетельствует отсутствие значимых корреляций между рангами элементов структур (в паре терапевты – хирурги $r = 0,35$ при $\rho = 0,56$). Таким образом, у всех врачей, независимо от их специализации, структуры рефлексивности являются гетерогенными, что демонстрирует проецирование профиля профессиональной деятельности на интегрированность её компонентов.

Сравнительный анализ уровня интегрированности структурных компонентов состояния психического выгорания низко- и среднерефлексивных врачей в контексте внутрипрофессиональных различий указал на следующие результаты (табл. 1).

Индекс когерентности структуры состояния психического выгорания и общей её организованности у низкорефлексивных хирургов оказался в два раза ниже, чем у среднерефлексивных, что свидетельствует о наименьшей её интегрированности. У терапевтов, в отличие от хирургов, наблюдается противоположная тенденция, проявляющаяся в дезинтеграции структуры показателей состояния психического выгорания в группе среднерефлексивных терапевтов (ИОС = 4 против ИОС = 20) (см. табл. 1).

Таблица 1

Мера интегрированности коррелограмм психического выгорания у врачей в контексте внутрипрофессиональных различий с разным уровнем рефлексивности

Мера интегрированности	Уровень рефлексивности			
	Хирурги		Терапевты	
	Низкий	Средний	Низкий	Средний
ИКС	6	12	20	12
ИДС	0	0	0	8
ИОС	6	12	20	4

Обратимся к анализу структурных компонентов рефлексивности в группах «выгоревших» и

«невыгоревших» врачей в контексте внутрипрофессиональных различий (табл. 2).

Таблица 2

Мера интегрированности коррелограмм, базовые качества рефлексивности у врачей в контексте внутрипрофессиональных различий с разным уровнем психического выгорания

Мера интегрированности	Уровень психического выгорания			
	Хирурги		Терапевты	
	Низкий	Высокий	Низкий	Высокий
ИКС	4	2	8	4
ИДС	0	0	0	0
ИОС	4	2	8	4
Базовые качества рефлексии	Перспективная актуальная	Ретроспективная актуальная	Ретроспективная, перспективная, коммуникативная	Ретроспективная, перспективная, актуальная

Индекс когерентности структуры рефлексивности «невыгоревших» хирургов, как и терапевтов, в два раза превышает этот показатель в группе «выгоревших». Сравнительный анализ базовых качеств – компонентов рефлексивности – в группах «выгоревших» и «невыгоревших» хирургов и терапевтов указал на общие и особенные системообразующие компоненты механизма ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания. «Выгоревших» хирургов, в отличие от «невыгоревших», ориентированных на будущее, отличается обращенность к оценке прошлых событий, к анализу уже выполненных действий, их предпосылок, мотивов и причин в конкретной профессиональной ситуации принятия важных решений, когда время на обдумывание своих действий минимально. Непосредственный самоконтроль текущей профессиональной ситуации и склонность к самоанализу характеризуют «выгоревших» терапевтов. Наибольшая роль в структурировании всей системы рефлексивного механизма ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания у хирургов принадлежит к актуальной, а у терапевтов – к ретроспективной и перспективной рефлексии. Таким образом, непосредственный самоконтроль поведения в текущей профессиональной ситуации, зачастую сложной, требующей срочного анализа происходящего и принятия решения с минимальным временем на его обдумывание, соотнесение своих действий с ситуацией и их координация в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием обеспечи-

вают регуляцию состояния психического выгорания у врачей-хирургов. Ретроспективная и перспективная рефлексия как компоненты механизма ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания терапевтов проявляется как склонность к анализу уже выполненной в прошлом деятельности и совершенных событий, их мотивов и предпосылок, допущенных ошибок, склонность к оценке прошлого опыта, а также анализ предстоящей деятельности, тщательное планирование и прогнозирование вероятных исходов лечения.

Сравнительный анализ степени интегрированности компонентов структур рефлексивности и состояния психического выгорания у врачей, независимо от их специализации, указал на их разнородность. У терапевтов значения коэффициентов корреляции между рангами структур психического выгорания $r = 0,45$ при $\rho = 0,55$, между рангами структур рефлексивности $r = 0,16$ при $\rho = 0,79$; у врачей-хирургов $r = 0,17$ при $\rho = 0,79$ и $r = 0,26$ при $\rho = 0,74$ соответственно.

Таким образом, структурный анализ организованности взаимосвязи компонентов рефлексивности и состояния психического выгорания врачей, независимо от их специализации, при их крайне низких и высоких уровневых значениях свидетельствует о взаимодетерминации. С одной стороны, рефлексивность как личностное качество является фактором состояния психического выгорания, а с другой – состояние психического выгорания оказывает обратное влияние на реф-

лексивные процессы. Рефлексия как механизм ценностно-смысловой регуляции состояния психического выгорания врачей в контексте внутрипрофессиональных различий детерминирует его дифференцированно. С повышением уровня рефлексивности степень интегрированности структурных компонентов психического выгорания усиливается у хирургов и уменьшается у терапевтов. Средний уровень рефлексивности помогает терапевтам не только осознавать, но и противостоять влиянию состояния психического выгорания. В отличие от терапевтов низкорефлексивные хирурги являются более эффективными.

Примечания

- 1 См.: Густелёва А. Н. Смыслжизненные ориентации учителей с несформированным уровнем эмоционального выгорания // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий (в медицинской, психологической и педагогической практике). Курск, 2007. С. 49–51 ; Муштаева Н. В. Эмоциональное выгорание как фактор деформации ценностно-смысловой сферы личности в условиях экстремальных ситуаций : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2007. 177 с. ; Ожогова Е. Г. Взаимосвязь синдрома «психического выгорания» и особенностей ценностно-смысловой сферы у педагогов общеобразовательных школ : автореф. ... дис. канд. психол. наук. Саратов, 2008. 25 с. ; Курапова И. А. Нравственно-ценностная регуляция эмоционального выгорания в профессиональной деятельности (на примере педагогов средней и высшей школы) : автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 2009. 22 с.
- 2 См.: Леонтьев Д. А. Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003. 486 с.
- 3 См.: Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний // Психологический журн. 2009. Т. 30, № 2. С. 5–17.

- 4 См.: Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998. 440 с.
- 5 См.: Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982. 185 с.
- 6 Ожогова Е. Г. Указ. соч. ; Курапова И. А. Указ соч. ; Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999. 105 с. ; Орёл В. Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания : дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2005. 449 с.
- 7 Леонтьев Д. А. Указ. соч. С. 235.
- 8 См.: Густелёва А. Н. Указ. соч. ; Ожогова Е. Г. Указ. соч.
- 9 Орёл В. Е. Указ. соч. С. 9.
- 10 См.: Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журн. 2009. Т. 23, № 1. С. 5–17 ; Ball D. W. The definition of the situation // J. of in Social Behavior. 1972. № 2. P. 61–82.
- 11 См.: Прохоров А. О. Указ. соч.
- 12 См.: Шаров А. С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека : автореф. ... дис. канд. психол. наук. Омск, 1999. 27с.
- 13 См.: Карпов А. В., Пономарёва В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. М., 2000. 283 с.
- 14 См.: Карпов А. В., Пономарёва В. В. Указ. соч.
- 15 См.: Бойко В. В. Указ. соч.
- 16 См.: Карпов А. В., Пономарева В. В. Указ. соч.
- 17 Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. СПб., 2004. 70 с.
- 18 Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие. Самара, 2007. 672 с.
- 19 См.: Практикум по психологии состояний : учеб. пособие / под ред. проф. А. О. Прохорова. СПб., 2004. 480 с.

УДК 159.923

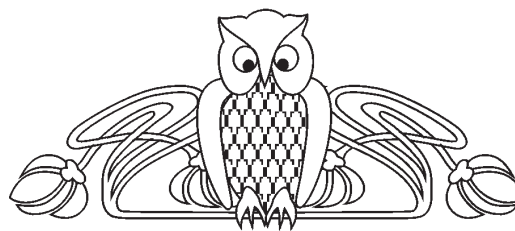
ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВИАНТНЫХ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ

А. В. Печерский

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: aleksejpecherskij@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования функциональных особенностей самосознания девиантных подростков и юношей как личностного конструкта, обуславливающего выбор стратегий преодоления сложных ситуаций социального взаимодействия.

Ключевые слова: личностные ресурсы, личностные детерминанты, социальное взаимодействие, совладающее поведение, самосознание, девиантное поведение.

Personal Resources of Coping of Deviant Adolescent

A. V. Pechersky

The article deals with the study results of functional peculiarities of deviant adolescent self-comprehension as a personality construct which determines the choice of strategies of coping with complex situations in social interaction.

Key words: personal resources, personal determinants, social interaction, coping behavior, self-comprehension, deviant behavior.

Рассмотрение проблем социального взаимодействия общественных субъектов включает в себе круг вопросов, касающихся существа по крайней мере двух взаимосвязанных системообразующих процессов: с одной стороны – взаимного влияния социальных субъектов, обеспечивающего сохранение функциональной целостности социальной системы; с другой – влияния социальной системы на способы взаимодействия входящих в нее субъектов, определяющего модальность процессов изменения как самой системы, так и самости взаимодействующих субъектов.

Необходимо отметить, что в последнее время факторы социальной системы, влияющие на общественных субъектов, настолько агрессивны, сложны и неопределенны, что часто превышают личностную возможность человека справиться с ними. В связи с этим возрастает роль психологических механизмов, способствующих разрешению трудных ситуаций социального взаимодействия, снятию психического напряжения, возникающего в результате воздействия различных стрессоров. Именно этот аспект социального взаимодействия – активное преодоление субъектом трудных критических ситуаций – включает в себе проблемное поле наших исследований.

В зарубежной и отечественной психологической литературе можно выделить несколько подходов к пониманию преодолевающего или совладающего поведения (копинг-поведения), которые сходятся в одном – «копинг» определяется как сумма когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса¹. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой совладание с трудными ситуациями рассматривается как адаптационный процесс, реализуемый на основе имеющегося у человека личностного опыта и личностных ресурсов, или копинг-ресурсов (L. Hartmann, J. White, R. S. Lazarus, A. W. Weber, S. Monnier et al., M. Perrez, D. Reicherts, Н. Н. Мельникова, Л. А. Александрова, 2004). Успешность адаптации к стрессам определяется уровнем развития копинг-ресурсов. Низкое ресурсное развитие приводит к формированию пассивного дезадаптивного копинг-поведения, социальной изоляции и дезинтеграции личности². В рамках данного подхода Д. Амирханом была предложена классификация стратегий совладающего поведения, в которой он выделяет три основные группы:

разрешения проблем – это активные поведенческие стратегии, при использовании которых индивидом задействованы все имеющиеся у него личностные ресурсы, обеспечивающие нахождение возможных способов эффективного разрешения проблемы;

поиска социальной поддержки – активное использование индивидом ресурсов социальной

среды (семьи, друзей, значимых других) для эффективного разрешения проблемы;

избегания – уклонение от психотравмирующего влияния стрессогенных факторов, что может проявляться в избегании контакта со стрессором или в уходе от разрешения трудной ситуации³.

Человек может использовать активные способы избегания, связанные с накоплением временных, энергетических или материальных ресурсов, пассивные, например уход в болезнь или употребление алкоголя, наркотиков, а может совсем «уйти от решения проблем», используя деструктивный способ избегания – суицид.

Считается, что стратегии избегания являются ведущими стратегиями при формировании дезадаптивного, псевдосовладающего поведения. Они направлены на преодоление или снижение дистресса человеком, который находится на более низком уровне личностного развития. Использование этой стратегии обусловлено недостаточностью развития личностных копинг-ресурсов и навыков активного разрешения проблем. Стратегии избегания могут носить адекватный либо неадекватный характер в зависимости от конкретной стрессовой ситуации, возраста и состояния ресурсной системы личности⁴.

Наиболее эффективным для личности является использование всех трех стратегий, выбор которых обусловлен собственными ресурсами и ресурсами ситуации (среды). В некоторых случаях человек может самостоятельно справиться с возникшими трудностями, в других ему требуется поддержка окружающих, в третьих он просто может избежать столкновения с проблемной ситуацией, заранее подумав о ее негативных последствиях. Одним из самых важных ресурсов среды является социальная поддержка. К личностным ресурсам относят адекватную «Я-концепцию», позитивную самооценку, низкий нейротизм, интернальный локус контроля, оптимистическое мировоззрение, эмпатический потенциал, аффилиативные тенденции (способность к межличностным связям) и другие психологические конструкторы.

В настоящей статье представлены результаты исследования обусловленности стратегий преодоления сложных ситуаций социального взаимодействия подростками и юношами с девиантным поведением функциональными особенностями их самосознания. В сравнительном диагностическом исследовании участвовали учащиеся 9 и 10-х классов общеобразовательных школ, стоящие на учёте в инспекциях по делам несовершеннолетних, то есть подростки с девиантным поведением (69 чел.), которые составили основную группу. В контрольной группе были их сверстники с просоциальным поведением (70 чел.). Учитывая наличие гендерных различий в использовании копинг-стратегий, для данного исследования были отобраны только лица мужского пола. Статистический анализ результатов проводился с использованием t-критерия Стьюдента.

Исследование функциональных особенностей самосознания у подростков и юношей с девиантным поведением проводилось нами с использованием методики «Самоотношения», разработанной В. Г. Столиным, С. Р. Пантелевым⁵. Данная методика позволяет выявлять показатели эмоционально-оценочного компо-

нента самосознания, связанные с социальным и межличностным взаимодействием подростков в различных социальных группах. Эти показатели отражают характер самоотношения подростков, последовательность их стремлений, способность к саморегуляции поведения (табл. 1).

Таблица 1

Показатели самоотношения подростков и юношей с девиантным поведением, %

Шкала	Контрольная группа			Подростки с девиантным поведением (основная группа)		
	Выраженность признака					
	Низкая	Средняя	Высокая	Низкая	Средняя	Высокая
Самоуважение	10	52	38	4	42	54*
Аутосимпатия	13	74	13	10	48	42*
Самоинтерес	–	9	91	–	–	100
Ожидание положительного отношения других	4	30	66	12	40	48
Самоуверенность	8	42	50	–	20	80*
Последовательность и саморегуляция	13	35	52	36	64	–*
Самообвинение	39	26	35	58	21	21*
Самопонимание	38	40	22	46	40	14*
Положительное интегральное «Я»	4	66	30	14	75	11*

Примечание. Уровень значимости различий: * – $p = 0,05$.

Анализ результатов выполнения теста подростками и юношами контрольной группы выявляет в основном среднюю и высокую степень выраженности большинства показателей самоотношения. Особенно высокую выраженность имеют показатели самоинтереса (91%) и ожидания положительного отношения других (66%), тогда как показатели выраженности самоуважения, аутосимпатии, самопринятия хотя и являются достаточно высокими, но с преобладанием средних значений, что может свидетельствовать о некотором разрыве между ожидаемым и переживаемым «Я».

Согласно интерпретации результатов выполнения теста большая часть подростков и юношей контрольной группы имеет среднюю и высокую степень выраженности самообвинения, проявляет высокую способность к саморегуляции и положительное интегральное отношение к себе.

Анализ результатов выполнения теста подростками и юношами с девиантным поведением позволил выявить некоторые функциональные особенности структур самосознания у данной категории молодых людей. Например, достаточно высокая выраженность показателей наличного переживаемого «Я» отмечается по шкалам «самоуважение», «аутосимпатия», «самоуверенность», значение которых достоверно отличается от показателей этих же шкал в контрольной группе (см. табл. 1). Это может свидетельствовать о высокой значимости указанных функциональных свойств самосознания, определённой модальности ситуаций межличностного и группового общения, не исключая её фрустрирующего потенциала.

Необходимо также отметить высокие показатели выраженности свойств по шкале «ожидание положительного отношения других людей», которые хотя и имеют некоторые отличия по сравнению с соответствующими показателями в контрольной группе, но эти отличия статистически недостоверны. Это позволяет говорить о значимости положительного отношения других людей как механизма формирования положительного интегрального «Я» для подростков с девиантным поведением. Интегральное «Я», судя по показателям, выявленным в результате исследования, является фрустрированным.

Важными, на наш взгляд, показателями, характеризующими функциональные свойства самосознания подростков, являются данные по шкалам «последовательность и саморегуляция», «самообвинение», «самопонимание», отражающие особенности регулятивной и самоорганизующей функций самосознания. Достоверные различия по данным показателям, выявленные в процессе количественного и качественного анализа эмпирических данных, позволяют говорить о снижении уровня сформированности этих свойств у подростков с девиантным поведением и могут быть интерпретированы с позиций недоразвития у них адаптационного потенциала, незрелости рефлексии, не обеспечивающей критического анализа и реконструкции социальной реальности и оценки себя в этой реальности.

Таким образом, результаты изучения функциональных особенностей самосознания подростков с девиантным поведением позволяют нам сделать следующие выводы.

Подросткам с девиантным поведением свойственно стремление к самоутверждению, высокой оценке себя окружающими, обладанию положительным интегральным чувством «Я». У них, по сравнению с их просоциальными сверстниками, достоверно более высокими являются показатели уровня самоуважения, аутосимпатии, самоуверенности. Если эти свойства рассматривать в комплексе с фрустрированностью ожидания положительной оценки других, положительной интегральной оценки самого себя, то можно с высокой вероятностью говорить о компенсаторной основе развития этих функциональных образований.

Особенности регулятивной и самоорганизующей функций самосознания подростков и юношей с девиантным поведением проявляются в значениях показателей по шкалам «последовательность и саморегуляция», «самообвинение», «самопонимание». Достоверное снижение показателей развития этих качеств личности может свидетельствовать о незрелости рефлексии, не обеспечивающей критического анализа и реконструкции в сознании социальной реальности и оценки себя в этой реальности, формирование личностных смыслов-ценностей. В целом данные характеристики самосознания подростков с девиантным поведением свидетельствуют о выраженности стремления к автономности и самоутверждению, принятии себя и самоуважению, но в сочетании с низкими показателями развития самопоследовательности, саморегуляции и самоконтроля.

Недостаточность знаний о влиянии самосознания подростков и юношества на выбор стратегий преодоления стрессовых ситуаций, связанных с социальной, в том числе и образовательной деятельностью, выводит на актуальный уровень вопросы самодетерминации поведения с позиции системного подхода к анализу функциональной взаимосвязи психических образований личности. Ответы на данные вопросы дают возможность расширить представление о становлении личностных факторов, влияющих на преодоление подростками трудных ситуаций социального взаимодействия и формирование различных, в том числе и неадаптивных, отклоняющихся форм поведения, поэтому одной из задач нашего исследования являлось изучение особенностей копинг-стратегий подростков и юношей с девиантным поведением.

Предполагалось, что молодыми людьми ввиду недостаточности опыта социального взаимодействия в трудных, стрессогенных ситуациях чаще используются неадаптивные и неэффективные копинг-стратегии, что обуславливает необходимость специальной психолого-педагогической работы по формированию у них черт, обеспечивающих выбор эффективных копинг-стратегий.

Для решения поставленной задачи использовалась методика «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса (табл. 2).

Таблица 2

Показатели выраженности копинг-стратегий у подростков исследуемых групп, %

Субшкалы	Основная группа	Контрольная группа
Конфронтативный копинг	60,4*	32,0
Дистанцирование	64,6*	36,0
Самоконтроль	52,1	54,0
Поиск социальной поддержки	41,6*	58,0
Принятие ответственности	43,7	46,0
Бегство-избегание	39,5*	56,0
Планирование решения проблемы	75,0	78,0
Положительная переоценка	68,7*	40,0

Примечание. Уровень значимости различий: * – $p = 0,05$.

Анализ полученных данных проводился в двух плоскостях: первая связана с критерием эффективности /неэффективности копинг-стратегий, используемых подростками и юношами в трудных, стрессовых ситуациях. Считается, что неэффективными являются конфронтативный копинг, непосредственно связанный со способностью индивида к адаптации в условиях трудной ситуации, копинги «дистанцирование» и «избегание», которые чаще всего свидетельствуют о неспособности справиться с ситуацией и поиском когнитивных механизмов, позволяющих уменьшить значимость проблемы, отделиться от неё (данные копинг-стратегии направлены на совладание с отношением индивида к проблеме,

а не на её решение). Неоднозначно оценивается и «позитивная переоценка ситуации». С одной стороны, придание проблеме позитивного значения уменьшает стресс и служит эмоциональному приспособлению к нему; с другой стороны, изменение отношения может означать уход от решения конкретных практических проблем⁶.

Согласно полученным показателям частота использования конфронтативных копинг-стратегий в основной группе подростков и юношей достаточно высока (более 60%), её показатели достоверно выше, чем в контрольной группе ($p \leq 0,05$). Также выявляются достоверные различия в использовании стратегии дистанцирования, что может указывать на изменение отношения

подростков основной группы к трудной ситуации и связанной с ней личностной проблеме, нивелирование её значения в системе личностных смыслов, формирующихся в конкретной ситуации социального взаимодействия. Вместе с тем примечательными являются показатели выбора стратегий избегания, значение которых в основной группе достоверно отличается меньшей выраженностью от таковых в группе просоциальных подростков. Данные показатели, на наш взгляд, можно расценивать следующим образом: избегание как стратегия ухода от проблем, как отсутствие не только возможности, но и стремления к их решению в меньшей степени проявляется в поведении девиантных подростков. Чаще в трудных, стрессогенных ситуациях они используют стратегии, связанные с совладанием, касающиеся отношения к проблеме (изменение отношения к ней), уменьшением её личностной значимости или её позитивной переоценкой (см. табл. 2), что обеспечивается, по всей видимости, отвержением социальных норм оценки проблемы, ситуации и применением личностно-значимых оправдательных атрибуций, обуславливающих эмоциональное решение проблемы.

Вторая плоскость анализа связывалась нами с исследованием особенностей поведения подростков, связанного с использованием более адаптивных и ресурсных копингов в сложных ситуациях, которые обеспечиваются когнитивными процессами, сфокусированными на поиске информации извне с привлечением социального окружения, принятии решений, обеспеченных ответственностью за совершение конкретных действий по преодолению ситуации.

Анализ данных (см. табл. 2) позволяет констатировать, что девиантные подростки реже, чем их просоциальные сверстники, используют стратегии, связанные с «поиском социальной поддержки». Возможно, это свидетельствует о недостатке способностей к перераспределению ресурсов и использованию помощи со стороны для совладания с трудной ситуацией.

В то же время необходимо отметить и другие особенности копинг-стратегий подростков изучаемых групп, которые связаны с принятием ответственности, самоконтролем в кризисной ситуации и планированием решения проблем. Эти стратегии обеспечены признанием своей роли в проблеме, её анализом и сфокусированы на решении проблемы. Сравнительный анализ показателей рассматриваемых копинг-стратегий (см. табл. 1) свидетельствует о том, что соответствующие для данных поведенческих стратегий личностные ресурсы у девиантных подростков и их просоциальных сверстников не достигли необходимого уровня; это фиксируется в показателях частоты их использования, которые у испытуемых основной и контрольной групп не имеют различий. Таким образом, личностный потенциал

подростков пока еще не обладает необходимыми для эффективного преодоления трудных ситуаций копинг-ресурсами.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы. Девиантные подростки в трудных в социальном плане, проблемных ситуациях чаще используют неадаптивные конфронтативные копинг-стратегии и реже, чем их просоциальные сверстники, стратегии, направленные на поиск путей разрешения ситуации с привлечением ресурсов извне, что может расцениваться как неспособность к перераспределению ресурсов и использованию помощи со стороны.

Более частым психологическим механизмом совладания с трудной ситуацией у подростков с девиантным поведением являются изменение отношения к проблеме, уменьшение её личностной значимости, а также позитивная переоценка проблемы или ситуации, что, по всей видимости, обеспечивается отвержением социальных норм её оценки и применением личностно-значимых оправдательных атрибуций, обуславливающих снятие психологического напряжения, эмоциональное решение проблемы.

Недостаточно развитыми у подростков являются способности к принятию ответственности, к самоконтролю, фокусированию проблемы, её анализу и планированию решения, что проявляется в дефиците соответствующих стратегий их поведения и может являться источником психического напряжения и неадаптивного асоциального поведения.

Обобщение результатов исследования содержательных и функциональных особенностей самосознания и стратегий поведения подростков в сложных, критических ситуациях позволяет нам выявить психологические механизмы их взаимовлияния. Одним из них является фрустрированность потребности в положительной оценке себя другими и, как следствие, фрустрированность положительной интегральной оценки самого себя, что является препятствием в использовании стратегий поведения в сложных ситуациях, направленных на поиск путей их разрешения с привлечением ресурсов извне, их перераспределению и использованию помощи со стороны для совладания с трудной ситуацией.

Ещё одним механизмом влияния самосознания на формирование стратегий поведения в трудных ситуациях является сочетание незрелой рефлексии, не обеспечивающей критического анализа и оценки себя в реальности межличностного и группового взаимодействия, с выраженным стремлением к высокому самоуважению и самоуверенностью, что обуславливает низкие адаптивные параметры регулятивных и самоорганизующих свойств личности, проявляющихся в формировании неадаптивных – конфронтативных, дистанцирующих, избегающих – стратегий поведения в трудных ситуациях, а также стратегий, связанных с изменением отно-

шения к проблеме, уменьшением её личностной значимости или её позитивной переоценкой, что обеспечивается, по всей видимости, отвержением социальных норм оценки проблемы, ситуации и применением личностно-значимых оправдательных атрибуций, обуславливающих её эмоциональное решение.

Примечания

¹ См.: Lazarus R. S. Emotion and Adaptation // Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y., 1984. 340 p.

² См.: Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 2. С. 104–109.

³ См.: Amirkhan J. H. Factor analytical driven measure of coping: the strategy indicator // J. of Personality and Social Psychology. 1990. Vol. 59. P. 1066–1074.

⁴ См.: Сирота Н. А. Копинг-поведение в подростковом возрасте. СПб., 1994. 283 с.

⁵ См.: Столин В. В., Пантелеев С. П. Опросник самоотношения // Психодиагностические материалы. М., 1988. С. 123–130.

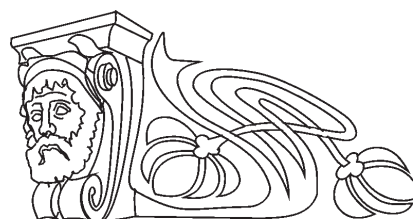
⁶ Цит. по: Муздыбаев К. Указ. соч.

УДК 316.6:159.923

СТРУКТУРА СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ МИГРАНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ

Н. В. Усова

Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета
E-mail: usova_natalia@mail.ru

В статье обсуждаются результаты сравнительного изучения взаимосвязи эмоционального и когнитивного компонентов субъективного благополучия мигрантов, проживающих в России, и коренных жителей России. Определяются сходство и различия в структуре субъективного благополучия, выделяются ее ядерные компоненты.

Ключевые слова: субъективное благополучие, эмоциональный и когнитивный компоненты субъективного благополучия, личность, социальная активность, миграционное поведение.

Subjective Wellness Structure for Migrants Living in Russia

N. V. Usova

The article discusses comparative study results, evaluating subjective wellness emotional and cognitive components correlation between migrants living in Russia and Russian natives. Subjective wellness structure similarities and differences are being determined, and its core components are being highlighted.

Key words: subjective wellness, subjective wellness emotional and cognitive components, individual, social activity, migration behavior.

Международная миграция населения относится к числу крупномасштабных, глобальных и набирающих все большую силу общественных процессов современности. По данным Федеральной миграционной службы в начале 2011 г. в Россию въехало 10 млн иностранных граждан¹. Изменение места жительства стало достаточно обыденным явлением для личности; постепенно формируется социальная норма на миграцию. Трансформация современных миграционных процессов тесно связана с изменением направлений, интенсивности, масштабов миграционных

потоков, моделей миграционного поведения населения. Так, на смену вынужденной все чаще приходит добровольная миграция, характеризующаяся самостоятельным принятием миграционного решения и невынужденным перемещением на новое место жительства на территории другого государства.

Необратимая глобализация, общий уровень политических и экономических отношений предполагают укрепление международных связей, превращение современного человека в «человека мира», что означает возможность его комфортного пребывания в любой, в том числе и поликультурной среде. Именно поэтому в последнее время стали актуальными исследования, связанные с проблемами адаптации человека в новом социуме (В. В. Гриценко, Т. И. Заславская, В. Н. Павленко, Г. У. Солдатова, И. А. Субботина, Д. Берри, Д. Финни, К. Уорд и др). При исследовании удовлетворенности различными сторонами жизнедеятельности вынужденных мигрантов В. В. Гриценко выявлена значимость факторов типа поселения, принятия себя в новой ситуации, налаживания отношений с коренными жителями и других – и соотнесенность с характером социально-психологической адаптации личности².

В исследованиях Р. М. Шамионова было показано, что формированию субъективного благополучия способствует субъективная позиция личности. Соединение категорий «субъектность» и «позиция» в одно понятие определяет его как способность субъекта осваивать и творчески преобразовывать действительность, изменять свой внутренний мир, выстраивая стратегию и тактику

жизнедеятельности (В. А. Слостенин, Е. Н. Шиянов). Это сложная целостная система отношений личности – носителя личностно значимых целей и ценностей, которые реализуются в поведении и деятельности. Г. А. Аксенова определяет её как системное отношение внутренних, психических элементов, позволяющих человеку определенным образом (непротиворечиво и гармонично) осуществлять взаимодействие одновременно с внешней и внутриличностной средой.

Ограничение субъектной позиции приводит к двум следствиям, касающимся субъективного благополучия: прямому, заключающемуся в снижении субъективного благополучия от сознания (рефлексии) неспособности проявить активность в широком контексте, и косвенному – в неудовлетворенности результатами своей деятельности, отношений и т. п. Можно предположить, что субъективное благополучие мигрантов обеспечивается за счет своеобразного сочетания различных отношений, а также компонентов благополучия³.

Миграция сильно влияет на судьбы людей, приводит к изменению и обогащению жизненного пути, но одновременно вырывает их из привычной обстановки. Важно выяснить, как связана динамика жизненного пути с переездами, с миграционной биографией человека⁴. Возникает и новая задача: проследить, влияет ли и как влияет миграционная мобильность на субъективное благополучие личности. Результаты исследования могут быть актуальными для психологов, работающих в миграционных службах, обеспечивающих адаптацию мигрантов и способствующих формированию субъективного благополучия личности, а также для психологического обеспечения подготовки специалистов, выезжающих на временной основе за рубеж. Цель нашего исследования – сравнительное изучение структуры и взаимосвязи эмоционального и когнитивного компонентов субъективного благополучия мигрантов, проживающих в России, и коренных жителей.

В исследовании приняло участие 58 мигрантов, прибывших в Россию из стран ближнего зарубежья – Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Армении, – и 62 коренных жителя России. Использованы следующие методики: шкала субъективного благополучия (адаптированная М. В. Соколовой), опросник социальной фрустрированности Л. И. Вассермана, опросник О. С. Копиной «Ваше самочувствие», методика «Факторы удовлетворенности жизнью», разработанная Е. В. Балацким. Для обработки результатов использованы t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ по методу Пирсона.

Обратимся к результатам исследования: рассмотрим уровневые показатели субъективного благополучия в группах мигрантов и россиян (таблица). Результат анализа когнитивного и эмоционального компонентов субъективного благополучия свидетельствует, что выраженность этих компонентов несколько различается. В целом

россияне и мигранты демонстрируют схожие результаты: показатель t-критерия Стьюдента свидетельствует в пользу сходства средних по интегральной шкале эмоционального и когнитивного компонентов субъективного благополучия. Вместе с тем имеется существенное расхождение показателей признаков, сопровождающих основную психоэмоциональную симптоматику. Данный результат свидетельствует о том, что иностранные граждане, проживающие на территории России, реже испытывают нервное напряжение, более спокойны и меньше, чем коренные жители, испытывают физическое и психологическое истощение. Показатели значимости социального окружения говорят о том, что мигранты более благополучны, нежели россияне, что свидетельствует о недостатке социальной поддержки у последних.

Показатели эмоционального и когнитивного компонентов субъективного благополучия

Показатель	Россияне	Мигранты	t-критерий Стьюдента
Общий показатель субъективного благополучия	59,3	54	1,34
Психоэмоциональная симптоматика	16,3	13,61	2,02*
Удовлетворенность отношениями с супругом	1,48	1,0	2,26
Удовлетворенность отношениями с ребенком	1,41	0,6	2,97
Удовлетворенность отношениями с друзьями	0,91	0,4	3,10

* – $p < 0,05$.

Основные различия между показателями когнитивного компонента субъективного благополучия касаются социальной сферы: мигранты демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности отношениями с супругом(ой), с детьми и друзьями.

Статистически значимых различий в показателях удовлетворенности жизнью, исследуемых с помощью методики О. С. Копиной, нами не обнаружено, но существуют некоторые различия: удовлетворены условиями труда больше россияне, общением с друзьями и возможностью использовать заработанные деньги – мигранты.

Из представленных выше данных следует, что эмоциональный и когнитивный компоненты субъективного благополучия россиян и мигрантов имеют больше сходства, чем различий.

Обратимся к результатам изучения удовлетворенности основными факторами жизнедеятельности, полученными с помощью методики Е. В. Балацкого. Характеризуя удовлетворенность

жизнью мигрантов, проживающих на территории России, можно отметить среднюю степень удовлетворенности по основным параметрам. Исключение составляют «семейное благополучие» (4,35) и «наличие эффективных неформальных социальных контактов» (4,09) – ими респонденты удовлетворены. «Социальная стабильность и уверенность в будущем» (2,96), напротив, является наиболее фрустрирующим фактором.

Удовлетворенность основными факторами жизнедеятельности выше у группы россиян, наиболее значимые различия касаются «личностной и семейной безопасности», «уверенности в будущем» и «здоровья». Факторов, фрустрирующих жизнедеятельность данной подгруппы, нами не обнаружено.

Результаты исследования демонстрируют тенденцию к большей удовлетворенности мигрантов семейным благополучием и эффективными неформальными социальными контактами.

Таким образом, результаты данного этапа исследования позволяют говорить о том, что мигранты, проживающие на территории России, поддерживают гармоничные отношения как с членами семьи, так и с друзьями и близкими. Свои жилищно-бытовые условия опрошенные оценивают как удовлетворительные. Они считают, что у них есть ограниченные, но реальные возможности для реализации личностного и профессионального потенциала. При этом мигранты ощущают на себе последствия социальных и политических потрясений, которые являются результатом плохо продуманных и неподготовленных экономических реформ, инфляции и безработицы, что, в свою очередь, приводит их к мыслям о социальной нестабильности и неуверенности в будущем.

Рассмотрим корреляционные связи между различными компонентами субъективного благополучия в исследуемых группах. У россиян ($r = 0,411^{**}$) и мигрантов ($r = 0,452^{**}$) имеется прямая положительная связь между когнитивным и эмоциональным компонентами субъективного благополучия.

У россиян эмоциональный компонент субъективного благополучия детерминирован удовлетворенностью взаимоотношениями с коллегами ($r = 0,30$), субъектами профессиональной деятельности ($r = 0,42$), своим положением в обществе ($r = 0,27$) и материальным положением ($r = 0,26$), отношениями с друзьями ($r = 0,32$), проведением досуга ($r = 0,34$), образом жизни в целом ($r = 0,35$). Кроме того, изменение настроения ($r = 0,44$), значимость социального окружения ($r = 0,43$) и самооценка здоровья ($r = 0,47$) связаны с интегральным показателем социальной фрустрированности (неудовлетворенности). Это свидетельствует о значимости оценки сфер жизнедеятельности с точки зрения удовлетворенности ими в эмоциональном субъективном благополучии россиян.

У мигрантов эмоциональный компонент субъективного благополучия детерминирован

несколько другими параметрами удовлетворенности, а именно бытовыми условиями в районе проживания ($r = 0,51$), условиями профессиональной деятельности ($r = 0,56$), обстановкой в обществе ($r = 0,55$). Интегральный показатель социальной фрустрированности взаимосвязан с напряженностью и чувствительностью ($r = 0,36$). Данный результат в целом говорит о значимости удовлетворенности сферами жизнедеятельности с точки зрения удовлетворенности ими в эмоциональном субъективном благополучии, но роль этих сфер не столь значительна, как в группе россиян.

Обратим внимание и на ядерные подструктуры когнитивного компонента субъективного благополучия в разных выборках. У россиян в этой структуре обилие связей между удовлетворенностью материальным положением, обстановкой в обществе, своим положением в обществе, отношениями с коллегами, субъектами профессиональной деятельности. Однако обилие связей вызывает сомнение в устойчивости структуры. Тем не менее ядерную подструктуру составили фундаментальные сферы, отличающиеся высокой степенью значимости для испытуемых.

Структуру субъективного благополучия мигрантов составили: политическая активность, возможность выразить себя, материальное положение, удовлетворенность содержанием и условиями профессиональной деятельности и отдых. Следует отметить меньшее количество обнаруженных взаимосвязей, что свидетельствует о более устойчивой структуре субъективного благополучия.

Подведем некоторые итоги. Эмоциональный и когнитивный компоненты субъективного благополучия россиян и мигрантов имеют больше сходства, чем различий. Оценка различных сфер жизнедеятельности россиян является определяющей с точки зрения удовлетворенности ими в эмоциональном субъективном благополучии россиян. В группе мигрантов данный параметр имеет меньшее значение.

Наиболее благополучными факторами жизнедеятельности мигрантов в России являются «семейная жизнь» и «наличие эффективных неформальных контактов», фрустрирующим фактором – «социальная нестабильность, отсутствие уверенности в будущем». С точки зрения субъективного благополучия мигрантов наиболее ценными являются политическая и социальная активность, личностная и профессиональная реализация. Субъективное благополучие коренных жителей России детерминировано материальным положением, досугом, здоровьем и личностным развитием.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант № 11-06-00026 а).

Примечания

- ¹ См.: Данные Федеральной миграционной службы. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/> (дата обращения: 21.10.2011).
- ² См.: Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002. 252 с.

- ³ См.: Шамионов Р. М., Усова Н. В. Структура субъективного благополучия российских мигрантов в Европе и иностранцев в России // Вест. гос. ун-та управления. М., 2011. № 7. С. 111–114.
- ⁴ См.: Переведенцева А. В. Влияние миграционной мобильности на жизненный путь молодежи в конце 80-х – начале 90-х годов XX века : дис. ... канд. социол. наук. М., 2003. 201 с.

УДК 159.95

ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ЕГО ИНТЕГРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Н. И. Чернецкая

Иркутский государственный университет (филиал в г. Ангарске)
E-mail: cherna@yandex.ru

Статья посвящена обоснованию принципов развития творческого мышления школьников с позиций интегральной концепции, трактующей его как высший уровень мышления. Предполагается, что творческое мышление может быть развито благодаря специально организованной интеграции отдельных видов мышления.

Ключевые слова: творчество, творческое мышление, интегральная концепция творческого мышления.

Foundations of Development of School-Age Children's Creative Thinking on the Basis of its Integrative Conception

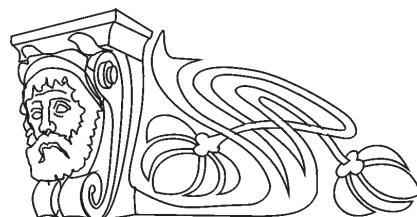
N. I. Chernetskaya

The paper refers to the grounding of school-age children's creative thinking development foundations from the point of the integrative conception of creative thinking that deals with creative thinking as with the highest level of thinking. It is assumed that that creative thinking can be developed by purposely organized integration of separate forms of thinking.

Key words: creativity, creative thinking, integrative conception of creative thinking.

Творческое мышление – феномен, имеющий большое значение для организации и психолого-педагогического сопровождения учебного процесса. На современном этапе более продуктивно и исторически закономерно трактовать творческое мышление не как вид мышления, а как его высшую форму, высший этап, уровень его развития. Творческое мышление – одновременно и дивергентное, и версионное, и гипотетическое, и продуктивное мышление, поскольку это результат интеграции отдельных видов и форм мышления. Такой подход к этому феномену получил название его интегральной концепции¹.

Интегральная концепция творческого мышления объединяет и структурирует имеющиеся психологические данные о нём и позволяет рас-

сматривать его в нескольких качествах: 1) как высший уровень развития мышления; 2) максимальную форму развертывания всех мыслительных функций; 3) механизм интеграции различных видов мышления в его структуре; 4) совокупность совершенных механизмов мыслительной деятельности².

Эта концепция позволяет строить развивающие творческое мышление школьников программы по совершенно иным законам: в них целенаправленное формирование мышления происходит не за счет тренировки и «натаскивания» беглости, гибкости, оригинальности и точности, а за счет взаимной интеграции отдельных видов и форм мышления как структурных компонентов творческого. Первостепенное значение при построении любых развивающих занятий со школьниками имеет опора на такие аксиоматические методологические подходы, как качественный, генетический, возрастной, культурно-исторический, личностный, деятельностный. Они определяют ряд принципов: активности, инициативности, субъектности, опоры на зону ближайшего развития, на обучение и среду как движущие силы развития, принцип ведущей роли личностного развития по отношению к интеллектуальному и физическому, уникальности и самоценности развития ребенка в школьном детстве, амплификации развития в противоположность интенсификации и др.³

Перечисленные принципы являются общеметодологическими и универсальными, однако это ни в коей мере не уменьшает их значения для развивающих программ творческого мышления. Например, принципы личностного подхода и амплификации в контексте проблем развития творческого мышления подразумевают целостный подход к личности ребенка, развитие

этого мышления не как автономной функции, а как важного компонента психики и личности школьника.

Говоря о формировании творческого мышления в условиях школы, мы подразумеваем не только обучение школьников навыкам решения творческих задач, но и развитие их творческой личности в целом, поэтому названные принципы, касающиеся учета возрастных особенностей, понимания творческого мышления как деятельности и его развития в деятельности, а также учета культурно-исторического контекста его развития в своей совокупности обеспечивают целостность и системность соответствующих развивающих программ.

Особого внимания заслуживают специфические принципы, связанные с самой сущностью творческого мышления и определяющие особенности развивающей и формирующей работы.

А. М. Столяров, исследующий специально, целенаправленно развитие творческого мышления школьников, выделяет следующие условия его формирования, которые также можно трактовать как принципы развивающего воздействия на него:

- паритет заданий дивергентного и конвергентного типов – задания дивергентного типа должны не только присутствовать, но и в некоторых предметных занятиях преобладать;
- доминирование развивающих возможностей учебного материала над его информационной насыщенностью;
- сочетание развития продуктивного мышления с навыками его практического использования;
- доминирование исследовательской практики над репродуктивным усвоением знаний;
- ориентация на интеллектуальную инициативу;
- неприятие конформизма – исключение моментов, требующих конформистских решений;
- формирование способностей к критичности и лояльности в оценке идей;
- стремление к максимально глубокому исследованию проблемы;
- высокая самостоятельность учебной деятельности, самостоятельный поиск знаний, исследование проблем;
- индивидуализация – создание условий для полноценного проявления и развития специфических личностных функций субъектов образовательного процесса;
- проблематизация – ориентация на постановку проблемных ситуаций⁴.

При решении проблемы развития творческого мышления как образовательно-педагогической наиболее часто постулируются следующие принципы:

- вдумчивый отбор новых фактов, малоизвестных сведений для того, чтобы вызвать интерес учащихся к разным явлениям жизни;

- помощь в осмыслении, перестройке, уточнении житейских представлений под влиянием научного объяснения;

- развитие умственной деятельности, включение учащихся в самостоятельный поиск решения поставленных задач, помощь в преодолении трудностей и содействие эмоциональному подъему;

- вооружение учеников необходимыми умениями, помощь в оперировании знаниями, в творческом использовании их для решения практических вопросов и получения новых знаний;

- предоставление детям возможности наблюдать за степенью своего продвижения;

- стремление обеспечить успех в деятельности каждого ученика;

- помощь во включении учащихся в активную трудовую деятельность⁵.

Особое значение в контексте тематики настоящего исследования приобретают частные принципы, логически и эмпирически вытекающие из интегральной концепции творческого мышления. Они – логическое следствие интегральной концепции творческого мышления, направленное на практическую развивающую работу с ним. Творческое мышление является интегральным образованием и может развиваться через последовательную интеграцию своих сторон, то есть отдельных видов и форм. Это означает, что основная задача развивающей программы заключается не в простой тренировке отдельных параметров мышления, а в обеспечении их взаимодействующего функционирования.

Некоторые виды мышления не развиваются сами по себе, а оказывают существенное влияние на другие, до некоторой степени являются их детерминантами: например, абстрактное мышление влияет на теоретическое, продуктивное, словесное, образное и системное. Следовательно, можно использовать отдельные виды мышления как инструмент развивающего воздействия по отношению к другим видам.

Естественный онтогенез творческого мышления, заключающийся в установлении взаимосвязи и взаимодействия видов мышления внутри его классификаций и между ними, так что составляющие творческого мышления могут выступать по отношению друг к другу как детерминанты, регуляторы, факторы и т. д., должен быть искусственно воссоздан и ускорен в развивающей программе.

Некоторые виды мышления могут трактоваться как факторы развития других, более сложных, и эти факторные отношения необходимо учитывать и использовать в развивающей программе: развивая системное, продуктивное, дивергентное мышление, необходимо первоначально обеспечить достаточно высокий уровень логического, образного, словесного. В развивающей программе необходимо искусственно воссоздавать и стимулировать порядковые отношения

(в генетическом и онтогенетическом плане) между свойствами и видами мышления (логичность, образность, абстрактность – первичные; системность, продуктивность – вторичные; дивергентность, прогностичность – третичные).

Принцип учета онтогенетической рядоположенности отдельных видов и форм мышления заключается в том, что виды и формы мышления, развивающиеся примерно в один и тот же возрастной период, должны стимулироваться параллельно и в развивающей программе. Сходные по содержанию и когнитивным механизмам виды мышления (например, абстрактное и логическое, которые часто объединяют в абстрактно-логическое, подчеркивая тем самым их сущностное единство) должны развиваться в программе во взаимосвязи.

Некоторые виды мышления в структуре творческого становятся более эффективными, если их развивать во взаимосвязи с другими, отличающимися от них целями, функциями или содержанием: логическое мышление становится более эффективным, если связывается с прогностическим – первое обеспечивает структуру решения задачи, а второе экстраполирует эту структуру в будущее. То же касается лабильного и образного мышления: образное характеризует уровень оперирования образами, а лабильное – скорость и гибкость интеллектуальной деятельности, поэтому при их связывании в развивающей программе эффективность творческого мышления в целом будет повышаться. Развивать такие виды мышления в изоляции бессмысленно и нецелесообразно.

Принцип использования некоторых видов мышления как универсальных опосредующих компонентов в структуре творческого – например, таким универсальным звеном является словесное мышление, как и образное. Поэтому, во-первых, конкретные упражнения или занятия развивающей программы должны использовать словесный и образный материал, давая возможность остальным видам мышления проявиться в содержательно различном контексте; во-вторых, названные виды можно целенаправленно связывать с другими, расширяя взаимосвязь в структуре творческого мышления.

Некоторые содержательно противоположные виды мышления, например теоретическое и практическое, тем не менее оказываются связанными между собой в структуре творческого, и в процессе целенаправленного развития эти связи необходимо усиливать, развивая, тем самым, разные стороны творческого мышления, в частности его диалектическую способность, и в целом повышая интеллектуальный потенциал учащегося.

Высшие формы мышления (системное, дивергентное, прогностическое, продуктивное) связаны между собой значимыми корреляционными связями; они функционируют не по отдельности, а образуют единую систему, и в рамках развива-

ющей программы необходимо на это ориентироваться. Содержательно дивергентное, системное, прогностическое и продуктивное мышление более других видов приближено к творческому – оно во многом сходно по своему генезису и онтогенетическим закономерностям развития. Именно эти виды можно считать ключевыми компонентами творческого мышления и одновременно критерием его развития в развивающей программе. Причем следует помнить, что перечисленные виды сущностно приближаются к творческому мышлению именно тогда, когда они взаимно «перекрываются» (продуктивное – дивергентное, системное, прогностическое и т. д.).

На основании проведенного нами эмпирического исследования было выделено три основных вида творческого мышления: системно-теоретическое, образно-практическое и лабильно-логическое (творческое мышление, образованное за счет дивергентности, стоит особняком среди его видов). Развивающие программы должны ориентироваться на ключевые структурные составляющие творческого мышления того или иного школьника индивидуально⁶. При этом в структуре каждого варианта творческого мышления имеются один содержательный и один процессуальный системообразующие признаки. Это сочетание делает их разносторонне совершенными, хотя и обеспечивает различные виды эффективности в отношении разных проблемных задач. У разных видов творческого мышления могут быть разные критерии результативности, что необходимо учитывать в развивающих программах.

Обобщая приведенные выше принципы, можно сформулировать несколько положений, на которых будет основываться авторская развивающая программа:

- творческое мышление является не исключительным, а относительно универсальным психическим феноменом, поэтому в программе развития творческого мышления, основанной на интегральной концепции, могут участвовать все желающие школьники – никакого специального отбора не требуется;

- развивающая программа нацелена не на выявление и развитие одаренных детей, а на оптимизацию мышления с целью его вывода на высший уровень – творческий;

- в программе некорректно и нецелесообразно говорить о наличии или отсутствии творческого мышления, поскольку его потенциал заключается в развитии и сочетании отдельных видов и форм, входящих в структуру творческого мышления;

- творческое мышление, понимаемое как высший уровень мышления, может быть целенаправленно сформировано/развито на основе тех или иных основных его компонентов (в зависимости от его структурного варианта);

- основное содержание развивающей программы заключается не в тренировке навыков

изобретательства или «натаскивании» беглости, гибкости и оригинальности, а в развитии компонентов мышления в их корреляционных, факторных и иных отношениях, в результате чего будет сформирована структура творческого мышления.

Таким образом, развивающие программы творческого мышления как интегрального образования должны строиться на основе приведенных выше общеметодологических и частных принципов, вытекающих из интегральной концепции. Частные принципы в обобщенном виде, в сущности, указывают на то, что интегральная природа творческого мышления может развиваться в управляемых условиях, и главное, к чему стремится развивающая программа, – это искусственное воссоздание и стимулирование естественных интегральных отношений в структуре творческого мышления учащегося.

Примечания

- 1 См.: Чернецкая Н. И. Творческое мышление как высшая форма мышления // Вестн. Адыгейского ун-та. 2009. Вып. 2. С. 257–263.
- 2 См.: Чернецкая Н. И. К проблеме интеграции психологических теорий творческого мышления // Вестник РГУ им. И. Канта. 2009. Вып. 5. С. 45–51.
- 3 См.: Васильев И. А. Рефлексивный подход к изучению и развитию творческого мышления // Вопр. психологии. 1991. № 3. С. 103–104.
- 4 См.: Столяров А. М. Эвристические приемы и методы активизации творческого мышления. М., 1988. 126 с.
- 5 См.: Чернецкая Н. И. Психология творчества : учеб. пособие. Иркутск, 2010. 203 с.
- 6 См.: Чернецкая Н. И. Изучение типологической структуры творческого мышления как интегрального образования методом кластерного анализа // Гуманизация образования. 2010. № 6. С. 19–25.

УДК [316.6:159.923] (082)

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЭТНОСОВ

Р. М. Шамионов

Саратовский государственный университет
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье обсуждаются результаты исследования взаимосвязи стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов (русских, казахов, армян). Показано, что в условиях угрозы благополучию в той или иной сфере представители этнических групп прибегают к различным поведенческим стратегиям. Установлена этноспецифичная взаимосвязь характеристик удовлетворенности личности и готовности к рискованному поведению.

Ключевые слова: личность, этническая группа, субъективное благополучие, стратегия поведения, рискованность.

Strategies of Behavior Interrelation Subjective Well-Being Representatives Contact Ethnic Groups

R. M. Shamionov

The article discusses the results of research on the relationship of behavior strategies and subjective well-being of representatives contact ethnic groups (Russians, Kazakhs, Armenians). It is shown that in the face of threats to the well-being of some of the representatives of the ethnic groups have resorted to various behavioural strategies. Established ethnic specificity of the relationship between the characteristics of individual satisfaction and willingness to engage in risky behaviour.

Key words: identity, ethnic group, subjective well-being, strategy conduct, riskiness.

Изучение взаимосвязи стратегий поведения в разных областях социальной активности и субъективного благополучия личности находится в плоскости актуальных проблем современной социальной психологии личности. Данная взаимосвязь характеризуется тем, что одно явление выступает порождением и одновременно детерминантой другого. Ряд исследований показал, что не только положительный результат социальной активности (некое достижение), но и само стремление выступают существенным фактором субъективного благополучия, и напротив, неблагополучие при определенных обстоятельствах порождает активность. Даже если социальная активность выступает способом компенсации каких-либо недостатков или средством преодоления фрустраторов, она во многом очерчивает круг объектов удовлетворенности личности. К примеру, миграционная активность в настоящее время (равно как и в течение 20 лет в России) достаточно высока, но связано это не столько с экономическими причинами, как отмечают исследователи, сколько с социально-политическими, ценностно-смысловыми, о чем свидетельствует уже то, что мигрантами становятся в большинстве случаев люди с высокой квалификацией. Иначе говоря, мо-

бильность такого рода в большей степени связана не с неудовлетворенностью только материальным состоянием, но с целым комплексом фрустрированных потребностей. В этом отношении субъективное благополучие, изучаемое во взаимосвязи со стратегиями поведения, становится значимым обстоятельством в прогнозировании поведения и раскрытии его механизмов. Вместе с тем, как нами показано ранее, сильное субъективное неблагополучие блокирует любую активность, что становится барьером в самореализации личности.

Необходимо учесть и тот факт, что субъективное благополучие личности имеет свое активное начало, которое выражается в направлении активности на достижение успеха (но не диффузной разнонаправленной активности). В преломлении этнического фактора социальная активность регламентируется рядом культурно-специфичных ограничений. Так, в западной культуре, как правило, имеется норма на индивидуально-ориентированную активность. В российской культуре, скорее, она связана с коллективизмом и в большей степени определяется социальной конгруэнтностью (ситуативной, диспозиционной и пр.). Иначе говоря, социальная конгруэнтность россиянина и немца, например, не означает одно и то же, поскольку в разных этнических группах закладываются специфичные нормы, включая и нормы активности и в немалой степени способов ее реализации – стратегий поведения. Сообразность социальной активности и стратегий поведения определенным этническим нормам, очевидно, выступает фактором субъективного благополучия. Однако надо иметь в виду, что это связано с этнической социализацией и, соответственно, идентификацией с этнической группой и принятием ее норм.

Глубина принятия норм этнической группы, свидетельствующая о степени интеграции личности со своим этносом, определяет и стойкость ее приверженности этнической норме социальной активности. Вместе с тем чем более размыты нормы, усваиваемые в процессе этнической социализации, и высоко значимы иные нормы, тем более разнообразно реализуемое поведение. Однако такая ситуация часто приводит и к поведенческим девиациям (в случае маргинализации) и негативно отражается на статусе субъективного благополучия личности, так как ценностно-смысловые образования, формирующиеся в процессе первичной социализации как инстанции более высокого порядка, во многом предопределяют и критерии субъективного благополучия. В частности, А. В. Сухаревым и его учениками установлена весомая значимость этнофункциональной согласованности для психической адаптации личности и социально-нормативного поведения¹. В исследованиях А. Н. Татарко, Н. М. Лебедевой, М. А. Козловой выявлена связь удовлетворенности качеством жизни с позитивностью и определенностью этнической идентичности².

В последние десятилетия усилия исследователей были направлены во многом на изучение стереотипов поведения этнических групп – как собственной, так и чужой. Однако до сих пор остается не выясненным вопрос о связи стереотипа и предрассудка, имеющих оценочные параметры, с поведением. Возникла также иллюзия, что стереотип относительно собственной этнической группы выступает чуть ли не единственной детерминантой последовательного поведения представителя этой группы. Между тем представление о том, что нормативное поведенческое предписание этнической группы выступает одним из существенных оснований реализуемого поведения ее членов не вызывает сомнений. Однако в реальной ситуации взаимодействия представителей контактирующих этносов вступает в действие более сложный механизм поведения. На него оказывают влияние не только усвоенные этнические нормы, но и ожидания других, и собственные ожидания к ним, и требования наличной социальной роли, опыт взаимодействия с другими, объективное соотношение характеристик этнических групп (например, с позиций титульности) и т. п. Таким образом, социальная активность становится подверженной регуляции со стороны ряда институциональных образований – ценностно-нормативной культурной, этнической, ценностно-смысловой субъективной, критериально-нормативной объективной и т. п. В результате многоуровневой детерминации социальная активность личности приобретает признаки многомерности. Тем не менее наиболее стойкие стратегии, используемые в значимых ситуациях, очевидно, имеют достаточно глубокую этническую специфику.

Проблема этнической специфики повседневного поведения длительное время изучалась в этнографии и касалась прежде всего правил поведения (этикета) (А. К. Байбурын, А. Л. Топорков, А. М. Решетов и др.). Между тем в этнопсихологии также имеется опыт изучения повседневного поведения различных народов (М. Мид, Р. Бенедикт, К. Берндт, Ю. П. Платонов, Ю. А. Шрейдер, В. Л. Левкович и др.), стратегий поведения в ситуации межэтнической напряженности (Л. В. Ключникова, Т. Б. Щепанская), этнической специфики экономического поведения (Дж. Кейнс, Л. А. Дедов и др.), наконец, влияния на социальное поведение различных психических явлений (представлений, идентичности и т. п.) (Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко и др.). Однако интерес вызывает также раскрытие этнической специфики инновационного поведения, готовности к нему, стратегий поведения в ситуации угрозы благополучию, а также взаимосвязи характеристик субъективного благополучия с отдельными поведенческими стратегиями представителей контактирующих этнических групп. Особый интерес в этой связи представляет вопрос о готовности к рискованному поведению и отказе от такового, поскольку в современных условиях оценка риска

и «осознаваемый риск» стимулируются извне и во многом предопределены процессами общественного развития. Этнически подкрепленная «норма на риск» может в этом случае становиться фактором благополучия. Тем не менее следует выяснить и то, в каких случаях удовлетворенность или неудовлетворенность определенной областью жизнедеятельности членов этнических групп подкрепляет ту или иную стратегию поведения.

В данном исследовании нами предпринято изучение этнической специфики инновационного поведения, готовности к нему, стратегий поведения в ситуации угрозы благополучию, а также взаимосвязи характеристик субъективного благополучия и отдельных поведенческих стратегий представителей контактирующих этнических групп (русских, казахов, постоянно проживающих на территории Саратовской области, и армян-мигрантов). Всего в исследовании приняло участие 180 человек.

Были использованы следующие методики: модифицированная нами методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вас-

сермана³, опросник волевых качеств личности М. В. Чумакова⁴ (для выявления субъектных свойств личности), анкета, направленная на выявление отношения личности к своему членству в этнической группе, религиозности, степени противопоставления интересов своей этнической группы другим группам, стратегий поведения в ситуации угрозы благополучию, параметров личности и социальной активности. Для обработки полученных результатов использовались методы сравнительного анализа, контент-анализ, методы математической статистики (корреляционный анализ по методу Пирсона, методы сравнения – параметрический и непараметрический).

Обратимся к результатам исследования. Готовность к изменениям выступает важной составляющей личностной ориентации, отражающейся в поведении человека. Ее изучение во взаимосвязи с удовлетворенностью личности своей жизнедеятельностью в соотнесении с этническим фактором позволит выяснить не только соответствующую специфику, но и векторы социальной мобильности (таблица).

Уровневые показатели готовности к изменениям в общественной сфере и стратегий поведения этнических групп

Показатели		Этническая группа		t-критерий			
		Русские	Казахи	Армяне	Русские–казахи	Русские–армяне	Казахи–армяне
Готовность к изменениям в сфере	экономики	3,4	3,6	4,2	1,32	2,35*	1,32
	политики	3,6	3,95	4,7	0,68	1,96*	1,38
	образования	3,8	4,1	3,9	0,66	0,27	0,33
	медицины	3,4	3,5	4,6	0,41	1,89*	1,32
Стратегии поведения	Переждать	0,72	0,77	0,5	0,27	1,08	1,36
	Рискованные действия	2,09	1,91	2,5	0,51	0,52	0,72
	Смирение	0,53	0,77	0,4	1,19	0,09	1,23
	Обдуманное действия (без риска)	1,52	1,22	0,7	1,11	3,91**	3,03**
	Изменение образа жизни	1,41	0,77	0,5	3,45**	3,93**	1,43

Примечание. * – $p < 0,005$; ** – $p < 0,001$.

Как видно, более высокий уровень консерватизма демонстрируют представители армянского этноса. Это относится и к политике, и к экономике, и к медицине. Русские и казахи характеризуются относительно более высоким уровнем готовности к изменениям. На наш взгляд, это связано с тем, что армяне представляют группу мигрантов – специфичную, с более высоким адаптационным потенциалом, но осторожным отношением к изменениям в общественной сфере, которая, очевидно, служит очагом стабильности и инстанцией сохранения душевного равновесия.

Анализ стратегий поведения в ситуации угрозы благополучию в различных сферах жизнедеятельности позволил выявить их этноспе-

цифичные особенности. Стратегия «переждать» у представителей русского этноса связана в большей степени с угрозой физическому благополучию (34,9%), равно как и у казахов (27,3%). Данная стратегия у последних используется и в случае угрозы здоровью (22,7%); у армян она связана с угрозой экономическому благополучию (49%).

Стратегия «смирение» не получила распространения ни в одной выборке. В наибольшей степени она связана с угрозой статусу в сфере общения (у русских – 16,3%; казахов – 22,7%; армян – 24%), что, скорее, говорит о меньшей оценке возможной угрозы благополучию в этой сфере.

Таким образом, пассивные стратегии менее выражены у представителей изучаемых нами этносов и весомой этнической специфики не выявлено.

Чаще представители изучаемых этнических групп используют активные стратегии поведения в ситуации угрозы благополучию. Наиболее часто представители этнических групп прибегают к активности без рисков. Такая стратегия максимально используется в случае угрозы имущественному благополучию (53,5% русских; 45,5% казахов; 79% армян), несколько меньше – в случае угрозы экономическому благополучию (51,2 русских; 40,9% казахов; 30% армян) и в отношении здоровья (37,2% русских; 40,9% казахов; 40% армян).

Треть представителей русского этноса (32,6%) склонна к принятию необходимых решений и мер, несмотря на риск, в случае угрозы здоровью, имуществу, физической угрозы и статусу на работе. Казахи склонны к такой стратегии в случае угрозы статусу в общении (31,8%) и здоровью (22,7%). Армяне прибегают к ней только в случае угрозы здоровью (30%).

Еще одна наиболее распространенная среди русских стратегия – «изменение образа жизни» – связана с угрозой экономическому благополучию (27,9%), здоровью (41,9%), статусу на работе (34,9%) и в общении (27,9%). Казахи прибегают к этой стратегии в случае угрозы здоровью (22,7%) и физическому благополучию (22,7%), а армяне – в случае угрозы имущественному благополучию (19%). Таким образом, этническая специфика проявляется в определении сфер угрозы благополучию, в отношении которых могут использоваться рискованные действия или действия, отвергающие риск либо направленные на самоизменение. Стратегия изменения образа жизни более присуща этнической группе русских и менее проявляется у казахов и армян (см. таблицу). Срочно принимать меры, упреждая угрозу, несмотря на возможный риск усугубить ситуацию, склонны русские и казахи. Армяне предпочитают осторожность в таких ситуациях. Тем не менее во всех этнических группах преобладает стратегия принятия мер без риска в условиях угрозы благополучию.

Этноспецифичность взаимосвязи субъективного благополучия и «субъектных» характеристик личности заключается в том, что у представителей различных этнических групп ведущую позицию занимают разные свойства. Так, в структуре межфункциональных связей русских наиболее твердую позицию занимает энергичность, с которой связано большинство показателей удовлетворенности жизнедеятельностью, у казахов – инициативность, а у армян – решительность.

Некоторые аспекты социальной активности личности обнаруживают взаимосвязь с характеристиками субъективного благополучия. Необходимо признать, что у представителей различных этносов эти связи опосредованы ценностными характеристиками этноса, приписываемыми ис-

пытываемыми. Это значит, что сама социальная активность во многом опосредована этноспецифичными характеристиками и их соответствие в большей степени обуславливает степень субъективного благополучия.

Представители *русского этноса* характеризуются устойчивой взаимосвязью готовности к экономическим изменениям и неудовлетворенности *трудовыми процессами* (выбором профессии – – 0,495, содержанием работы – – 0,397, взаимоотношениями с коллегами – – 0,411), *социальной жизнью* (своим положением в обществе – – 0,478, обстановкой в обществе – – 0,330, образом жизни – – 0,414). Готовность к изменениям в политике связана с неудовлетворенностью обстановкой в обществе (– 0,326). Эти данные свидетельствуют в пользу того, что неудовлетворенность определенными сферами жизнедеятельности выступает фактором готовности к изменениям. Однако удовлетворенность взаимоотношениями с представителями других этносов (– 0,294), а также удовлетворенность возможностью выбора места работы (– 0,336) связаны с высокой готовностью к рискованному поведению. Это значит, что, имея определенный уровень готовности (иммунитет) к нестабильности, личность переживает более высокую степень комфорта в отношении некоторых сфер жизнедеятельности.

Отметим, что отказ от риска в той или иной сфере необязательно связан с субъективным благополучием. Так, более комфортные отношения и в целом благополучие способствуют отказу от риска в отношениях с любимыми, но материальное неблагополучие связано с отказом от риска в финансовой сфере (0,306), неудовлетворенность взаимоотношениями с администрацией на работе – в сфере политики (0,377), неудовлетворенность жилищно-бытовыми условиями – в сфере отношений с руководством (0,353). Неудовлетворенность содержанием работы (0,394), отношениями с друзьями (0,435) связана с отказом от риска в отношении своего имущества. Стоит отметить, что использование неправовых методов достижения экономического благополучия связано с неудовлетворенностью различными сферами (9% высокозначимых связей), а предпочтение интересной работы высокому заработку связано с благополучием (25% связей).

Представители *казахского этноса* проявляют большую толерантность к изменениям в сфере медицины. Обнаружена взаимосвязь готовности к изменениям в ней и удовлетворенности содержанием работы (0,468), профессиональным выбором (0,435), но в то же время неудовлетворенность обстановкой в обществе не способствует готовности к изменениям (– 0,492). Аналогичны и результаты исследований готовности к изменениям в сфере политики (– 0,523) и образования (– 0,505): удовлетворенность личности обстановкой в обществе препятствует формированию соответствующей готовности. Вместе с тем

неудовлетворенность обстановкой в обществе связана с высокой готовностью к рискованному поведению.

Удовлетворенность личности некоторыми сферами жизни способствует отказу от риска. Так, удовлетворенность отношениями с друзьями (– 0,459), родственниками (– 0,487), субъектами своей профессиональной деятельности (– 0,479) связана с отказом от риска в отношении дружбы; удовлетворенность сферой услуг (0,558), жилищно-бытовыми услугами (0,447) связана с принятием финансовых рисков; удовлетворенность обстановкой в обществе – с принятием риска в политических решениях; удовлетворенность своим положением в обществе (– 0,494), жилищно-бытовыми условиями (– 0,437), сферой услуг (– 0,457) связана с отказом от риска в отношениях с представителями других национальностей. Использование неправовых средств достижения экономического благополучия связано с неудовлетворенностью жизнедеятельностью (3% высокозначимых связей), предпочтение интересной работы заработку связано с благополучием (10% связей).

Представители армянского этноса менее готовы к изменениям в экономике ($t = 2,35^{**}$) и политике ($t = 1,96^{*}$), чем русские, но взаимосвязи с показателями субъективного благополучия не обнаружено. Вместе с тем неудовлетворенность трудовыми процессами связана с отказом от риска в отношениях с любимыми; неудовлетворенность образом жизни – с отказом от финансовых рисков (0,807**), обстановкой в обществе и риском в отношении закона (0,762), сферой услуг (0,818**), неудовлетворенностью деловыми взаимоотношениями (0,686) и отказом от риска в отношении своего здоровья.

Использование неправовых средств для достижения экономического благополучия связано с неудовлетворенностью жизнедеятельностью (11% высокозначимых связей), предпочтение интересной работы заработку связано с благополучием (15% связей).

Подведем некоторые итоги. Пассивные стратегии поведения в случае угрозы благополучию у представителей разных этнических групп различаются и ограничены сферой благополучия – физического (русские), физического и здоровья (казахи), экономического (армяне). Сходство обнаружено в использовании стратегии «смирение» относительно сферы общения.

Активные стратегии более разнообразны: стратегия изменения образа жизни более присуща

этнической группе русских и менее проявляется у казахов и армян. Склонность к рискованному поведению («срочно принять меры, упреждающие угрозу, несмотря на возможный риск») обнаружена у русских и казахов. Армяне предпочитают осторожность.

В целом готовность к рискованному поведению связана с неблагополучием представителей этнических групп. Однако имеются исключения: в частности, у представителей этногруппы русских неудовлетворенность некоторыми сферами жизнедеятельности связана с отказом от рискованного поведения в них, у казахов, напротив, удовлетворенность связана с отказом от риска, у армян эта переменная не определена.

Вне этнического фактора выявлена общая тенденция, заключающаяся в том, что использование неправовых средств для достижения экономического благополучия связано с неудовлетворенностью, а предпочтение интересной работы заработку – с удовлетворенностью жизнедеятельностью. Этот вывод подтверждает исходное положение А. Маслоу и других психологов-гуманистов о самоактуализации личности. Вместе с тем групповые вариации взаимосвязи удовлетворенности и готовности к риску (отказу от него) противоречат этому положению.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026 а).

Примечания

- ¹ Сухарев А. В. Этнофункциональный подход и его возможности в познании человека // Мир психологии. 2009. № 3. С. 123–131.
- ² Татарко А. Н., Лебедева Н. М., Козлова М. А. Роль модернизации образа жизни в трансформации ценностно-мотивационной сферы и этнической идентичности // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. Балашов, 2005. С. 472–479.
- ³ Вассерман Л. И. Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обозрение Института психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
- ⁴ Чумаков М. В. Опросник диагностики волевых качеств личности. Ярославль, 2004. 16 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К УСВОЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

А. В. Дружкин, Г. И. Железовская*

Саратовский государственный аграрный университет

E-mail: kaf_pp@list.ru

*Саратовский государственный университет

E-mail: kaf_pp@list.ru

В статье раскрывается сущность логико-методологического подхода к усвоению педагогических понятий, выявлен общелогический приём «поиска противоречий в процессе решения педагогических задач».

Ключевые слова: логико-методологический подход, педагогическое понятие, задача, усвоение.

Logico-Methodological Approach to the Assimilation of Pedagogical Notions Throughout Conceptual and Terminological Problems Solution

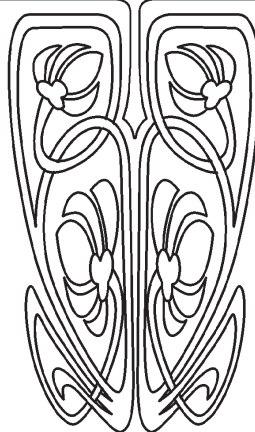
A. V. Druzhkin, G. I. Zhelezovskaya

The article explores the essence of logico-methodological approach to the assimilation of pedagogical notions, identified the general logical method of «searching for contradictions in the process of pedagogical tasks solving».

Key words: logico-methodological approach, pedagogical notion, problem, assimilation.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Решение задач современного школьного образования в конечном счете связано с коренной перестройкой высшей школы, теоретической и практической подготовкой будущих учителей, с изменением типа их мышления. Все традиционные средства, методы, формы и содержание вузовского обучения должны быть переориентированы на развитие у студентов мышления, свободного от консерватизма и застоя, предполагающего смелость мысли, творческий поиск, новаторский подход к решению педагогических задач, стоящих перед общеобразовательной и профессиональной школой, и представляющего собой такое мышление, которое движется не в эмпирических «измерениях» (в категориях количества и качества), а в логических, то есть «измерениях», образуемых категориями диалектического разума¹. Без такого мышления «невозможно связать между собой хотя бы два факта природы или уразуметь существующую между ними связь», а диалектика как раз и «является единственным в высшей инстанции методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»².

Введение в содержание обучения студентов понятийно-терминологических задач (ПТЗ) по педагогике, как показали результаты нашего исследования, является одним из эффективных средств формирования такого мышления. Предметной областью таких задач являются фундаментальные научно-педагогические понятия, используемые в курсе «Педагогика», а мышление «всегда движется в пирамиде понятий»³.

Опираясь на ленинское положение о гибкости понятий и руководствуясь деятельностным подходом в рассмотрении «механизма» усвоения последних, представляющих собой мысль, в которой отражается объективная педагогическая деятельность в ее существенных и общих признаках, основу теории решения ПТЗ составило положение о том, что глубокое, осознанное усвоение понятий достигается тогда, когда они как система входят в содержание самостоятельной понятийно-терминологической деятельности, а способы ее осуществления лежат в области диалектической логики, методологии и принципов педагогической науки. Логико-методологический подход к определению и усвоению сущности понятий служит обоснованием методики решений ПТЗ, вооружая студентов диалектическим методом познания, ядро которого составляет прием «поиска противоречий», позволяющий студентам перейти от «синкретического» фрагментарного восприятия предметов педагогической деятельности к целостному категориальному отражению вещей, предметов, явлений в их пространственных и причинных связях. Этот общелогический прием, представляющий собой диалектический анализ и синтез, сравнение и диалектическое обобщение, был выявлен нами в процессе анализа самостоятельного решения студентами ПТЗ, требующих выявления точки зрения и метода автора определения того или иного понятия. В процессе рассуждения у студентов основное место занимают вычисление, фиксация признаков, свойств, противоположных мнений в определениях одного и того же понятия, то есть они мыслят противоречиями – диалектически.

В современной психолого-педагогической литературе нет специальных исследований, раскрывающих процесс разрешения противоречий между противоположными сторонами одной сущности, понятия, хотя во многих работах современных философов (А. Н. Аверьянова, Г. С. Багищева, А. С. Богомолова, Ф. Ф. Вяккерова, В. И. Горбача, С. П. Дуделя, И. С. Нарского и др.) эти вопросы исследованы и обнаружен ряд вариантов разрешения противоречий. В своем исследовании мы взяли на вооружение следующие:

– преобладание одной противоположности над другой. Такой вид разрешения позволяет в процессе анализа противоречивых определений выявить тот или иной комплекс существенных признаков понятия, характерный для большинства определений, сделать его доминирующим и на его основе сконструировать синтетическое обобщающее определение, представляющее собой синтез деформализованных определений, вырабатывающий гносеологическое, предметное содержание;

– разделение противоположностей и их относительно независимое существование. В случае если то или иное педагогическое понятие определяется настолько разнопланово, что при ана-

лизе не обнаруживается общих и существенных признаков, то мы представляем их студентам как самостоятельно существующие и дополняющие друг друга;

– взаимопроникновение противоположностей и их исчезновение.

Нередко в учебниках педагогики встречаются противоположные определения одного и того же понятия, поэтому студенты самостоятельно конструируют синтетическое обобщающее на основе использования одного из основных законов диалектики – закона отрицания отрицания, когда одно определение отрицает другое, в результате чего возникает третье, отрицающее первое и второе и не являющееся ни тем ни другим, но содержащее в себе существенные признаки обоих: «Ни одно из этих определений, взятое отдельно, не истинно, истинно лишь их единство. Таково истинно диалектическое рассмотрение их, так же как их истинный результат»⁴. Конструирование обобщающего определения предполагает не механическое соединение всех имеющихся в учебниках педагогики, что привело бы к «бессодержательному и мертвому эклектизму»⁵ – синтетическое познание стремится к пониманию того что есть, а именно охвату многообразия определений в их единстве.

Результаты нашего исследования показали, что эффективность ПТЗ во многом зависит от их места в процессе обучения и способов их презентации. Известно, что лекция занимает приоритетное положение среди других форм обучения, поскольку впервые знакомит с основными научно-теоретическими положениями, методологией изучаемой дисциплины, закладывает основы научных знаний, определяет направление, основное содержание и характер всех других форм учебных занятий и самостоятельной работы студентов. Наиболее целесообразно использовать проблемно-концептуальный метод чтения лекций с включением элементов дискуссии, предполагающий свободное общение студентов между собой и с преподавателем, поскольку дискуссия посвящается обсуждению, выявлению противоречий в решении сложных методологических проблем, по которым нет единого мнения у ученых, есть разные концепции и нет учебного пособия, раскрывающего сущность рассматриваемой проблемы. Именно с такими явлениями сталкиваются студенты в процессе решения ПТЗ, направленных на проникновение в сущность научно-педагогических понятий, составляющих язык педагогической науки.

Проблемно-концептуальное чтение лекций с использованием ПТЗ раскрывает противоположные подходы в понимании того или иного понятия и его сущности, преподаватель тем самым предоставляет студентам возможность проверить свои способности в осмыслении логико-педагогических и методологических проблем. Лектор так излагает материал, что при сопоставлении,

анализе и синтезе противоположностей студент приходит к диалектическим выводам, превращаясь из пассивного слушателя в «содобытчика» знаний.

Элементы дискуссии, используемые в чтении проблемных лекций, являются одним из наиболее действенных способов активизации мышления студентов, воспитания синхронного внимания. Они дают возможность продолжить логическое понятийное мышление преподавателя «вслух» в сознании студента, вызывают раздумья, поиск ответов на вопросы, поставленные преподавателем, снимают «барьер» общения, развивают коммуникативные умения, резервные возможности психики, способствуют сознательному усвоению понятий, заставляют студентов тщательно продумывать и аргументировать собственную точку зрения, касающуюся понимания материала.

Дискуссия развивает навыки критического мышления, организует ум, мысль студента, направляет его деятельность на поиск новых знаний.

Опыт систематического и целенаправленного использования в лекциях элементов дискуссий, создания проблемных ситуаций с ПТЗ показывает, что недостаточно подобрать удачные и вариативные задачи, следует учитывать, что студенты не имеют навыков разрешения таких ситуаций и, как и преподаватель, ограничены во времени. Поэтому преподавателю важно в ходе подготовки, введения ПТЗ в текст лекций или семинарского занятия наметить пути их разрешения, разработать модель развития понятийного мышления студента, включающего в ход его рассуждений. Для этого целесообразно давать студентам такие задачи в качестве домашнего задания. Для примера приведем фрагмент проблемной лекции на тему «Развитие, воспитание и формирование личности». Во вступительной части преподаватель организует работу так, чтобы студенты выделили основные понятия темы и обсудили решение данной понятийно-терминологической задачи заранее: «Докажите, идентичны ли понятия “личность” и “человек”». Результаты решения её являются одним из условий осознания студентами отправной точки зрения, необходимой для участия в дискуссии.

Поскольку понятие «личность», будучи одним из фундаментальных для данной темы, однозначно не определено ни в учебниках педагогики, ни в педагогическом словаре и студенты самостоятельно должны проанализировать всю литературу, имеющуюся по этому вопросу, преподаватель проецирует на экран одно из определений, данных известным советским психологом А. Н. Леонтьевым. Учёный определяет её как «особое целое, особое психологическое новообразование, формирующееся только у человека и представляющее собой относительно поздний продукт общественно-исторического развития». После этого начинается обсуждение решений ПТЗ.

В ходе дискуссии выяснилось: большинство студентов до решения этой задачи считало, что понятия «человек» и «личность» идентичны, что каждый человек, кроме олигофрена, есть личность. Но в процессе решения, обращаясь к логико-философской литературе, ими было установлено, что каждый человек обладает своей индивидуальностью, но далеко не каждый является личностью, что человеком рождаются, а личностью становятся. Именно это имел в виду А. Н. Леонтьев, отмечали они, когда говорил, что личность – это особое целое психологическое новообразование. В дальнейшем преподаватель выясняет, как его слушатели представляют себе человека, но не личность, и как истолковуют обращение ученых к учителям-практикам: уважайте в каждом ребенке личность. Затем предлагается составить собственное обобщенное определение понятия на основе изученной литературы и пользуясь приемом «поиск противоречий».

Созданная в процессе небольшой дискуссии ситуация создает эмоциональную напряженность: студенты засомневались в собственном эмпирическом понимании «личности» и ищут синтетические определения понятий, понимая, что «чем богаче определяемый предмет, то есть чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения»⁶. Выход из проблемной ситуации становится особенно эффективным, когда преподаватель, подводя итоги этого обсуждения, дает объемное определение понятия, совпадающее с тем, которое выработали студенты в процессе самостоятельной умственной деятельности. В качестве нового домашнего задания предлагается решить ПТЗ на раскрытие сущности понятий «формирование личности» и «развитие личности», сравнить их, раскрыть содержание каждого, воспользовавшись учебниками педагогики разных авторов, а затем обсудить на семинарском занятии.

Основная особенность проблемных лекций с элементами дискуссий состоит в том, что студенту не навязывается решение задач, не дается готовое определение фундаментальных понятий, а открывается простор для логических действий, в результате которых он сам приходит к правильному диалектическому определению и усвоению понятия. У студентов развивается мышление на основе знания методологического значения понятий и других доказательств, приводимых преподавателем. Только в этом случае они получают удовлетворение от процесса познания, в результате формируется новая система знаний, новый эталон для сравнения, с позиций которого начинает оцениваться вся новая понятийно-терминологическая информация.

Новая система понятийных знаний приобретает и субъективную ценность – она не получена

в «готовом виде», а явилась результатом собственной мыслительной активности, поднимаясь до высокого уровня абстракции.

Качественно меняется и деятельность преподавателя при такой методике чтения лекций и проведения семинарских занятий. Прежде чем включить студентов в понятийно-терминологическую деятельность, которая представляет собой систему логических действий, направленную на эмпирическую интерпретацию и диалектическое усвоение понятий, преподаватель должен четко представить цели и задачи занятия, логически выстроить содержание материала, выделить основные понятия и их определения, в совершенстве овладеть диалектическим методом мышления и познания. Именно таким видится сегодня преподаватель вуза, который будет в состоянии корен-

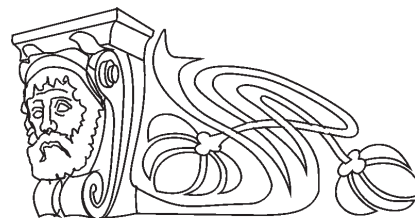
ным образом изменить методику теоретической и практической подготовки будущих учителей, обеспечить их диалектическое единство.

Примечания

- ¹ См.: Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1962. 119 с.
- ² Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1969. С. 42, 181.
- ³ Выготский Л. С. Избр. пед. соч. М., 1956. С. 20.
- ⁴ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29. С. 106.
- ⁵ Там же. С. 216.
- ⁶ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. С. 291.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Г. А. Кочарян

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: kocharyangnun@yahoo.com

Система подготовки студентов вуза к осуществлению здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе включает целевой, организационный, содержательный и диагностический компоненты. Уровень готовности студентов к реализации образовательной программы определяется на основании ряда критериев, характеризующих знания, умения и навыки, приобретенные в процессе обучения в вузе.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесберегающие технологии, система подготовки, критерии уровня готовности.

Formation of Readiness of the Students of a Pedagogical Institute for Implementation of the Health-Efficient Techniques in a General School

G. A. Kocharyan

The university student training system necessary for the implementation of health-efficient techniques in a general school includes goal, organizational, methodological and diagnostic components. The level of students' readiness to perform the educational program can be determined on the basis of several criteria, which characterize knowledge, abilities and skills acquired by them in the course of studying at the university.

Key words: health, health-efficient, training system, readiness criteria.

Необходимость включения здоровьесберегающих технологий в практику работы общеобразовательной школы продиктована многими

причинами, прежде всего это ухудшение физического и психического здоровья нации. Возросшие учебные нагрузки, уменьшение двигательной активности детей приводят к негативным изменениям в функциональных системах организма, вызванных гипокинезией. Растет число соматических заболеваний, нервные нагрузки приводят к обострению психических болезней. В этих условиях подготовка учителей к проведению учебных занятий так, чтобы они не наносили ущерба состоянию здоровья учеников, будет решать приоритетную задачу охраны здоровья подрастающего поколения. Несмотря на важность проблемы здоровьесбережения подрастающего поколения, эта задача в настоящее время решается неэффективно, о чем свидетельствуют факты постоянно растущей тенденции ухудшения здоровья детей и подростков. В России сейчас лишь менее 10% выпускников школ могут считаться здоровыми¹.

Инновационный подход к решению проблемы сохранения здоровья в общеобразовательной школе, как считает Е. В. Советова, предполагает технологический подход². Он, так же как и традиционный, основывается на педагогической теории, методике, планировании обучающей деятельности учителя, но вместе с тем ему присущи:

- моделирование диагностируемого конечного результата;

- достижение прогнозируемого результата в заранее определенные сроки с уровнем затрат ресурсов физического и психического здоровья учителя и учащихся;

- неразрывная связь с теорией деятельностного подхода в обучении.

Проведенный нами анкетный опрос преподавателей физической культуры г. Балашова и Балашовского района показал, что 70% учителей школ ничего не знают о здоровьесберегающих технологиях. Планирование и реализация здоровьесберегающих технологий – важный и ответственный процесс, реализация которого на уровне житейского опыта и здравого смысла недопустима. Необходима специальная обучающая программа переподготовки и повышения квалификации преподавателей школ или подготовка будущих учителей к этому важному разделу педагогической деятельности в условиях вузовского обучения. Готовить будущих преподавателей к реализации здоровьесберегающих технологий необходимо уже в период обучения в вузе, и решение этой проблемы видится нам в подборе специальных учебных курсов, раскрывающих возможности и современные подходы к решению вопросов здоровьесбережения подрастающего поколения. Это должна быть система взаимосвязанных учебных дисциплин, обеспечивающих общетеоретическую и методическую готовность будущих педагогов с выходом на практическую деятельность в виде учебной практики в школе и научных исследований в процессе вузовского обучения в форме курсовых и дипломных работ.

Формы и виды реализации здоровьесберегающих технологий разнообразны, к ним относятся нейролингвистическое программирование, соционика, вальдорфская педагогика, система «Сенсорная свобода и психомоторное раскрепощение» (В. Ф. Базарный), музыкотерапия, ароматерапия, арттерапия и др. К числу интересных проектов, разрабатываемых в нашей стране и за рубежом, направленных на реализацию задач сохранения и улучшения здоровья, можно отнести также экоспорт, артбол, «Президентские состязания» и др. Одним из интересных и, как нам видится, перспективных проектов является «СпАрт» (*Spirituality* – духовность, *Sport* – спорт, *Art* – искусство), гармонично объединяющий спорт и искусство и органично сочетающий физическое и духовное развитие. Важнейшая роль в спартианском движении отводится Спартианским играм, к числу специфических особенностей которых относятся:

- уникальная соревновательная программа Игр, основным элементом которой являются «спартианские агоньи», объединяющие спорт с искусством и другими видами духовно-творческой деятельности и требующие от участников разностороннего развития, гармонии духовного и физического;

- новая, гуманистически ориентированная «мягкая» система оценки и поощрения участников соревнований, ориентирующая их на бескорыстное и одухотворенное соревнование;

- исключение грубости, насилия, агрессивности, национализма и т. п. в поведении участников соревнований, формирование у них стремления к красоте действий и поступков;

- создание условий для того, чтобы каждый участник мог попробовать свои силы и проявить свои способности в разных видах творческой деятельности – спорте, искусстве, техническом творчестве и др.;

- совместное и равноправное участие в играх людей разного возраста, пола, физического состояния и т. д., включая лиц с ограниченными физическими или интеллектуальными возможностями (инвалидов);

- содействие сохранению и развитию самобытной национальной и народной культуры;

- сочетание соревнований с несоревновательными играми.

Спартианские игры предусматривают принципиально новый подход к организации и проведению соревнований, охватывающий все их стороны и компоненты: программу, систему определения и поощрения победителей, состав участников и т. д.³

Предлагаемая нами модель формирования готовности будущих педагогов к реализации здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе предполагает подготовку студентов к разноплановой деятельности по сохранению здоровья школьников в соответствии с учетом материально-технических и других условий, контингента, предпочтений школьников. Система подготовки будущих преподавателей к осуществлению здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе включает в себя ряд компонентов – целевой, организационный, содержательный, диагностический.

Целевой предполагает разработку, теоретическое обоснование и экспериментальную проверку эффективности авторской технологии подготовки будущих педагогов к осуществлению здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе. Процесс подготовки направлен на: изучение всех аспектов здоровья и здорового образа жизни; овладение методами сохранения, укрепления и мониторинга как своего, так и общественного здоровья; обучение основам здоровьесберегающей организации учебного процесса и методике оценки образовательных технологий с точки зрения их здоровьесберегающей направленности.

Организационный компонент включает в себя:

- учебный план по специальностям «Физическая культура» и «Безопасность жизнедеятельности»;

– специальные курсы и учебные дисциплины, введенные в учебный план за счет регионального компонента и курсов по выбору;

– лекции, практические и групповые занятия, самостоятельные занятия под руководством преподавателя, педагогическая практика;

– круглые столы, диспуты, конкурсы проектов, массовые оздоровительные мероприятия.

Содержательный компонент состоит из учебных дисциплин, способствующих формированию готовности к реализации здоровьесберегающих технологий: «Культура здоровья», «Вредные привычки и планирование семьи», «Средства и системы оздоровления», «Культура здоровьесбережения», «Здоровьесберегающие образовательные технологии», «Методика и организация оздоровительной работы» и др. В изложении большинства учебных дисциплин блока предметной подготовки включены разделы и вопросы, касающиеся физической культуры, спорта, здорового образа жизни, различных форм организации оздоровительной работы, современных средств и систем, способствующих оздоровлению организма, выбора двигательных режимов в зависимости от уровня физической и функциональной готовности и др.

Важное значение имеют разнообразные формы внеучебной работы, к числу которых относятся секции по видам спорта, круглые столы, диспуты, конкурсы проектов по оздоровительному направлению. Все эти мероприятия способствуют приобретению базовых знаний и умения планировать, организовывать оздоровительную работу, проводить мероприятия, имеющие агитационную направленность и способствующие формированию мотивации сохранения и укрепления здоровья.

В рамках проекта «Инициатива» в Балашовском институте был создан студенческий клуб «Познай себя», деятельность его была рассчитана на 12 месяцев. В течение этого времени и было проведено 10 заседаний, организовано два круглых стола с привлечением специалистов в области физического, психического, духовно-нравственного здоровья, состоялся конкурс рекламы здоровья (радио-, теле-, настенной рекламы) и конкурс проектов «Как сделать школу здоровой?». Для преподавателей и студентов вуза было проведено три обучающих семинара по традиционным и нетрадиционным современным методам оздоровления.

Навыки организации массово-оздоровительных мероприятий приобретаются и совершенствуются в период участия студентов в туристических слетах, студенческой «Зарнице», вузовской спартакиаде. Два раза в год (весной и осенью) проводятся туристские слеты с элементами спартианских игр, участие в которых принимают студенческие команды факультетов Балашовского института Саратовского государственного университета и ряда других филиа-

лов. Помимо туристских конкурсов, включающих прохождение контрольно-туристического маршрута и технику пешеходного туризма, в процессе которых студенты демонстрируют навыки ориентирования по карте, оказания первой медицинской помощи, хождение по веревкам и бревну, преодоление спусков и подъемов, другие навыки подготовки, в программу входят тематическая викторина, конкурсы художественной самодеятельности, занимательные эстафеты. Подобного рода соревнования и конкурсы, такие как двоеборье «Спорт+Арт» (спортивные соревнования и художественные конкурсы), троеборье «Спорт+Арт+Знания» (спортивные соревнования, художественные конкурсы, конкурсы знатоков), четырехборье «Спорт+Туризм+Арт+Знания», представляют собой спартианское многоборье. Использование таких технологий является одним из эффективных и доступных путей повышения устойчивого интереса школьников к занятиям физической культурой.

Диагностический компонент – мониторинг результатов подготовки студентов к реализации здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе проводился в разных формах (тестирование, опросы, оценка выполнения заданий в период педагогической практики, творческие работы по темам «Здоровьесберегающее пространство общеобразовательной школы», «Современные средства и системы оздоровления», «Здоровьесберегающая педагогика и технологии ее реализации», «Здоровьесберегающая организация учебного процесса», «Культура здоровья», «Спартианские игры как здоровьесберегающая технология в общеобразовательной школе»). Большая часть студентов выполняет курсовые и дипломные работы, затрагивающие темы здоровья, здорового образа жизни и здоровьесберегающих технологий. В результате итогового контроля мы определяли уровень готовности студентов к осуществлению здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе. Для определения уровня готовности нами был разработан ряд критериев.

1. Уровень знаний: результаты промежуточной аттестации, тестирование по предметам, ранговая оценка уровня знаний. Определялся по степени освоения учебных дисциплин: «Культура здоровья», «Здоровьесберегающие образовательные технологии», «Средства и системы оздоровления», «Методика и организация оздоровительной работы», «Здоровый образ жизни и его составляющие».

2. Степень владения методами оценки здоровья (физического и психического) и здоровьесберегающей работы в школе. Уровень владения методами оценки физического здоровья определялся при изучении «Физической культуры», где выявлялось умение определять физическую работоспособность по следующим тестам: Гарвардский степ-тест, PWC₁₇₀, ортостатическая

проба и др. Психологическое здоровье оценивалось по психологическим тестам при овладении дисциплиной «Психология здоровья»; степень знания методов оценки здоровьесберегающей работы в школе определялась в период педагогической практики.

3. Умение определять факторы, положительно и отрицательно влияющие на здоровье, оценивалось в результате анализа ответов студентов на вопросы: «Исследование представлений о ЗОЖ» и «Отношение к здоровью».

4. Умение оценивать образовательные технологии по их здоровьесберегающей направленности определялось по результатам выполнения специальных заданий в процессе изучения дисциплины «Здоровьесберегающие образовательные технологии».

5. Уровень организации и проведения элементов здоровьесберегающих технологий в период педагогической практики в школе оценивался по результатам педагогической практики в школе.

6. Умение планировать и проводить массово-оздоровительные мероприятия определялось по уровню представленных проектов и реализации их на специально организованных туристских слетах, Спартианских играх, проводимых в рамках факультета, института, межинститутских мероприятий.

На основе разработанных критериев выделен уровень готовности студентов (высокий, средний и низкий). Оценка уровня сформирован-

ности общей готовности студентов к реализации физкультурно-оздоровительных технологий в общеобразовательной школе, в первую очередь, проходит в период педагогической практики. В ходе выполнения этого раздела практики студенты самостоятельно, исходя из материально-технического оснащения школы, возраста и подготовленности учеников, планируют оздоровительные мероприятия, проводят их как во время учебных занятий, так и во внеурочное время.

Таким образом, реализация предлагаемой нами системы подготовки будущих преподавателей к осуществлению здоровьесберегающих технологий в общеобразовательной школе с установкой на укрепление здоровья учащихся позволит повысить качество учебного процесса и уровень подготовки выпускаемых педагогов, способных решать вопросы организации здоровьесберегающего пространства в общеобразовательной школе.

Примечания

- 1 См.: *Смирнов Н. К.* Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. М., 2002. 121 с.
- 2 См.: *Советова Е. В.* Оздоровительные технологии в школе. Ростов н/Д, 2006. 288 с.
- 3 См.: *Столяров В. И.* Спартианские игры в гуманистической системе воспитания и организации досуга студентов : учеб. пособие. Саратов, 2011. 176 с.

УДК 37.015

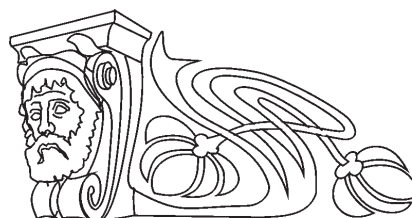
ГЕНЕЗИС ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СЕМЬЕ РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. А. Мазалова

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: marina-mazalova@yandex.ru

Статья посвящена анализу становления и развития традиций воспитания элиты крови, сочетающихся с формированием духовно-нравственного и интеллектуального элитизма личности, сложившихся в императорской семье в России в XVIII – начале XX в. Исследование выявляет специфику элитизации личности в условиях домашнего образования и семейного воспитания наследников российского престола, динамику бытования и смены различных воспитательных и образовательных традиций, обуславливающих характеристики и личностные качества будущих императоров и являющихся ориентиром для всей доминирующей страты российского общества того времени.

Ключевые слова: семейное воспитание, домашнее образование, элита как социальная и духовно-нравственная доминанта общества, традиции элитизации личности.

The Genesis of Upbringing Traditions in the Family of Russian Emperors in 18th – early 20th Centuries

M. A. Mazalova

The article deals with an analysis of the formation and development of the upbringing traditions of the elite of the blood combining with the formation of spiritual, ethical and intellectual elitism of an individual formed in the emperor family in the 18th – early 20th centuries in Russia. The research reveals the specificity of an individual's elitization under the conditions of home education and family upbringing of heirs to the Russian throne, a dynamics of being and changes of different upbringing and educational traditions determining the characteristics and personal qualities of future emperors and which are the orienting point for all the dominating stratum of the Russian society of that time.

Key words: family upbringing, home education, elite as social and spiritual and ethical dominance of society, traditions of an individual's elitization.

Современное российское общество решает сложные задачи преодоления кризисных явлений в различных сферах социальной жизни и вместе с тем продолжает реализовывать цели долгосрочной инновационной модернизации. В этой связи к поколению, вступающему в жизнь, предъявляются повышенные требования, поскольку для успешного решения застарелых и вновь появившихся социальных, политических, экономических, образовательных и культурных проблем, характерных для сегодняшней ситуации, необходима молодежь, способная на активный творческий поиск, умеющая своевременно и оптимально включиться в преобразовательную деятельность, обладающая высоким интеллектуальным, творческим, нравственным и духовным потенциалом. Важным условием для поступательного прогрессивного развития является ориентация воспитания подрастающего поколения на лучшие исторические образцы, связанные с формированием социальной духовно-нравственной доминанты общества, талантливых интеллектуальных и творческих личностей. Образование и воспитание элиты в разные исторические периоды является важнейшей задачей не только школы, но и семьи как социального института, способного, с одной стороны, выступать гарантом наследования и преумножения культурного наследия, с другой – соотносить исторические традиции с новыми жизненными установками и вызовами.

Отмечая трудности в реализации воспитательного потенциала современной семьи и приступая к поиску путей их конструктивного преодоления, следует сказать, что в этой связи большое значение приобретают изучение исторического наследия прошлого, раскрывающее эффективные образцы элитизации личности в домашнем образовании и воспитании, анализ опыта семейного воспитания и домашнего обучения, которые могут стать основой решения проблем и отправной точкой в дальнейшем развитии практики воспитания детей в семье. Изучение историко-педагогического процесса с позиций элитивистского подхода (С. В. Акулов, М. В. Богуславский, Г. Б. Корнетов, Е. Ю. Ольховская, М. Г. Плохова, Ф. А. Фрадкин) позволяет рассматривать воспитание в российской императорской семье в XVIII – начале XX в. как совокупность бытования и смены различных воспитательных и образовательных традиций, обуславливающих формирование важнейших критериев представителей элиты – индивидуальность, неадаптивную активность, стремление к духовному поиску и способность нести персональную ответственность и др.

На сегодняшний день педагогика изучает механизмы элитизации личности и рассматривает семью как один из социальных институтов под-

готовки элиты, что объясняет потребность в анализе и обобщении накопленного в истории отечественной семейной педагогики теоретического и эмпирического материала. Следует отметить, что отдельные аспекты данной темы стали предметом изучения еще в XIX в. Так, Н. Ф. Богданович, П. Н. Енгальчев, В. А. Жуковский, А. П. Куницын, А. Лесгилье, И. И. Мартынов, А. Г. Ободовский, С. П. Шевырев, А. А. Ширинский-Шихматов анализировали содержание семейного воспитания и домашнего образования с точки зрения определения в нём условий для развития и образования уникальных способностей личности, различных сторон его организации, подготовки социальной и духовной аристократии, являющейся активным участником культурно-исторического процесса.

Становление традиций формирования и воспитания элитарной личности в условиях семейного воспитания и домашнего обучения в период XVIII – начала XX в. необходимо рассматривать с позиций анализа всех аспектов домашнего образования, сложившихся в императорской семье, поскольку, по мысли Г. К. Ашина, М. Вайды, В. Н. Добрынина, П. Л. Карабуценко, Т. Н. Кухтевич, М. М. Ларионцева, Г. Моска, М. В. Нуралина, В. Парето и других исследователей, царская фамилия является вершиной сословной и личностной элиты, являющейся для общества примером и ориентиром, а в некоторые периоды – законодателем и популяризатором передовых традиций семейного воспитания.

Исследование этих традиций осуществлялось в мемуарной литературе (С. Ю. Витте, В. Н. Воейков, А. А. Вырубова, Ю. Н. Данилов, А. А. Игнатъев, В. С. Панкратов, Б. В. Савинков, В. А. Теляковский и др.); некоторые аспекты домашнего образования наследников престола рассматривались современными исследователями (Е. Е. Алферов, А. Н. Боханов, М. П. Ирошников, Н. Н. Зарубина, М. К. Касавинов, С. Любош, С. В. МIRONENKO, Д. Орехов, О. А. Платонов, А. Е. Пресняков, Н. А. Соколов, С. Яковлев); семейное воспитание как историко-педагогический феномен и среда, влияющая на развитие индивидуальности, исследовался в трудах мыслителей прошлого и современности (Э. Берн, М. Н. Громов, А. Г. Климов, В. Ф. Козлов, И. К. Кучмаева, Э. А. Орлова, Х. Ортега-и-Гассет, А. С. Панарин, Е. Е. Сапогова, Л. А. Сугай, А. В. Сухарев, В. Н. Расторгуев, М. Хайдеггер, И. Хейзинг, Ф. Шиллер).

Воспитание в семье русских императоров в начале XVIII в. основывалось на продолжении древнерусских традиций семейного христианского воспитания, которые в наиболее общих чертах сохранились до революции 1917 г. Так, образование практически всех русских императоров и великих князей от Петра I до Николая II начиналось, «по старорусскому обычаю» (И. Н. Божеянов), с пятилетнего возраста, было масштабно по содержанию, базировалось на пере-

довых достижениях современной отечественной и зарубежной педагогической науки, органично сочеталось с религиозным воспитанием как основой духовно-нравственного становления личности и находилось под строгим контролем царствующих родителей и ближайших августейших родственников¹.

Безусловно, в воспитании цесаревичей было весьма велико влияние семейного уклада, быта, сложившейся системы взаимоотношений членов царской фамилии, расстановки сил при дворе – все эти факторы обуславливали процесс и результаты домашнего образования императорских детей. В частности, обстоятельства жизни Петра I – детство и юность, проведенные фактически в удалении от престола, вне столицы, в селе Преображенском, образование, начавшееся как «древнерусская выучка мастеров грамоты» (В. О. Ключевский) – церковно-славянская и русская грамота, чтение церковных книг – и продолжившееся в условиях «школы самообразования», поскольку в десятилетнем возрасте его первоначальное обучение, не дав особых результатов (Пётр до конца жизни писал с чудовищными ошибками), закончилось – явились определяющими в формировании лидера государства и нации. Именно эта личностная свобода в юности, увлеченность математической, инженерной, фортификационной науками, ориентация на практику (потешные войска) повлияли на развитие таких качеств императора, как нестандартное и критичное мышление, выдающиеся способности в управлении государством, высокая самостоятельность в принятии решений, высокая работоспособность и самоотдача в значимой деятельности, склонность к риску, постоянное самосовершенствование.

Казалось бы, схожие обстоятельства семейной жизни Петра II, лишённого попечения родителей и доверенного заботам выдающихся общественных деятелей и талантливых педагогов – А. И. Остермана и Феофана Прокоповича, – не привели к выдающимся результатам, хотя домашнее образование и воспитание наследника сочетало лучшие традиции национального религиозного воспитания и западно-европейской учености. Очевидно, что важным (за редким исключением – необходимым) условием развития выдающихся способностей и элитизации личности является тесная эмоциональная связь и искренняя заинтересованность в личностном росте со стороны родителей и ближайшего окружения ребенка.

В случаях когда в воспитании царских детей не было системы как в содержании и организации, так и в выборе наставников, результаты семейного воспитания были низкими. С одной стороны, к образованию Алексея I его отец Пётр старался привлечь лучших гувернеров и учителей, реализовать продуктивные методы, которые опробовал сам (поездка в Варшаву, Дрезден и Карлсбад для изучения и совершенствования в иностранных языках и геометрии); с другой – некоторая беспо-

рядочность обучения и воспитания, выразившаяся в частой смене учителей, отсутствие отцовской любви и тепла не способствовали развитию дарований наследника. По сути, Алексей I из-за часто менявшихся требований и недостатка поддержки вырос безвольным, поддающимся влиянию, неспособным к определению высших ориентиров в саморазвитии.

В этой связи интересен анализ роли личности императорских наставников, учителей и гувернеров в воспитании наследников престола как духовно-нравственной элиты общества и лидеров нации. Надо сказать, что при дворе к выбору домашних учителей всегда подходили с особой тщательностью, обращали внимание не только на профессиональные, но и на личностные качества, зачастую доверяя процесс становления и развития личности будущего императора лучшим современникам (А. И. Остерман, Феофан Прокопович, Н. Вяземский, Н. И. Панин, В. А. Жуковский, Г. А. Глинка и др.). Моду на привлечение к обучению иностранцев и на распространение иностранного гувернерства завел сам Пётр I, в юности пригласив голландца Ф. Ф. Тиммермана для того, чтобы лично учиться у него математике, артиллерии и фортификации. Позднее проникновение европейской учености и традиций обучения и воспитания в процесс домашнего обучения детей императорской фамилии осуществлялось в том числе и через привлечение лучших представителей из зарубежных государств к семейному воспитанию и обучению.

Вместе с тем современные исследователи отмечают, с одной стороны, неоднозначность влияния иностранного гувернерства на качество семейного воспитания, с другой – возможность обогащения процесса развития личности в контексте нескольких культур (Э. В. Гилязова, Н. А. Зелевская, М. М. Ларионцев, О. Ю. Солодянкина, Т. В. Тимохина, С. В. Трошина). Практически на протяжении двух столетий в императорской семье влияние высокообразованных иностранных гувернеров способствовало всестороннему развитию личности ребенка, его самобытности, креативности, позволяло интенсифицировать умственное воспитание, обогатить обучение новейшими сведениями современной науки. Несомненно высокие духовные и умственные качества таких иностранных гувернеров и гувернанток, как Роо – воспитательница Петра II, Ф. Лагарп – наставник Александра I, М. И. Ламздорф – гувернер Николая I, К. К. Мердер – воспитатель Александра II, снискали уважение и глубокую привязанность их коронованных воспитанников, оказали большое влияние на развитие лучших личностных качеств их подопечных: патриотических чувств, милосердия, благородства, стремления к постоянному самосовершенствованию. Таким образом, образование будущих императоров не ограничивалось только обучением, к процессу становления и развития личности привлекались многочисленные учителя

и воспитатели, к выбору которых царствующие особы подходили с особой ответственностью, – в разные годы это были известные ученые, педагоги, поэты, деятели искусства.

Положительное влияние на процесс и результат воспитания элиты в сфере семьи оказывали произведения зарубежной педагогической мысли (Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и др.), привнося в практику отечественного воспитания и обучения детей в семье передовые достижения психолого-педагогической науки. Идеологом элитизации высшего сословия и становления системы элитарного образования в России стала Екатерина II, которая, рассматривая проблему воспитания «государственного человека», высоконравственного гражданина, обратилась к передовым теориям европейских педагогов. Императрице были близки мысли о высокоом назначении «просвещенного монарха», который является социальным и духовным лидером страны, ею были восприняты идеи Руссо о «воспитании новой породы людей» как элитной прослойки каждого сословия, и в первую очередь дворянства. Пожалуй, впервые в истории дома Романовых императрица Екатерина II собственноручно составила инструкцию по воспитанию своих внуков – наследников престола, которую предварила словами, отразившими весь смысл их воспитания и развития как высокособственных личностей: «Одно дело – воспитывать сына простого гражданина, и совершенно иное – того, кто предназначен управлять государствами»².

Именно со второй половины XVIII в. и фактически до революции 1917 г. наметилось весьма важное направление воспитания в императорской семье, которое было направлено на развитие индивидуальности ребенка и соответствие высокому образцу правителя огромной державы, поэтому к наследникам престола предъявлялись жесткие требования в образовании. В рамках данной статьи мы не будем анализировать весьма обширные программы обучения и воспитания всех отпрысков дома Романовых, отметим лишь, что дети должны были изучить основы всех существующих наук, владеть несколькими иностранными языками, быть широко осведомлены в литературе и искусстве, в совершенстве знать этикет и военное дело (М. М. Ларионцев). Такой подход, связанный с ориентацией на энциклопедическую образованность, всестороннее развитие физических, интеллектуальных и творческих качеств, лидерских способностей подрастающего поколения, сложившийся в императорской семье, был воспринят в дворянской среде и обусловил нацеленность на элитизацию личности ребенка в семейном воспитании. Таким образом, формировались традиции элитарной образованности как примера для всего русского общества.

Семейное воспитание и домашнее образование в XIX в. развивалось как процесс последовательного становления системы формирования элитарной личности, основанной на лучших

традициях иностранного гувернерства и возрождения национальных духовно-нравственных ценностей, которые во многом начинались в царской семье. Уже к началу этого века динамика традиций образования в императорской семье заключалась во введении в программу домашнего обучения дисциплин университетского курса, с 1809 г. к прежнему гимназическому курсу прибавились предметы, преподаваемые в университете, – политическая экономия, естественное право, история права, живопись и др. Впервые эта тенденция наметилась в обучении Николая I и великого князя Михаила, так как, согласно указу от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины и экзаменах для производства в коллежские асессоры и статские советники», получить эти высокие чины можно было только при наличии диплома университета или сдав экзамены по весьма обширной программе. Все это, безусловно, повысило значимость и престиж высшего образования в России, сделало его сферой формирования и совершенствования элитных интеллектуальных качеств личности. Таким образом, в домашнем образовании императорских детей зарождались и реализовывались прогрессивные традиции воспитания неординарной выдающейся личности.

В целом политика государства в XIX в., выразившаяся в усилении контроля качества домашнего образования, получаемого с помощью иностранных учителей, повышении требований к подготовке гувернеров и наставников, возрождении национальных традиций семейного воспитания и домашнего образования, подготовке отечественных педагогических кадров для сферы домашнего образования и воспитания, формировании корпуса домашнего учительства, складывалась в практике семейного воспитания императорской фамилии.

Так, в качестве воспитателя и одного из учителей детей императора Николая I, и в частности престолонаследника великого князя Александра, был приглашен В. А. Жуковский, который разработал подробное научно-методическое обоснование программы домашнего воспитания и обучения. В этом руководстве по домашнему образованию царских детей реализуются идеи взаимопроникновения личностного и сословного аристократизма; через обширную и глубокую программу обучения и воспитания, предполагающую разделы «для образования ума» и «для образования сердца», раскрывается поэтапное формирование индивидуальности личности; организация всего образовательного процесса в условиях семьи мыслится автором как воплощение достижений современной педагогической науки³. Требования к личности и профессионализму учителя, положение о том, что для воспитания нравственных качеств наследнику необходимо общество сверстников, В. А. Жуковский проверял на собственной педагогической практике.

На процесс и результат воспитания элиты российского общества в императорской семье на протяжении двух столетий значительное влияние оказывал тип родительско-детских отношений. По мысли М. М. Ларионцева, в семье Романовых можно выделить три разновидности таких отношений: попустительские, выраженные в потакании прихотям ребенка; спартанские, основанные на разделении мира детей и взрослых; гармоничные, сочетающие развитие индивидуальности ребенка, его творческих и интеллектуальных способностей, и воспитание в традициях высокой гражданской ответственности перед обществом, приоритета государственных интересов над личными. С этой позиции идеал воспитания элитарной личности в семье российских императоров практически в целом сложился к середине XIX в. и, дополненный гармоничными семейными отношениями, дал лучшие образцы в воспитании Александра II и детей Николая II. В этот период члены семьи Романовых – это европейски образованные люди, связанные кровными узами с королевскими династиями Пруссии, Великобритании, Швеции, Испании и других стран, вместе с тем глубоко уважающие русскую культуру. Указанное обстоятельство расширяло культурные и образовательные рамки семейного воспитания в царской фамилии.

К концу XIX в. главной чертой воспитания в царской семье становится ориентация на особую миссию будущего императора. «Сам наследник престола, воспитанный и образованный чрезвычайно образованным человеком, восходя на престол, лично для себя не получал никаких привилегий и дополнительных прав, а, наоборот, как бы даже и терял их, принимая обязательство осуществлять монархическую идею <...> Принимая присягу на верность отечеству, он становился тем, кто нужен был на престоле державе. Он должен был уметь подчинять и подчинял свои

личные желания тому высокому званию, которое нес на себе. И воспитание, которое давалось ему, как раз и делало его способным не только исполнять будущие обязанности, но и быть готовым к самопожертвованию», – пишет об этой особенности воспитания императорских детей М. М. Ларионцев⁴. Эта традиция нравственного выбора, предполагающего реализацию миссии национального лидера государства и служения государству, жизни для и во имя России, заложенная Екатериной II, наиболее ярко проявилась в воспитании наследника и великих княгинь в семье Николая II.

Проведенный нами анализ содержания семейного воспитания и домашнего образования, сложившегося в императорской фамилии на протяжении XVIII – начала XX в., доказывает, что именно в практике обучения и воспитания наследников престола складывались традиции формирования доминирующей духовно-нравственной, высокостатусной интеллектуальной страны России.

Примечания

- ¹ См.: Детство, воспитание и лета юности российских императоров / сост. И. Н. Божеянов. СПб., 1912. 128 с.
- ² См.: *Екатерина II Великая*. Наставление князю Н. И. Салтыкову по поводу воспитания великих князей Александра и Константина. 1784 г. // Сочинения Екатерины II. М., 1990. С. 86.
- ³ См.: Детство, воспитание и лета юности российских императоров / сост. И. Н. Божеянов. СПб., 1912. 136 с.; Жуковский В. А. План учения Его императорского Высочества государя великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Полн. собр. соч. : в 12 т. СПб., 1902. Т. IX. С. 135–147.
- ⁴ *Ларионцев М. М.* Культура воспитания в семье последнего российского императора : дис. ... канд. культурологии. М., 2005. С. 42.

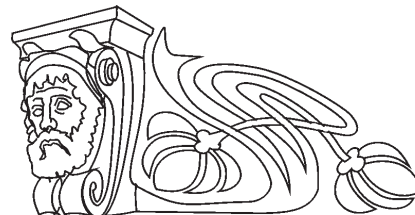

УДК 378

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ОСНОВЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ» В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Н. А. Медведева

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета
E-mail: mednataha@yandex.ru

Профессиональная готовность рассматривается в единстве ее составляющих – общей и частной профессиональной готовности, – выступает как целостное структурное образование, включающее совокупность личностных качеств, психологического состояния, профессиональных знаний и умений студентов, обеспечивающих эффективность взаимодействия субъектов педагогического процесса, направленного на формирование готовности студентов к реализации программы «Основы здорового образа жизни» в общеобразовательной школе. Предлагаемая модель формирования профессиональной готовности представляет собой единство целевого, организационного, содержательного и диагностического компонентов.

Ключевые слова: профессиональная готовность, профессиональная деятельность, компоненты системы подготовки, готовность к деятельности.

Professional Readiness of Students to Implement the «Basics of Healthy Life-style» Program in Secondary Schools

N. A. Medvedyeva

Professional readiness is considered in unity of its components – general and special professional readiness – and presented as an integral structural unit which is a sum of personal qualities, psychological state, professional knowledge and skills of students that provide the efficiency of interrelation of the subjects of pedagogical process directed to the implementation of «Basics of healthy life-style» program in a secondary school. The offered model of professional readiness formation represents a unity of target, organizational, substantial and diagnostic components.

Key words: professional readiness, professional activity, training system components, readiness to the activity.

Осознание важности введения предмета «Основы здорового образа жизни» (ОЗОЖ) в программу общеобразовательной школы позволяет вести целенаправленную профессиональную подготовку студентов педагогического вуза к реализации этого курса как компетентных педагогов с высоким уровнем готовности к указанной деятельности. Приступая к разработке данной программы, мы опирались на исследования ряда специалистов (М. И. Дьяченко, Ф. И. Иващенко, Л. А. Кандыбовича, А. И. Кочетова и др.), согласно которым подготовка к профессиональной деятельности или отдельному ее

аспекту будет эффективной, если ее результатом является формирование готовности к данному виду деятельности.

Понятие «*готовность к деятельности*», несмотря на его широкую распространенность, имеет неоднозначную психолого-педагогическую интерпретацию. Анализируя различные подходы к определению этого понятия, можно выделить следующие трактовки:

- условие успешного выполнения деятельности, избирательная активность, настраивающая на неё личность¹;
- активное состояние личности, обеспечивающее ее самореализацию в подготовке и решении определенных задач на основе собственного опыта (Т. В. Лаврикова)²;
- предпосылка и регулятор деятельности (Ю. В. Янотовская)³;
- целостная система свойств личности (В. В. Сериков);
- интегральное качество личности (И. Л. Яцукова);
- структурированная система качеств личности (О. В. Госсе)⁴.

Методологической базой формирования готовности студентов педагогического вуза к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе выступает общая теория профессиональной готовности, которая рассматривает данный феномен в единстве его составляющих (М. А. Кандыбович, К. К. Котик, В. А. Санжаева и др.) – общей и частной профессиональной готовности.

Общая профессиональная готовность отражает уровень овладения тем или иным человеком знаниями, умениями и навыками в соответствии с профилем деятельности и позволяет оценить профессиональную пригодность субъекта предстоящей деятельности, его направленность, профессиональную подготовленность и психическое состояние. В ряде исследований (М. И. Дьяченко, Ф. И. Иващенко, Л. А. Кандыбович, А. И. Кочетов, Д. Н. Узнадзе и др.) категория «общая профессиональная готовность» рассматривается на личностном и функциональном уровне в совокупности следующих базовых характеристик:

- активное состояние личности, вызывающее деятельность;
- следствие деятельности;
- качество, определяющее установки субъекта на профессиональные ситуации и задачи;
- предпосылки к целенаправленной деятельности, ее регуляции, устойчивости, эффективности.

Показателями общей профессиональной готовности субъекта деятельности являются:

- осознание целей, достижение которых позволяет человеку успешно выполнять поставленные задачи;
- осмысление и оценка условий, в которых будет протекать предстоящая профессиональная деятельность;
- определение главных и вспомогательных способов решения задач;
- прогнозирование проявления интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка субъектом соотношения своих возможностей, уровня притязаний и необходимости достижения определенного результата в деятельности;
- мобилизация сил в соответствии с условиями и задачами, оценка возможности достижения цели.

Таким образом, можно констатировать, что общая профессиональная готовность выступает как феномен, посредством которого объясняют устойчивость деятельности человека в полимотивированном пространстве (М. И. Дьяченко, Л. И. Захарова, Л. А. Кандыбович, М. А. Котик, К. К. Платонов, Р. Д. Санжаева, В. А. Сосновский и др.).

В контексте нашего исследования в качестве общей профессиональной готовности рассматривается готовность к педагогической деятельности, которая выступает как целостное структурное образование, проявляющееся в активно-положительном отношении педагога к профессиональной деятельности и сформированности профессионального самосознания (К. А. Абульханова-Славская, А. А. Баталов, С. Г. Вершловский, Э. А. Гришин, Ф. Н. Гоноволин, Н. Д. Левитов, А. И. Кочетов, Н. В. Кузьмина и др.).

Профессиональная готовность является результатом профессиональной подготовки, качеством личности и выступает регулятором успешности профессиональной деятельности, разновидностью установки. Н. В. Кузьмина, например, связывала готовность учителя с его умением решать профессионально-педагогические задачи, способностью перейти от интуитивного действия к осознанному. Она обратила внимание на необходимость учета индивидуальных особенностей будущего специалиста. А. Г. Мороз изучал готовность к педагогической деятельности как важнейший фактор адаптации учителей к профессии и рассматривал ее как сложное психологическое образование, вклю-

чающее мотивационный, ориентационный, операционный, волевой и оценочный компоненты. Базовым теоретическим положением в отношении готовности педагогов к работе является предложенная В. А. Сластениным идея актуализации личностного смысла педагогической деятельности, которая связана с общей направленностью личности. Студент сам осознает и формулирует практическую задачу и решает, какие именно знания нужны ему как средство её решения.

В структуре готовности к педагогической деятельности можно выделить целый ряд составляющих, главными из которых выступают:

- операционная готовность – создание и развитие психологической системы регуляции профессиональной деятельности, которая затрагивает профессиональные способности и систему профессионально важных качеств и выступает практическим критерием для решения вопросов профессиональной пригодности или непригодности человека;

- мотивационная готовность – развитие на базе усвоенных общечеловеческих и собственных личностных ценностей и предпочтений системы профессиональных интересов и склонностей, которая выступает реальной базой для определения профессиональной направленности и детерминирует результат решения о предпочтении одного работника другому;

- функциональная готовность – генерализованное состояние человека как общее его настроение, на фоне которого развиваются состояние ожидания, намерения, эмоциональные реакции; она выступает психологическим аргументом в пользу всех процедур оперативного экспресс-контроля профессионала перед выполнением ответственных заданий;

- психологическая готовность – результат развития общей системы регуляции деятельности субъекта, сформированности у него системы ценностей и смыслов, необходимых для его включения в активную профессиональную деятельность.

Все виды готовности педагога к профессиональной деятельности тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, что находит свое выражение в характере решения учебно-воспитательных задач. Высшим уровнем считается способность педагога осуществлять профессиональную деятельность на основе творческого решения педагогических задач.

Частная профессиональная готовность выступает частным случаем по отношению к общей и конкретизирует уровень состояния и свойств личности в каком-то определенном аспекте профессиональной сферы. Как личностный феномен частная профессиональная готовность имеет сложную динамическую структуру, включающую интеллектуальные, эмоциональные, мотивационные и волевые особенности личности человека

в их соотношении с внешними условиями и задачами конкретного аспекта профессиональной деятельности.

В рамках нашего исследования *готовность студентов педагогического вуза к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе* можно рассматривать как совокупность личностных качеств, психологического состояния, профессиональных знаний и умений студентов, обеспечивающих эффективность взаимодействия субъектов педагогического процесса, целью которого является формирование готовности со-

хранения и укрепления здоровья учащихся общеобразовательной школы.

Согласно ведущим идеям личностно-деятельностной теории (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн и др.), являющейся методологической основой нашего исследования, и обобщая мнения ряда авторов (Р. С. Немов, Н. Н. Обозов, Н. В. Кузьмина, Т. И. Артемьева, Н. С. Пряжников и др.), нами была разработана *теоретическая модель формирования готовности студентов педагогического вуза к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе* (рисунок).

Теоретическая модель формирования готовности студентов педагогического вуза к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе

В рамках целевого компонента, определяющего границы экспериментального исследования, решаются задачи формирования готовности студентов к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе. Организационный включает основные формы взаимодействия и передачи знаний в процессе обучения, обеспечивающие достижение цели и решение поставленных задач, определяет оптимальный выбор методов, форм и средств работы в ходе профессиональной подготовки студентов. Содержательный компонент включает педагогическое воздействие, объем знаний, умений и навыков, необходимых для достижения целей профессиональной подготовки студентов. Диагностический представлен диагностическими процедурами и уровневыми характеристиками, позволяющими контролировать эффективность реализации программы профессиональной подготовки студентов. С их помощью выявлялись реальность целей, качество учебных и контролируемых программ, объективность

критериев оценки подготовленности студентов. Результативный компонент отражает динамику повышения уровня формирования готовности студентов к реализации программы ОЗОЖ в общеобразовательной школе.

Примечания

- 1 См.: Вопросы формирования готовности к профессиональной деятельности: экспресс-информация / отв. ред. Ю. К. Васильев. М., 1978. 126 с.
- 2 См.: Лаврикова Т. В. Подготовка студентов педвуза к применению лично ориентированных технологий обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 23 с.
- 3 См.: Янотовская Ю. В. Экспериментальное исследование самостоятельности в трудовой деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1973. 23 с.
- 4 См.: Госсе О. В. Подготовка будущего учителя к социально-педагогической деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 27 с.

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

А. В. Миронов

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России
E-mail: amironov2010@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема формирования технической культуры курсантов военного вуза. Дано авторское определение понятия, выявлены компоненты технической культуры, предложена модель ее формирования в процессе обучения в военном вузе.

Ключевые слова: культура, техника, техническая культура, модель формирования.

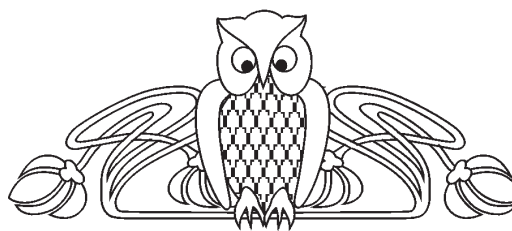
The Cadets' Technical Culture Formation During the Educative Process

A. V. Mironov

The problem of the military institute cadets' technical culture formation is considered in the article. The author's definition of the notion is given, technical culture's components are determined; model of its formation during the educative process in the military institution is suggested.

Key words: culture, technique, technical culture, formation model.

Анализ содержания технической культуры предполагает раскрытие сущностной взаимосвязи культуры и техники, что возможно лишь на основе их системного анализа и роли в жизнеде-

тельности. Вопросы взаимодействия техники и культуры рассматриваются в философии техники.

В начале XX в. немецкий философ О. Шпенглер опубликовал книгу «Закат Европы», вызвавшую огромный интерес; в ней он заявил, что культура умирает под воздействием технического прогресса, и это её внутренний закон развития. Рассматривая историю общества как путь к цивилизации при помощи техники, О. Шпенглер утверждал, что все явления культуры, кроме технических изобретений как орудия борьбы за власть, постепенно теряют свое значение, общественный прогресс прекращается и культура Запада достигает своей кульминации. Она заключается в том, что человечество вступает в такой цивилизационный период, когда культура покоряется технике и умирает: она «вдруг застывает, ее роль свертывается, силы ее надламываются – она становится цивилизацией»¹.

Противоречие, в которое неизбежно вступает техническое и культурное развитие, отмечали многие философы, в частности Н. А. Бердяев в «Конце Европы»², Г. П. Данилевский. Послед-

ний более ста лет назад, еще в 1868 г., написал рассказ «Жизнь через сто лет». При помощи чудодейственного средства его герой переносится во времени через сто лет в Париж. Обращаясь к потомкам, герой с гневом говорит: «Я вас не понимаю и от души сожалею! Вы презираете все, что не ведет к практической, обыденной, неизменной пользе! Вы пренебрегаете идеями великого философского цикла и дали развитие одному – практическим, техническим, не идущим далее земли, наукам и ремеслам. Вы отдали луч солнца за кусок удобрения, песню вольного поэтического соловья за мычание упитанной для убоя телушки...»³. При чтении этих строк у нас возникают ассоциации с нашим временем, некоторые черты которого сумел разглядеть Г. П. Данилевский. Последствия конфликта между техническим и культурным прогрессом отражаются в философии техники, представители этого направления стараются понять возникающие коллизии, объяснить их и найти выход.

К началу 1970-х гг. возникает тенденция рассматривать технику в системе культуры в историческом аспекте, в совокупности внетехнических факторов. Трактую философию техники как органическую часть культурологии, некоторые авторы считают технику элементом культуры. Технические потребности людей аналогичны всем прочим культурным потребностям, но техника той или иной эпохи является феноменом исторической случайности, независима от предшествующего развития и определяется только данной системой культуры. Она не имеет своих специфических законов развития, и определить ее будущее в системе иной культуры невозможно⁴.

Примерно в это же время возникает мысль о существовании двух культур, между которыми нет взаимопонимания. «Итак, – писал Ч. П. Сноу в статье «Две культуры и научная революция», – на одном полюсе – художественная интеллигенция, на другом – ученые, и как наиболее яркие представители этой группы – физики. Их разделяет стена непонимания, а иногда – особенно среди молодежи – даже антипатии и вражды. Но главное, конечно, непонимание. У обеих групп странное, извращенное представление друг о друге. Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общего языка даже в плане эмоций»⁵. Утверждая наличие двух культур, Ч. П. Сноу писал о необходимости их синтеза, что дало бы мощный стимул для интеллектуального рывка во всечеловеческой культуре.

Против разделения единой культуры на два сегмента выступает ряд ученых: как указывает И. А. Негодаев, Ф. Хофман в лекции «Одна культура», прочитанной в Ростовском университете, на материале истории науки продемонстрировал факты, свидетельствующие о том, что ученые в своей деятельности руководствуются не только научными принципами, но и гуманистическими ценностями⁶. Советский физик-теоретик

Е. Фейнберг в своей книге «Две культуры» вместо конфликта предсказывает плодотворное взаимодействие науки, техники и искусства, их синтез в процессе дальнейшего развития единой культуры⁷. Еще более категорично утверждение Г. Ропполя: «Таким образом, технические проблемы являются одновременно и моральными проблемами, и поэтому мораль развивающегося мирового сообщества людей не вправе игнорировать условия, возможности и последствия технической деятельности»⁸. В подавляющем большинстве философских и социальных исследований техника рассматривается во взаимодействии с культурой. Какова же их связь?

Прежде всего техника является важнейшей культурной ценностью. Сфера культуры не ограничивается классическими ценностями искусства, этики, науки. Кроме духовной существует материальная часть культуры, к которой относится и техника как деятельность и средство, воплощающие в себе человеческие знания. Прогресс технических средств, приобретение умения и навыков их использования, их совершенствование являются важнейшим фактором развития и функционирования культуры.

Философ и публицист Г. Н. Волков рассматривал культуру как единство трех аспектов – философского, научного и художественно-эстетического – исследовал теорию и историю культуры, изучал взаимодействие трех составляющих культуры на различных этапах ее развития. Он предложил концепцию развития техники, в которой её внутренние движущие силы рассматривались через призму процессов овеществления трудовых функций человека⁹.

По мнению И. А. Негодаева, техника воздействует на все другие элементы культуры: через систему общественных связей и отношений она доминирует в культурном прогрессе, является материальным основанием всей культуры. Как важнейшая культурная ценность техника интегрирует все другие культурные ценности той или иной эпохи в определенную систему. Она раскрывает внутреннее богатство культуры, разнообразие ее содержания. В этом смысле можно говорить о технической культуре как характеристике культурного потенциала общества. Техническая культура в каждый исторический период является неотъемлемым компонентом культуры¹⁰.

Приведенные высказывания о взаимодействии и взаимопроникновении культуры и техники подтверждают мысль В. П. Зинченко о единстве культуры и ошибочности разделения ее на две, три и т. д. Культура – явление пограничное, она есть везде и всегда, поэтому нецелесообразно искать границы культуры, важнейшим ее признаком является единство¹¹.

Техническая культура проявляется прежде всего в технической, производительной деятельности. Цель, а вместе с ней и техническая аппа-

ратура являются для сознания первостепенными, а то, что дано природой, отстывает. Природа, которую воспринимает человек в своей технической деятельности, – это то механическое и познанное благодаря исследованию невидимое (например, электричество), которым можно оперировать в неизменных рамках механической среды. Тот, кто не постиг этого знания и ограничивается только его практическим применением, совершает действия, не представляя того, что, в сущности, происходит, т. е. люди могут, не вступая в какие-либо отношения с природой, обслуживать непонятную им технику, тогда как в прежние времена для управления техникой необходимы были сноровка, умение и физическая ловкость.

Современная техника требует надлежащей близости к природе и культуре. Ряд технических аппаратов – от пишущей машинки до автомобиля – требует особой физической ловкости. Но это почти всегда односторонняя и ограниченная в своем применении ловкость и физическая выносливость, а не результат физической тренировки. Для того чтобы пользоваться технической аппаратурой, необходимо знание. Техника может либо полностью отдалить человека от природы, оттеснив ее бессмысленным использованием технических достижений, либо приблизить его к познанию природы невидимого. Она открывает перед человеком новый мир и новые возможности существования в нем, а в этом мире – новую близость к природе и культуре.

Сформированная техническая культура позволяет видеть и чувствовать *красоту технических изделий* (транспортные средства, машины, технические изделия повседневного пользования достигают совершенства своих форм). Техника дает огромное *расширение реального видения*: благодаря ей в малом и великом становится зримым то, что скрыто от непосредственного восприятия. Микроскоп и телескоп не существуют в природе, но они открывают совершенно новый мир природы. Складывается *новое мироощущение*: пространственное восприятие с появлением современных средств связи и сообщения расширилось до пределов всей планеты. В техническом мире для человека существуют новые возможности: возникает специфическое удовольствие от достижений техники, благодаря ей расширяются знания о мире.

На основе проведенного анализа можно определить понятие «техническая культура» и выявить его компонентный состав. Под *технической культурой* мы понимаем интегративное свойство личности, систематизирующее когнитивный, эмоционально-ценностный, технологический и рефлексивный компоненты, уровень сформированности которых обеспечивает эффективное владение техникой (в том числе и военной).

Содержательное наполнение понятия отражается в выявленных компонентах: *когнитивный* содержит знания о применении материалов, законов и природных процессов, использовании технического прогресса; *эмоционально-ценностный* отражает эмоциональные переживания и отношение к технике, проявляется в удовлетворении от владения и общения с техникой. Радость достигнутого успеха от установления контакта с различными видами техники сопровождает деятельность личности (курсанта). Этот компонент, кроме того, включает систему жизненных ценностей, характеризуемую такими показателями, как потребность и стремление к овладению новыми образцами военной техники, ориентацию на них; *технологический* проявляется в умении и навыках решать различные технические задачи; *рефлексивный* нацелен на формирование развития умений и навыков самоанализа, самокоррекции, определение траектории саморазвития и самообразования, моделирование и проведение экспертизы новых образцов военной техники.

Для формирования технической культуры курсантов военного вуза нами была разработана модель на основе современных средств обучения, построенная на принципах междисциплинарности (взаимосвязь и последовательное соединение данных различных наук, содержания отдельных предметов, изучаемых в военном вузе); интеграции (взаимопроникновения и взаимообогащения основных сфер военно-профессиональной деятельности); ценностного отношения к профессиональной деятельности (совпадения индивидуальной и общественной систем ценностей). Модель формирования включает четыре элемента:

целей определяется взаимодействием всех целевых установок: добиться оптимального сочетания различных видов технических устройств и дидактических материалов для повышения качества военной подготовки и эффективности формирования технической культуры (основная цель), достичь различных уровней обученности при изучении дисциплины на различных курсах, в учебных семестрах; провести различные виды учебных занятий (тактические цели);

содержательный включает: реализацию инновационных информационных и педагогических приемов, обеспечивающих эффективность и результативность овладения обучаемыми военной и гражданской техникой; оказание пошаговой индивидуальной помощи курсантам в углубленном и творческом овладении учебным материалом по дисциплине в процессе плановых учебных занятий и самостоятельной работы; повышение качества педагогической деятельности по применению средств обучения; активизацию и поддержание на необходимом уровне учебно-познавательной деятельности курсантов по дисциплине; их мотивацию к освоению новых методик самостоятельного овладения знаниями; форми-

рование навыков и умений, профессиональное самосовершенствование; развитие методических навыков и умений использования средств обучения курсантами, которые будут необходимы при подготовке личного состава;

технологический предполагает активное педагогическое взаимодействие (воздействие и влияние) преподавателей и обучаемых для достижения целей и решения задач педагогического процесса; направлен на формирование технической культуры курсантов при комплексном использовании средств обучения; осуществляется на основе создания единства смыслов и целей деятельности, совместной деятельности, отношений педагогического сотрудничества, партнерства, доброжелательности, взаимной ответственности за качество и результаты подготовки к будущей военной деятельности; влияет на сознание, чувства и волю обучаемых, приводит к позитивному изменению их отношения к процессу обучения и воспитания в вузе, овладению ими знаниями, навыками и умениями;

результативный определяет и подытоживает функционирование всех элементов, степень (уровень) сформированности технической культуры в процессе оптимального сочетания различных видов современных технических устройств и дидактических материалов в военной подготовке курсантов в целом, на различных курсах (годах) обучения, при изучении отдельной дисциплины, проведении различных видов учебных занятий

и в других условиях; он включает оказание помощи курсантам в углубленном и творческом овладении содержанием (учебным материалом, программами и пр.).

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что формирование технической культуры курсантов является неотъемлемой частью военной подготовки и направлено на модернизацию военного образования.

Примечания

- ¹ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 30.
- ² См.: Бердяев Н. А. Конец Европы // Судьба России : сб. М., 1918. С. 117–126.
- ³ Данилевский Г. П. Соч. : в 24 т. СПб., 1901. Т. 19. С. 34.
- ⁴ См.: Негодаев И. А. Философия техники. Техника и культура. Ростов н/Д, 1997. С. 425.
- ⁵ Сноу Ч. П. Портреты и размышления: художественная публицистика / пер. с англ. М., 1985. С. 197.
- ⁶ См.: Негодаев И. А. Указ. соч. С. 426.
- ⁷ См.: Фейнберг Е. Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М., 2004. 288 с.
- ⁸ Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 195.
- ⁹ См.: Волков Г. Н. Три лика культуры : историко-философские очерки. М., 1986. 335 с.
- ¹⁰ См.: Негодаев И. А. Указ. соч. С. 428–429.
- ¹¹ См.: Зинченко В. П. Культура и техника // Красная книга культуры / под ред. И. Т. Фролова. М., 1989. С. 55–69.

УДК 316.752

СУЩНОСТНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Т. В. Черватюк

Саратовский государственный университет
E-mail: tvch75@yandex.ru

Статья посвящена исследованию сущности и компонентного состава межкультурных ценностных ориентаций, поэтому его объем и содержание раскрываются через анализ понятий, включенных в него или сопряженных с ним: «культура», «ценность», «ценностные ориентации», «межкультурное взаимодействие».

Ключевые слова: культура, ценность, ценностные ориентации, межкультурное взаимодействие, национальное самосознание, толерантность, межкультурная компетенция.

The Essential and Meaningful Characteristics of Cross-Cultural Value Orientations

T. V. Chervatyuk

The paper presents a study of the essence and the component mix of cross-cultural value orientations. The basic meaning of «cross-cultural

value orientations» is rather complicated. So the author explains the essence through the analysis of the elements of its component mix: culture, value, value orientations, cross-cultural interaction.

Key words: culture, value, value orientations, cross-cultural interaction, national self-consciousness, tolerance, cross-cultural competency.

На наш взгляд, система высшего образования должна быть нацелена на формирование личности с глобальным мышлением во всей многогранной полноте интеллектуального, культурного, психологического и социального развития. При этом качество специалиста – выпускника вуза должно определяться не только профессиональной подготовкой, но и знаниями в области истории, философии, социологии, экономики, культурологии и,

что еще более важно, умением ориентироваться в кризисных, проблемных ситуациях, способностью к рефлексии и творчеству в культурно ненормированных условиях, к работе с разными типами мышления, с идеями разных культур. Образование способно разрушать межэтнические границы, снимать межнациональные предрассудки, которые чаще всего порождаются культурной замкнутостью, при этом, как показывают исследования, «этнические общности с высоким уровнем образования более расположены к этнокультурным контактам, особенно в деловой среде»¹.

В связи с этим одним из важнейших критериев качества выпускника вуза должна стать его культурная компетенция. Феномен культурной компетенции включает в себя несколько структурных составляющих, в том числе и ценностно-смысловой уровень, на котором выявляются доминирующие в той или иной культуре ценности и смыслы, составляющие ее историко-культурное многообразие, поэтому актуальной становится проблема формирования межкультурных ценностных ориентаций.

Базовое понятие «межкультурные ценностные ориентации» является сложным по структуре: его объем и содержание должны раскрываться через анализ понятий, включенных в него или сопряженных с ним – «культура», «ценность», «ценностные ориентации», «межкультурное взаимодействие»². Очередность их анализа осуществляется в соответствии с принципом восхождения «от абстрактного к конкретному» с учетом того обстоятельства, что мыслимые в них признаки существуют не сами по себе, а в неразрывной связи друг с другом, образуя целостную систему.

Культура – понятие широкое и имеющее достаточно разнообразные толкования (А. Н. Леонтьев, В. С. Степин, Г. Хофстед, Э. Тайлор и др.), американские антропологи насчитывают более двухсот определений. Общее в них то, что культура понимается как материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности, идеи, признанные способы поведения, объективированные и принятые в общностях (группах), передаваемые из поколения в поколение. Подразделяя культуру по ее носителю, выделяют мировую и национальную. Первая синтезирует достижения национальных культур, вторая – культуры различных классов, социальных слоев и групп.

Каждое общество обладает целостной системой ценностей, понятий, представлений о взаимосвязях между ними, правил, норм поведения, образцов деятельности, традиций и обычаев, обрядов и т. д., признаваемых большинством его членов, реализуемых массово в их жизнедеятельности. Такая система включает общечеловеческий компонент и вместе с тем обладает специфическими чертами, отличающими данное общество от других.

Первыми, кто исследовал ценностные ориентации, были американские ученые У. Томас и Ф. Знанецкий, которые определили ценность как «любой предмет, обладающий поддающимся определению содержанием и значением для членов какой-либо социальной группы»³. Таким образом, ценность – это значимые для человека объекты окружающего мира, определяемые степенью их вовлеченности в сферу жизнедеятельности личности, ее интересов и потребностей, социальных отношений. Критерии значимости выражаются в нравственных принципах, нормах, идеалах, установках, целях личности. Э. Шпрингер считал, что ценностные ориентации являются основой личности, посредством которой она познает мир⁴. Ценностные ориентации формируются при усвоении социального опыта, а система ценностных ориентаций образует содержательную сторону направленности личности и выражает внутреннюю основу ее отношения к действительности.

В процессе совместной деятельности, определяющей отношения людей в группах, складываются групповые ценностные ориентации, обеспечивающие сплоченность группы⁵. В известной степени ценностные ориентации личности отражают результаты предшествующего этапа воспитания и образования и всегда связаны с конкретной деятельностью.

Россия является одной из самых поликультурных стран мира: она обладает не только огромным этническим разнообразием в пределах своих границ, но и обширным опытом взаимодействия с множеством государств, прежде входивших в состав СССР. Важным для россиян является дальнейшее укрепление культурных отношений с другими странами. В этой связи все большее значение будет приобретать кросс-культурная психология – наука, занимающаяся сравнением культур. Для установления в будущем гармоничных отношений между Россией и другими странами еще более существенное значение приобретет распространение среди всех слоев населения кросс-культурной грамотности, которая позволит нации выполнить свою историческую роль географического, культурного и интеллектуального моста между Востоком и Западом⁶.

В настоящее время межнациональные отношения – одна из сложнейших проблем, особенно в тех отдельных регионах, где она обострилась наиболее резко. Не вдаваясь в анализ всех причин, приведших к межнациональным конфликтам в стране, следует отметить, что одной из них является отсутствие подлинного межкультурного взаимодействия. Данную категорию необходимо рассматривать в постоянном обновлении и развитии, что связано, во-первых, с различными ступенями зрелости общества, объективно обуславливающими характер, формы и интенсивность межкультурного взаимодей-

ствия, с направленностью и специфичностью культуры; во-вторых, с тем, что именно в ходе общения каждый индивид проявляет и реализует то, что свойственно обществу в целом, каждой конкретной нации и народности, которую он представляет, той среде и коллективу, к которому он принадлежит.

Сущность культурного разнообразия заключается в том, что люди разных культур пользуются одними и теми же основными понятиями, но вкладывают в них разный смысл: это определяет особенности их поведения, которое часто представляется нам иррациональным и противоположным тому, что мы считаем очевидным. Знание культурных основ и национальных особенностей как в сфере общественных отношений, так и в бизнесе позволит предвидеть и просчитать то, как партнеры будут реагировать на те или иные предложения. Более того, они смогут в определенной степени предсказывать отношение друг к другу. Практическое знание базовых черт культур (в том числе и своей собственной) сведет к минимуму неприятные сюрпризы (культурный шок), позволит достичь взаимопонимания, преодолеть трудности общения с представителями других стран.

Проанализировав сложное понятие «межкультурные ценностные ориентации», мы пришли к выводу, что это убеждения человека, проявляющиеся в деятельности, направленные на конструктивное взаимодействие с людьми другой культуры и включающие в себя следующий компонентный состав: национальное самосознание; толерантность; межкультурную компетенцию; психологическую готовность к диалогу.

В национальном самосознании на уровне ориентаций, предпочтений и стереотипов отражаются образ и стиль жизни народа, его нормы и ценности, представление о своей «самости». Толерантность – одна из противоречивых ценностей современного общества – в России распространена на уровне декларируемой нормы. Для россиян более привычны бескомпромиссность, спор, столкновение взглядов, что приводит к открытым конфликтам, нежеланию пойти на компромисс, достичь сотрудничества.

Третьим компонентом межкультурных ценностных ориентаций является межкультурная компетенция, которая в современной науке не имеет однозначного определения. В некоторых работах это понятие приравнивается к социальной компетенции, которая рассматривается как динамический процесс, включающий в себя когнитивные, языковые и социальные способности человека⁷. Часто в понятие межкультурной компетенции включают эмоциональный и поведенческие аспекты, наряду с коммуникативными,

языковыми, интерактивными способностями, подчеркивая, что она носит процессуальный характер.

Важным компонентом межкультурных ценностных ориентаций является психологическая готовность к диалогу. Тема диалога по отношению к культуре впервые возникла в начале XX в. в работах К. Ясперса, О. Шпенглера, М. Бубера, М. Бахтина. Позднее проблема «диалога культур» поднималась в трудах Л. Баткина, М. Кагана, на рубеже 1980–90-х гг. в трудах П. Гайдено, В. Библера и др. Так, К. Ясперс возвел способность коммуникации в ранг «гносеологического критерия истины», М. Бахтин расширил понятие «диалог» до уровня философской категории.

Проблема диалога в культуре связана с её существенными характеристиками. Диалог с точки зрения нашего исследования является универсальным принципом, который организует мышление человека, обеспечивает саморазвитие культуры, воспроизводство личности, способность к коммуникации. Все исторические и культурные явления выступают продуктом общения, взаимодействия, следствием взаимоотношений, в том числе и с социумом.

В этой связи большее значение приобретает диалоговый подход, основанный на идеях открытости, культурного плюрализма, но отношения между культурами могут быть различными – утилитарными, отношениями неприятия, взаимодействия и взаимообогащения.

Перспективой исследования межкультурных ценностных ориентаций является разработка модели педагогической системы их формирования, которая проектировалась бы с учетом специфики и объема культурной информации, подлежащей усвоению.

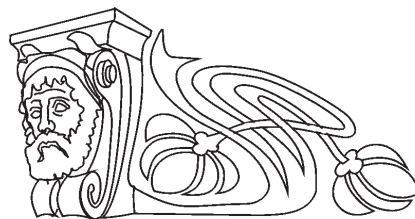
Примечания

- ¹ Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология. М., 2006. С. 245.
- ² См.: Железковская Г. И. Понятийное диалектическое мышление у студентов. Саратов, 1993. С. 8.
- ³ Цит. по: Колб У. Изменение значения понятия ценностей в современной социологической теории // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. С. 114.
- ⁴ См.: Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 55–59.
- ⁵ См.: Новейший психологический словарь / под ред. В. Б. Шапаря. Ростов н/Д, 2007. С. 347.
- ⁶ См.: Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / пер. с англ. М., 1999. С. 18.
- ⁷ См.: Lee L. Is social competence independent of cultural context? // American Psychologist. 1979. № 34. P. 795–796.

УДК 378

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ В ОБЛАСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. О. Верещагина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: natalia.vereshchagina@herzen.spb.ru

В статье рассмотрена одна из перспективных форм сетевого взаимодействия, обеспечивающая совершенствование методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования, – образовательный кластер.

Ключевые слова: методическая подготовка, сетевое взаимодействие, сетевой консорциум, образовательный кластер.

Prospects for Improving of the Methodical Training of the Bachelors and Masters in the Area of Geographical Education

N. O. Vereshchagina

The author considered one of the most promising forms of networking, providing improved methodology of bachelor's and master's degrees in the area of geographical education – the education cluster.

Key words: methodological training, networking, networking consortium, educational cluster.

Новым подходом в профессиональном педагогическом образовании, обеспечивающим повышение конкурентоспособности системы профессионального педагогического образования, инновационного развития образования как отрасли экономики, является кластерное обучение. Этому способствует глобализация, придающая достаточно мощный импульс процессу глубоких преобразований в мировой системе профессионального образования.

Мир стал более динамичным и более требовательным к тем странам, у которых отсутствуют либо недостаточно развиты эффективные механизмы устойчивого роста в сфере экономики и политики. Именно система профессионального педагогического образования внутри страны остается ключевым фактором, обеспечивающим подготовку специалистов, способных решать разнообразные проблемы в постоянно меняющихся социально-экономических условиях.

Стоит также отметить, что сегодня и школа, и педагогические вузы, и организации-работодатели делают шаги навстречу друг другу с целью совершенствования образовательного процесса, которое соответствовало бы логике трансформации общества в условиях информационного взрыва. Вузы при этом выполняют функцию интеграции образовательных, интеллектуальных,

материально-технических ресурсов, обеспечивающих формирование новой структуры и содержания педагогического образования.

Создание передовой системы педагогического образования – это ключевая этическая, экономическая, стратегическая задача современной России. Такие процессы развития профессионального педагогического образования, как переход на уровневую систему подготовки, дифференциация и индивидуализация образования, реализация модульного и личностно ориентированного обучения являются предпосылками интеграционных процессов, находящих отражение в различных формах сетевого взаимодействия, инициатором которого в 2010 г. стал Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Сегодня в сетевой консорциум объединилось более 20 педагогических вузов с целью консолидации ресурсов и формирования условий, обеспечивающих подготовку педагогов новой формации.

Таким образом, одним из приоритетных направлений развития государственной политики в области профессионального педагогического образования становится создание и развитие образовательных кластеров. Кластерная модель развития профессионального педагогического образования способна устойчиво генерировать эффективные методики и педагогические технологии подготовки профессионалов для системы общего (среднего) образования, среднего и высшего профессионального образования, отвечающих потребностям государства и общества. Основными теоретическими предпосылками внедрения кластерного подхода в систему педагогического образования являются внедрение личностно ориентированного обучения, инновации в образовании, блочно-модульное обучение, всеобучающие системы.

Под образовательным кластером понимают совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку и партнерскими отношениями с предприятиями отрасли.

Анализируя состояние российской системы профессионального педагогического образования на рубеже XX–XXI вв., нельзя не отметить

таких ее характеристик, как неустойчивость и неравномерность, несмотря на то что перспективы развития педагогического образования неоднократно рассматривались Министерством образования и науки (ранее – Министерством образования) Российской Федерации. Совершенствование сложившейся системы подготовки учителей на современном этапе сталкивается с рядом противоречий: во-первых, между все возрастающими требованиями к уровню профессиональной деятельности педагога и фактическим его состоянием; во-вторых, между утвердившимся в реальной практике новым типом профессиональной деятельности педагога с преобладанием творческой направленности педагогического мышления и сложившейся моделью профессионального образования, ориентированной преимущественно на традиционную «знаниевую» парадигму педагогической деятельности; в-третьих, между необходимостью оперативно реагировать на непрерывно меняющиеся требования к развитию личностного и индивидуально-творческого потенциала субъектов образовательного процесса и дискретно-локальным характером сложившейся системы подготовки будущего учителя; в-четвертых, между социальным заказом на высококомпетентного специалиста и инертностью многих учителей, касающейся применения своих знаний и умений в соответствии с современными требованиями к профессионалу, и др.

Необходимость разрешения указанных противоречий порождает потребность в разработке вопросов, связанных с рассмотрением совершенствования методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования в рамках образовательного кластера, направленного на повышение качества уровневой подготовки будущих учителей географии.

В образовательном кластере все субъекты принимают участие в регулировании системы методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования. Это не формальное объединение разных структур известной триады «вуз – наука – школа», а нахождение новой формы сопряжения их потенциала с целью достижения сверхэффекта в решении поставленных задач. Работодатель определяет, чему учить, учебные заведения – как учить, а профессиональное образование рассматривается как процесс, интегрированный с образовательной практикой, при этом и время, затрачиваемое на методическую подготовку востребованного специалиста, и период его профессиональной адаптации сокращаются.

Для работодателя – заказчика образовательных услуг образовательный кластер является «фабрикой» комплексного практико-ориентированного профессионального знания, позволяющего определить зоны приоритетных инвестиционных

вложений. Основными задачами образовательного кластера, объединяющего специалистов в области методологии и теории географического образования, являются:

разработка и реализация модели методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования, построенной на основе интеграции методологических подходов и принципов, а также реализуемой при условии объединения структурных подразделений образовательных учреждений, включенных в сетевое взаимодействие, и образовательных учреждений-работодателей, обеспечивающих повышение уровня методической компетентности бакалавров и магистров;

интенсификация и стимулирование совместных фундаментальных и прикладных научных исследований в области методологии и теории географического образования за счет развития исследовательской школы, расширения связей с академическими структурами, профильными научно-исследовательскими институтами, усиления грантовой деятельности и др.;

создание гибкой системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов, осуществляющих методическую подготовку бакалавров и магистров в области географического образования с учетом текущих и прогнозных требований системы российского образования.

При проектировании методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования необходимо учитывать уровневое построение образовательного кластера. Так, нами выделяются корпоративный, сетевой и международный уровни¹.

Корпоративный уровень направлен на объединение кафедр и структурных подразделений вуза, организаций-партнеров и организаций-работодателей, принимающих участие в подготовке бакалавров и магистров в области географического образования с целью повышения качества их методического обеспечения. При этом системообразующей единицей является объединение кафедр методики обучения (в соответствии с профилем и предметной областью) или научно-педагогических кадров, обеспечивающих реализацию методической подготовки бакалавров и магистров.

В существующей практике развития университетского сетевого взаимодействия можно выделить следующие этапы:

1) осознание важности, необходимости и неизбежности совершенствования методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования;

2) мотивирование профессорско-преподавательского состава и формирование готовности к проектированию и реализации методической подготовки;

3) формирование команды из числа профессорско-преподавательского состава, методически

и теоретически подготовленной к проектированию и реализации методической подготовки;

4) анализ проблемного поля методической подготовки и определение ключевых проблем;

5) выработка проектной идеи совершенствования методической подготовки, предполагающая выбор объекта нововведения; выбор основан на жизненной необходимости конкретного вуза и должен быть однозначно понимаемым большинством участников образовательного процесса;

6) определение методологических и теоретических подходов, принципов, методов, форм и средств обучения, педагогических технологий и др., предполагающих разработку модели методической подготовки бакалавров и магистров, обновление содержания программ учебных дисциплин, практик и др., а также разработку программы реализации внедрения модели;

7) отслеживание реализации проектной идеи с целью ее коррекции.

Сетевой уровень предполагает: создание образовательной сети педагогических образовательных учреждений России и содействие разработке сопряженных основных образовательных программ подготовки бакалавров и магистров в области географического образования (учебных планов, программ учебных дисциплин, практик, итоговой государственной аттестации и др.); проведение внутреннего аудита и профессиональной сертификации образовательных программ и научно-педагогических кадров, осуществляющих подготовку бакалавров и магистров; переход на модульное обучение и нелинейное построение образовательного процесса; расширение спектра учебных модулей (курсов, дисциплин), новых форм обучения и педагогических технологий подготовки бакалавров и магистров с учетом специфики уровневой подготовки; развитие академической мобильности обучающихся и преподавателей; эффективное использование образовательных ресурсов в качестве базы для научного исследования и производственной практики. Тем самым повышаются эффективность и качество подготовки педагогических кадров в России в целом, дается импульс развитию дистанционных форм обучения, стимулируется академическая мобильность студентов и преподавателей внутри сети.

Таким образом, сетевой уровень построения образовательного кластера связан с необходимостью объединения в рамках одной территориально-функциональной зоны фундаментальных и прикладных исследований в области теории и методики обучения и воспитания (в соответствии с профилем подготовки), разработки новых методик и педагогических технологий, интеллектуальных продуктов и т. д. Эффективное решение проектирования и реализации методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования достигается за счет формирования коллективного разума (сетевых знаний). На этом

этапе происходит не просто механическая интеграция ресурсов сети вузов, образовательных учреждений и организаций, заинтересованных в повышении результативности уровневой методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования, но эволюция самых ценных фундаментальных и теоретических знаний сотрудников, принимающих участие в ее проектировании и реализации, которые не только накапливаются и распространяются, но и служат отправной точкой для постоянного потока новых идей.

Международный уровень направлен на расширение реализации многосторонних транснациональных проектов сотрудничества, обеспечивающих повышение качества методической подготовки на основе развития содержания, методов и процедур в рамках профессионального педагогического образования. Он предполагает развитие совместной работы различных европейских партнеров, направленной на формирование методической компетентности бакалавров и магистров в области географического образования в ходе методической подготовки и предполагает:

1) разработку методологии методической подготовки бакалавров и магистров и регулирующих процедур и положений, направленных:

во-первых, на согласование требований к уровню методической компетентности с международными квалификационными стандартами и списками единиц результатов обучения, согласованных с соответствующими кредитными системами стран Европы и соотнесенных с Европейской системой перевода и накопления кредитов (ECTS) для высшего образования;

во-вторых, на содействие проверке, признанию и накоплению методических навыков и знаний обучающихся, приобретенных во время пребывания в другой стране или в различных ситуациях;

2) разработку методик и педагогических технологий обучения, оперативных механизмов, процедур и инструментов для оценки результатов обучения (то есть методической компетентности) для признания результатов методической подготовки между субъектами сетевого взаимодействия.

При этом основной формой взаимодействия являются инновационные проекты, которые должны выступать средствами улучшения качества и содействия инновациям в сфере методической подготовки. Успех при реализации данных проектов зависит от единства понятийной терминологии, разработанности инструментов и методов обучения, а также конкретных учебных материалов, которые могут быть использованы в ходе методической подготовки или приспособлены к изменяющимся условиям.

Среди примеров объединений, реализующих сегодня сетевые международные проекты в области профессионального образования, можно выделить EQAVET (European Quality Assurance)

– сообщество практиков с участием государственных, социальных партнеров и Европейской комиссии для развития общеевропейского сотрудничества в области разработки и совершенствования качества профессионального образования на основе единых требований к европейскому качеству.

В 2011 г. участники второго ежегодного форума, проводимого EQAVET в Будапеште (Венгрия), в резолюции отметили приоритетность кластерного подхода при реализации сетевых международных проектов и учета национальных ориентиров, традиций, культуры и т. д., а также необходимость создания условий и организации мероприятий для совместного использования и обмена информацией и надлежащей практики (например, взаимного обучения и т. д.)².

Таким образом, образовательный кластер предполагает создание различных форм интеллектуальных сетей, обеспечивающих решение задач методической подготовки бакалавров и магистров в области географического образования. На каждом из представленных выше уровней он будет способствовать взаимному обогащению и развитию педагогического творчества, а также

разработке новых решений методической подготовки бакалавров и магистров. Выработка единых методологии, технологии и инструментария методической подготовки на международном уровне предоставит обучающимся возможность контроля личного опыта обучения и сделает его более привлекательным.

Примечания

- ¹ *Верещагина Н. О.* Методическая подготовка бакалавров и магистров в области естественно-научного образования: методология, теория и перспективы. СПб., 2011. 224 с. ; *Соломин В. П.* Образовательный кластер как форма совершенствования методической подготовки бакалавров и магистров в области естественно-научного образования // Материалы XI междунар. методол. семинара «Биологическое и экологическое образование : методология, теория, методика». СПб., 2011. С. 115–124.
- ² Второй ежегодный форум EQAVET. URL: http://www.eqavet.eu/Libraries/Annual_Forum_2011/Secretariat_Report_EQAVET_Annual_Forum_2011_FINAL.sfb.ashx. (дата обращения: 23.12.2011).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК [378.091.2+378.2] (470+571)

ИТОГОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АТТЕСТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА

Е. Г. Елина, А. А. Чувакин*

Саратовский государственный университет

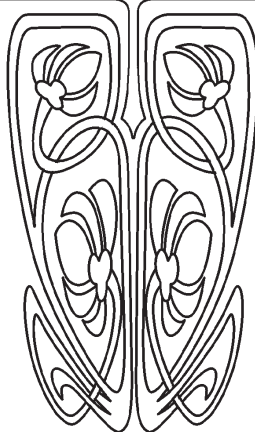
*Алтайский государственный университет

E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

E-mail: chuvakin@inbox.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В условиях модернизации высшего профессионального образования и введением федеральных государственных образовательных стандартов особое значение приобретает итоговая государственная аттестация. В статье предлагаются методы и формы проверки сформированности профессиональных и общекультурных компетенций у выпускников вузов на завершающем этапе обучения.

Ключевые слова: итоговая государственная аттестация, Федеральный государственный образовательный стандарт, компетенции.

State Final Certification in the Context of Realization of Federal State Educational Standard

E. G. Elina, A. A. Chuvakin

State Final Certification acquires particular importance in the context of modernization of higher professional education and the introduction of federal state education standards. The article suggests some methods and forms of examination of the level of professional and general cultural competences among the graduates of higher education institutions at the final stage of education.

Key words: State Final Certification, Federal State Educational Standard, competences.

В условиях модернизации высшего профессионального образования особое значение приобретает итоговая государственная аттестация (ИГА), призванная не только связать воедино весь предшествующий ей процесс обучения, но и выявить степень овладения выпускниками компетенциями, обозначенными в Федеральном государственном образовательном стандарте. Проблема ИГА связана еще и с тем, что разный уровень высшего образования – бакалавриат, специалитет, магистратура – требует разных видов итоговых аттестационных испытаний. Применение разных методов опроса студентов, подготовка принципиально разных экзаменационных материалов, разные типы тем и заданий для выпускных квалификационных работ – задача не из легких. Особенно она сложна применительно к магистратуре. Здесь возникает дополнительная необходимость различения выпускных квалификационных работ магистра, бакалавра и кандидатской диссертации. До сих пор не определены объем выпускной квалификационной работы (ВКР) магистра, уровень выполнения поставленных перед ним задач, степень разрабо-

танности темы, да и сам тематический масштаб, соответствующий задачам его подготовки.

Будучи завершающим мероприятием образовательного процесса, ИГА обладает своего рода двунаправленностью: в прошлое – в сферу образования и в будущее – в сферу деятельности выпускника. Аттестация предназначена для определения общих и специальных (профессиональных) компетенций бакалавра и магистра, позволяющих установить подготовленность выпускников к решению профессиональных задач, зафиксированных в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) и способствующих устойчивости специалиста на рынке труда и продолжению образования.

Очень важно понять, что при итоговой государственной аттестации должна осуществляться комплексная проверка формирования компетенций выпускников. При этом следует отметить, что она не ограничивается только процедурой государственного экзамена и защиты выпускной квалификационной работы, поскольку за относительно короткий промежуток времени, отводимый на прием экзамена и защиту выпускной работы, сложно проверить сформированность у выпускника целого комплекса общекультурных и профессиональных компетенций. Поэтому важная роль отводится научному руководителю выпускника, который осуществляет длительную проверку формирования ряда компетенций в ходе выполнения выпускной квалификационной работы и отражает результаты этой проверки в своем отзыве о работе. При принятии решения о сформированности компетенций выпускника государственная аттестационная комиссия по ряду компетенций основывается на этом отзыве, а также на рецензии выпускной квалификационной работы, осуществленной независимым экспертом.

Необходимо рассмотреть некоторые базовые вопросы ИГА отдельно в бакалавриате и магистратуре, факторы, определяющие содержание и форму проведения выпускного экзамена, возможности для установления оценки уровня овладения выпускниками профессиональными компетенциями.

Хочется обратить внимание на то обстоятельство, что выпускная квалификационная работа в условиях реализации федерального образовательного стандарта становится обязательным элементом, выпускной экзамен устанавливается по решению Ученого совета вуза. В связи с этим очевидно, что комиссия по защите ВКР должна утверждаться Министерством образования и науки Российской Федерации и иметь статус государственной, а комиссия по приему выпускного экзамена может носить характер внутривузовской комиссии по приему итогового вузовского экзамена.

Итоговая государственная аттестация бакалавра включает защиту выпускной квалификационной работы и государственный экзамен.

Итоговые аттестационные испытания предназначены для определения общих и специальных (профессиональных) компетенций бакалавра, определяющих его подготовленность к решению профессиональных задач, установленных Федеральным государственным образовательным стандартом, способствующую его устойчивости на рынке труда и продолжению образования в магистратуре.

Для проверки выполнения государственных требований к уровню и содержанию подготовки бакалавра может проводиться итоговый государственный экзамен либо по основной дисциплине, являющейся титульной для определения квалификации выпускника, либо междисциплинарный экзамен, включающий элементы нескольких дисциплин, основополагающих для данной квалификации. Цель такого экзамена в бакалавриате – проверка теоретической и практической подготовленности выпускника к осуществлению профессиональной деятельности и возможному продолжению обучения в магистратуре. Экзамен проводится экзаменационной (вузовской) комиссией в сроки, предусмотренные рабочими, учебными планами по направлению подготовки, в устной или письменной форме.

Поскольку областью профессиональной деятельности для выпускника вуза является, как правило, исследовательская и практическая деятельность в сфере того или иного направления подготовки, в процессе итогового государственного экзамена проверяются как знание истории, теории и современного состояния изучаемой науки, основных источников и научной литературы, так и практические навыки. Экзамен, кроме того, проверяет коммуникативные навыки выпускника, его умение строить ответ, аргументированно и точно выражать свои мысли, а также владение навыками устного и письменного высказывания.

Модель и форма проведения государственного экзамена определяются ученым советом структурного подразделения вуза, где проводится экзамен. Кроме традиционной формы экзамена – беседы по экзаменационным билетам – может быть рекомендована такая форма, при которой студент, помимо общего списка вопросов, готовит к экзамену спецвопрос, связанный с одним из видов его будущей профессиональной деятельности. Студенту, тяготеющему к производственно-прикладной деятельности, может быть предложен соответствующий спецвопрос. В качестве спецвопроса может быть представлен самостоятельный проект, выполненный студентом для реализации в различных сферах производственной деятельности.

Список вопросов может варьироваться в зависимости от профиля бакалавриата, в соответствии с которым были составлены учебный план и рабочие программы дисциплин. На государственный экзамен выносятся следующие типы вопросов: актуальные проблемы изученной дисциплины

или группы дисциплин в случае сдачи междисциплинарного экзамена; актуальные проблемы теории и истории изученного предмета; базовые вопросы по теории дисциплины; история развития основных научных учений и теорий в рамках изученной дисциплины; основные научные труды по изученной дисциплине или группе дисциплин; основные понятия и термины изученной дисциплины; основные типы задач, экспериментов, лабораторной практики в рамках изученной дисциплины или группы дисциплин.

Для проверки практических навыков на экзамене могут быть использованы образцы материалов, задач, практикумов, текстов, предназначенных для проверки различных компетенций, которыми должны были овладеть студенты в процессе обучения. Очень важно включать в программу экзамена проверку общекультурных компетенций – таких, как способность к письменной и устной коммуникации на русском языке, навыки работы с компьютером, способность использовать в познавательной деятельности базовые знания из области гуманитарных и социальных наук – в зависимости от перечня общекультурных компетенций, обозначенных в соответствующем ФГОС.

Так, например, для направления 031900 «Международные отношения» разбор конкретной ситуации «Проанализируйте события на Ближнем Востоке в период 2008–2010 гг. последовательно с точки зрения правительств Великобритании, США, Германии, России, Франции» выявляет владение студентом следующими компетенциями: «умение системно мыслить, способность к обобщению, анализу, восприятию информации...»; «знание и понимание логики глобальных процессов и развития всемирной политической системы международных отношений в их исторической, экономической и правовой обусловленности». Для направления 100400 «Туризм» анализ спроса и предложения туристского продукта для среднего класса в конкретном регионе позволяет отследить сформированность таких компетенций, как «готовность соблюдать этические и правовые нормы, регулирующие с учетом социальной политики государства отношения человека с человеком, обществом, окружающей средой»; «способность к эффективному общению с потребителем туристского продукта...» и др.

На государственном экзамене по направлению 030100 «Философия» проверка компетенции «владение методами и приемами логического анализа, умение работать с научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями» осуществляется следующим образом. Экзаменуемому предлагается выявить эволюцию концепций социально-практической деятельности в таких философских течениях, как марксизм, прагматизм и постмодернизм. Свой ответ необходимо построить на анализе основополагающих идей, содержащихся в произведениях Маркса, Хабермаса, Бодрийера. При подготовке ответа

студенту предоставляется возможность обращения к соответствующим текстам.

Итоговый междисциплинарный государственный экзамен по направлению 021000 «География» включает в себя задания практической направленности. Например, компетенция «владеть знанием основы картографии, умением применять картографический метод в географических исследованиях» проверяется на экзамене с помощью вопросов: из каких элементов состоит данная карта; какие элементы математической основы карты можно определить; какую картографическую проекцию имеет карта; определить главный и частный масштаб данной карты; какие способы картографического изображения использованы при составлении карты; какой принцип положен в основу создания легенды карты.

При проведении государственных аттестационных испытаний выпускник направления подготовки бакалавров 080100 «Экономика» должен продемонстрировать умение и готовность к расчетно-экономической, аналитической, научно-исследовательской деятельности. Так, на государственном экзамене предлагаются вопросы, в которых на основе описания экономических процессов и явлений студент должен построить теоретические и эконометрические модели по современным отечественным и зарубежным статистическим данным, содержательно анализировать и интерпретировать полученные результаты, сделать прогноз тенденций анализируемых социально-экономических показателей.

На основе программы государственного (итогового вузовского) экзамена составляются экзаменационные билеты. Билет включает в себя теоретические вопросы и практические задания. Вопросы экзаменационного билета должны принципиально отличаться от вопросов, предлагаемых на семестровых экзаменах: они формулируются широко и включают в себя несколько научных аспектов.

Итоговая экзаменационная оценка определяется принятым положением или иным нормативно-методическим документом, отражающим концепцию применения оценочных средств при реализации соответствующего ФГОС. Балльно-рейтинговая система будет диктовать свои методы оценки. При выставлении оценки экзаменационная комиссия руководствуется следующими критериями.

Выпускная квалификационная работа бакалавра (ВКР) определяет уровень профессиональной подготовки выпускника. Такая работа может быть ориентирована на один из предложенных типов:

самостоятельное научное исследование, содержащее анализ и систематизацию научных источников по избранной теме, фактического материала, аргументированные обобщения и выводы. В ВКР должны проявиться знание автором основных методов исследования, умение их при-

менять, владение научным стилем речи. Такого рода работа является заявкой на продолжение научного исследования в магистратуре научного профиля;

работа прикладного характера, готовящая выпускника к профессиональной деятельности в производственной или другой прикладной сфере. В качестве ВКР могут быть представлены разработки, выполненные студентом во время производственной практики, с необходимыми атрибутами ВКР, обобщением и выводами.

Эти два типа выпускных работ актуализируют соответствующие компетенции выпускника. В самостоятельном научном исследовании проверяются следующие компетенции: способность применять полученные знания в области теории и истории предмета, способность проводить под научным руководством локальные исследования на основе существующих методик в конкретной узкой области научного знания с формулировкой аргументированных умозаключений и выводов; владение навыками подготовки научных обзоров, аннотаций, составления рефератов и библиографии по тематике проводимых исследований, знание основных библиографических источников и поисковых систем; владение навыками участия в научных дискуссиях, выступления с сообщениями и докладами, устного, письменного и виртуального (размещение в информационных сетях) представления материалов собственных исследований и др.

Работа прикладного характера в большей степени проверяет сформированность у выпускника иных компетенций – например, владение базовыми навыками доработки и обработки (корректур, редактирование, комментирование, реферирование и т. п.) различных типов текстов, способность эксплуатировать современную физическую аппаратуру и оборудование, владение методами регистрации и обработки результатов химических экспериментов, владение методикой психологической диагностики уровня развития в познавательной и мотивационно-волевой сферах – в зависимости от требований ФГОС.

Более конкретно и полно набор компетенций определяется основной образовательной программой, разрабатываемой высшим учебным заведением совместно с заинтересованными участниками образовательного процесса в зависимости от заявленных в программе результатов обучения и видов профессиональной деятельности, к которым готовится бакалавр.

Объем ВКР – 30–50 страниц текста, набранного через 1,5 интервала 14-м шрифтом. Работа любого типа должна содержать титульный лист, введение с указанием актуальности темы, целей и задач, характеристики основных источников и научной литературы, определением методик и материала, использованных в работе, основную часть (которая может члениться на параграфы и главы), заключение, содержащее выводы и опреде-

ляющее дальнейшие перспективы работы, библиографический список. Оформление ВКР должно соответствовать требованиям, устанавливаемым ГОСТ. Тема выпускной работы бакалавра должна быть связана с профилем подготовки в рамках избранного образовательного направления.

Рассмотрим проблемы итоговой аттестации в специалитете и магистратуре. Представляется, что в условиях уровневого образования, поскольку выпускники магистратуры и специалитета обладают одинаковыми правами на поступление в аспирантуру или на продолжение профессиональной деятельности, ВКР специалиста и магистра должны принадлежать к одному и тому же уровню сложности.

Цель ИГА в магистратуре и специалитете видится в итоговой оценке уровня сформированности у выпускников компетенций, дополнительных к компетенциям бакалавра в соответствии с направлением и профилем подготовки. На этом уровне образования должны быть сформированы углубленные научные (системные), концептуальные (теоретические), а также практические, профильные компетенции по видам деятельности – научно-исследовательской, производственно-прикладной, проектной, организационно-управленческой – в соответствии с ФГОС.

Ученый совет вуза может ввести государственный экзамен в магистратуре. В этом случае ход экзамена и его программа должны определяться образовательными задачами. Думается, что в магистратуре экзамен должен носить принципиально иной характер, чем в бакалавриате. Магистрам должны предлагаться спецвопросы, предполагающие мини-исследования в той или иной области: например, это могут быть социологические исследования, проведенные по предварительному заданию преподавателя силами одного магистранта или малой группы в составе 2–3 человек, – презентация, позволяющая увидеть результаты такого исследования, обсуждается на выпускном экзамене.

В другом случае спецвопрос может предполагать освоение круга научных источников, результатом которого должен явиться реферат на предложенную тему. В третьем случае магистрант готовит доклад о результатах проведенного анализа той или иной политической, культурологической, экономической и т. п. ситуации. На экзамене могут обсуждаться результаты проведенных вычислений, предложения производству, проект мероприятия или издания, интерпретация известных событий и др.

Все эти задания направлены на выявление сформированных компетенций, среди которых «способность осваивать новые теории, модели, методы исследования», «способность накапливать и актуализировать потенциал личностного, интеллектуального и культурного роста», «умение работать самостоятельно в коллективе, обладание навыками руководства коллективом».

И все же ИГА в магистратуре целесообразно проводить в виде защиты магистерской диссертации (МД), а в специалитете – в виде защиты дипломной работы (проекта).

Дипломная работа является традиционной, исторически сложившейся и хорошо известной вузовским педагогам формой деятельности. В условиях реализации ФГОС дипломная работа должна приобрести новый формат и новые черты, связанные прежде всего с компетентностной моделью подготовки специалиста. Что касается требований, предъявляемых к дипломной работе, они вполне согласуются с требованиями, предъявляемыми к магистерской диссертации. Поскольку МД является принципиально новым типом выпускной работы, рассмотрим именно её.

Такая диссертация представляет собой целостное концептуальное научное исследование, содержащее всесторонний критический анализ научных источников по теме исследования и самостоятельное решение актуальной научной проблемы, опирающееся на совокупность методологических представлений и методических навыков в области избранной профессиональной деятельности. В отличие от выпускной квалификационной работы бакалавра МД – это концептуальное научное исследование, предполагающее самостоятельное решение научной проблемы. В отличие от диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, являющейся, как это вытекает из требований существующих нормативных документов ВАК Минобрнауки России, научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для определенной отрасли знаний, магистерская диссертация – это род выпускной квалификационной работы, в которой решается актуальная задача, более частная, чем в кандидатской.

Содержание МД определяется рядом факторов – прежде всего это область и объекты профессиональной деятельности выпускников. Это означает, что диссертация может быть теоретической и прикладной, находиться в содержательном поле одного из объектов профессиональной деятельности или на пересечении содержательных полей разных объектов. Важно подчеркнуть значимость МД, выполненных на стыке областей профессиональной деятельности выпускников, например биологии и химии, математики и физики, истории и культурологии, экономики и инноватики, филологии и журналистики и др.

Следующим фактором являются виды профессиональной деятельности выпускников. Его влияние определяется расширением числа «профессий» выпускников вузов. Теперь они находятся в области научно-исследовательской, производственно-прикладной, проектной, организационно-управленческой деятельности. Темы ВКР могут быть (должны быть) связаны с одним или несколькими видами деятельности.

Наконец, укажем еще один фактор – содержание специализированной программы подготовки магистра. Темы работы должны быть согласованы с руководителем магистерской программы, а потому они, как правило, соответствуют научным или научно-производственным интересам руководителя магистерской программы и научного руководителя ВКР.

Подготовка МД и процедура ее защиты проверяют степень владения выпускником всем набором компетенций, установленных федеральным стандартом по соответствующему направлению для выпускников магистратуры. Если общекультурными компетенциями должен владеть каждый магистрант, то профессиональные компетенции в рассматриваемом отношении неоднородны. Выделяется несколько групп последних: одну группу составляют профессиональные компетенции, владеть которыми должен каждый выпускник магистратуры; другая группа оказывается востребованной при подготовке МД, ориентированной на производственно-прикладную сферу деятельности бакалавра. И, наконец, третья группа компетенций актуальна в работе, представляющей собой некий гуманитарный, социальный, производственный проект.

Объем ВКР магистранта, специалиста – 50–90 страниц текста, набранного через 1,5 интервала 14-м шрифтом. Работа любого типа должна содержать титульный лист, введение с указанием актуальности темы, целей и задач, характеристики основных источников и научной литературы, определением методик и материала, использованных в ВКР; основную часть (которая может члениться на параграфы и главы), заключение, содержащее выводы и определяющее дальнейшие перспективы работы, библиографический список. Оформление работы должно соответствовать требованиям, установленным ГОСТ.

Современная модель итоговой государственной аттестации, безусловно, учитывает опыт ИГА, сложившийся в вузах России при подготовке специалистов. Вместе с тем мы не можем оставить привычную форму аттестации и использовать ее в новых условиях бакалавриата и магистратуры. Задачи современного высшего образования в связи с радикальным реформированием российской высшей школы связаны с усилением практической составляющей образования, его универсализацией и вариативностью. Очевидно, что в новых условиях центром образовательного процесса становится студент. Схема представляется следующей: работодатель диктует вузу, какими компетенциями должен обладать студент на выходе из вуза, студент выбирает преподавателя, дисциплину, кафедру, которые наилучшим образом эти компетенции ему обеспечат. Итоговая государственная аттестация должна связывать воедино всех без исключения участников образовательного процесса.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ЦЕННОСТИ, РИСКИ И КОММУНИКАЦИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Values, Risks and Communications in the Changing World

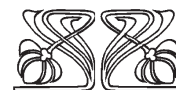
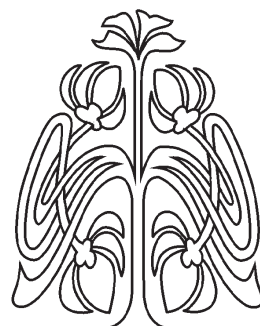
18 октября 2011 г. в Саратовском госуниверситете прошли VI Аскинские чтения «Ценности, риски и коммуникации в изменяющемся мире». Чтения, которые стали традиционными для философской общественности, посвящены памяти известного ученого – профессора, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Якова Фомича Аскина. В числе организаторов выступили Российское философское общество, Саратовское региональное отделение РФО, философский факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратовский государственный технический университет, научно-образовательный центр междисциплинарных исследований социальных рисков СГУ.

О философском наследии Я. Ф. Аскина, о той вселенной философа, в пространстве которой разворачивается творчество современных саратовских философов, говорил заведующий кафедрой теоретической и социальной философии СГУ, профессор, доктор философских наук В. Б. Устьянцев. Владимир Борисович как соратник, ученик, близко знавший Я. Ф. Аскина, рассказал о том неопределимом вкладе, который внес мыслитель в развитие философии, о том основании, служащем прочной опорой для инновационных идей и решений в социально-гуманитарной сфере в современную эпоху.

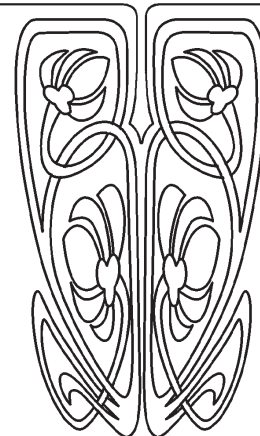
В приветственных словах проректор по научно-исследовательской работе СГУ профессор Д. А. Усанов, заместитель министра образования Саратовской области М. И. Орлов, декан философского факультета СГУ профессор М. О. Орлов говорили о духовно-интеллектуальном наследии профессора Я. Ф. Аскина и его перспективах как на региональном, общероссийском, так и на международном уровне. В приветственном слове первого вице-президента Российского философского общества А. Н. Чумакова было отмечено, что проблемы, разработкой которых занимался философ, – время, пространство, творчество, развитие – находят свое применение в меняющемся мире рисков, где ценностно-коммуникативное измерение определяет цивилизационное развитие.

Мероприятие прошло в рамках реализации приоритетного направления СГУ «Риски социальных систем» и явилось площадкой, на которой гуманитарная общественность смогла обсудить актуальные вопросы современного общества. Конференция собрала много участников – были заявлены представители Саратова, Балашова, Волгограда, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода, Казани и Казахстана.

В пленарных докладах доктора философских наук профессора В. П. Барышкова (СГУ) «Личностное бытие: ценностное измерение», доктора философских наук профессора Е. В. Листвиной (СГУ) «Современные коммуникационные процессы: региональный аспект», кандидата философских наук доцента Д. И. Зарова (СГТУ) «Цивилизационные аспекты общества риска» обсуждались идеи ценностного бытия как основания духовного пространства личности, его устойчивости и безопасности в трансформирующемся

ПРИЛОЖЕНИЯ

мире. Ценностно-коммуникативное измерение современного цивилизационного пространства, его ресурсы содержат потенциал минимизации рисков и способны выступить факторами стабильного развития.

Пленарные доклады сформировали идейно-интеллектуальную повестку чтений, которая реализовалась в работе секционных заседаний. Название и содержание работы секций, с одной стороны, позволило полноценно, с разных позиций охватить и раскрыть проблематику чтений в целом, а с другой стороны, каждая секция была самостоятельной творческой лабораторией, где генерировались идеи и мнения, авторитетные представители философского сообщества общались и дискутировали с молодыми учеными – студентами, аспирантами.

Работу секции «Глобальное общество риска в изменяющемся мире» открыл В. Б. Устьянцев, который обозначил круг основных проблем, сформировавшихся в современном глобальном обществе риска, а также высказал мнение о необходимости их осмысления в контексте цивилизационных вызовов XXI в. Риски современности обусловлены динамикой цивилизационного пространства, они порождены социальной, техногенной, социокультурной средой. В выступлениях участников была выдвинута концепция коммуникативной социальности, где человек оказывается участником социального творчества, но абсолютизация роли и значения коммуникаций в обществе является источником новых социальных рисков (Д. М. Соколова). Возникновение и актуализация рисков в условиях глобализации сопровождаются инновационной трансформацией общества, а сами инновации стимулируют эскалацию рискогенности (В. В. Жабина). Столкновение цивилизаций в глобальном мире – стремление защитить от посягательств и диктата свою национальную культуру, необходимость сохранения культурных традиций (С. М. Фролова). Вхождение локальных цивилизаций в глобальное сообщество сопровождается рискогенностью и конфликтогенностью, в ходе глобализации на личностном уровне возникает кризис идентичности (А. А. Дьяков). Были отмечены роль социальной памяти в глобальном мире и влияние терроризма на цивилизационную динамику современности (Ж. О. Посунько).

Секция «Ценности XXI века» выявила приоритетность аксиологического основания глобальных процессов современности. Субъекты глобального мира оценивают постоянно изменяющийся мир, происходит переосмысления ценностей, идеалов, норм, способных минимизировать социальные риски. И. И. Гусева в выступлении «Ценности индивидуального в новых "форматах схватывания" социального» говорила о новой методологии понимания ценностей индивидуального, приводящей к формированию их новой онтологии. Интерес к традиции, по утверждению Е. В. Романовской, усиливается в современную нестабильную

эпоху. Разрыв с традицией – одно из проявлений кризиса культуры; в такие переломные моменты традиции обретают особый смысл, становясь нравственной опорой общества. В выступлении В. С. Ерохина были выделены черты современного общества, препятствующие личной идентификации (экзистенциальные риски), и несоответствие социальных требований личностным интенциям (социальные риски). В рамках секции ценностная проблематика глобального мира осмысливалась на примерах возможности рефлексии в культуре, экстремальности как ценности цивилизационной динамики, использования информационных технологий в современном образовательном процессе, адаптивного потенциала ценностей, роли религиозной интеллигенции в протестных движениях. В дискуссии приняли активное участие В. П. Барышков, О. А. Рагимова, О. В. Пурахина, И. А. Дорошин, О. В. Костина, А. А. Дружкин.

Работа секции «Коммуникация: Я и Другой в постиндустриальном мире» акцентировала внимание на коммуникативных процессах современности, трансформации системы «Я – Другой» под влиянием новых технологий, приводящих к изменению сознания современного человека, производству новых рисков. Секцию открыло выступление профессора Е. В. Листвиной, которая представила ситуацию влияния современных технологий на структуру коммуникации, когда предпочтение отдается дистанцированным коммуникативным актам, которые задают новый уровень и тип взаимодействия. Ю. М. Дуплинская считает, что в современном обществе происходит инверсия деструктивности. Современность характеризуется построением позитивной онтологии, что противоречит способам бытийствования. В. В. Афанасьева предлагает рассматривать современную коммуникацию в виде не субъект-субъектных, а субъект-объектных отношений. Безличность становится чертой современной коммуникации, формируются новые коммуникативные риски. Участниками секции отмечалась важность проблемы формирования культуры толерантности в системе образования, эволюции понимания Другого в современной философии в преломлении компьютерных коммуникаций, проблемы клиповости сознания и культуры современного человека.

В секции «Молодежь в обществе риска: конструктивные и деконструктивные процессы социализации» были показаны острая актуальность проблемы формирования и развития рисков в молодежной среде, влияние факторов глобального общества на состояние молодежного сознания, мир ценностей современных молодых людей. Молодежь сегодня – участник различных ситуаций рисков и конфликтов современности, на примере молодежи очевидна институализация рискогенности. О. А. Лосева отметила огромную роль современной молодежи в становлении и

дальнейшем развитии современной культуры, где в процессе социализации происходит разграничение основных понятий, которые затем приводят к чёткому формированию внутренних культурных ценностей. В. А. Ручин говорил о том, что современные науки оперируют разными толкованиями сущности феномена образования. По существу, речь идет о междисциплинарной проблеме взаимодействия человека и социальной среды. Эта среда, называемая образовательным пространством, образовательной средой, сферой образования, является основным фактором формирования человека. В выступлениях студентов звучала тема формирования духовных потребностей студенчества в условиях трансформирующегося общества, осмысливались философско-мировоззренческие проблемы молодежной субкультуры, отмечались особенности виртуального пространства как фактора социализации молодежи и деструктивное воздействие СМИ, молодежный радикализм. Участники дискуссии были единодушны: опора на духовные ресурсы традиции приведет к обретению устойчивых оснований развития в глобальном мире.

В 2011 г. традиционный для чтений формат «пленарное заседание – секции» был дополнен работой круглых столов. Это позволило расширить пространство дискуссии, получить новые интеллектуальные результаты.

Круглый стол «Современное общество: горизонты критической рефлексии постмодерна» состоялся как обширная дискуссия по вопросам постмодернистской философии и ее связи с рефлексией современного общества. В обсуждении приняли участие студенты, аспиранты и сотрудники СГУ и Саратовской государственной юридической академии. Метафилософская линия круглого стола развивалась в выступлении А. В. Дронова (СГЮА), который утверждал, что понятие постмодернизма есть слово, заслоняющее от нас реальные философские практики, действие реакционной силы, удерживающей нас от действительного мышления. В докладе С. М. Малкиной (СГУ) «Деррида и сцена политического» прозвучало изложение тех высказываний французского мыслителя, которые могут быть интерпретированы как политические. Деррида не занимает какой-то определенной политической позиции: утверждать обратное было бы непоследовательным по отношению к его философским взглядам, скорее, он осуществляет деконструкцию политических проблем. В рамках круглого стола были подняты вопросы постмодернистского способа осмысления действительности, который противопоставлялся классическому (К. С. Щедрин), философии общества Ф. Джеймисона и Л. Альтюссера (Д. М. Соколова). Работа круглого стола прошла продуктивно, причем главным достижением дискуссий можно считать

нахождение участниками того пространства, в котором мысль философов-постмодернистов оставалась аутентичной, имеющей философско-политическое звучание.

В заседании круглого стола «Ценностные ориентации личности в ситуациях риска» были раскрыты детерминанты рискованного поведения. В выступлении Р. М. Шамяникова обозначены эти детерминанты: возраст, национальность; место риска в системе ценностей и, соответственно, его влияние на готовность к рискованному поведению. В рамках заседания подверглись анализу источники риска для личности и пути их преодоления. Особое внимание было обращено на факторы, увеличивающие степень риска в российском обществе. Рассмотрены требования адаптивности к постоянным изменениям как нахождение в факторе риска. Показана взаимосвязь риска со степенью мобильности населения с учетом системы ценностей, процесса изменения социальных институтов и распределения информации. Е. Д. Зарова обозначила механизмы формирования и назначение стереотипов и парадоксов в восприятии российской культурно-цивилизационной идентичности и пути её формирования. Вызвало особую дискуссию выступление, посвященное духовным стимулам деятельности в условиях общества риска. Участники круглого стола (Р. М. Шамяников, С. В. Стыгина, Е. Д. Зарова, С. А. Куропаткин) отметили актуальность и значимость проблемы риска в современном обществе, а также необходимость исследования и учета факторов, прямым или косвенным образом способствующих повышению степени риска в обществе.

Работа круглого стола «Коммуникация в научных сообществах» была посвящена ответу на вопрос о возможности и качестве коммуникации в научных сообществах, что было представлено на примерах различных проекций. Выступления на круглом столе были посвящены нелинейно-динамической картине мира, формированию справедливых общественно-экономических отношений на принципах ноосферной демократии (А. К. Адамов), сознанию и языку научного творчества. И. В. Стеклова (СГТУ) в докладе «Научный разум в условиях общества риска» указала, что научный рационализм, его абсолютизацию считают сегодня одной из главных причин, разрушающих духовный мир человека. Смысл философии заключается в создании путей общечеловеческой «коммуникации». И. Д. Невважай (СГЮА) в докладе «Презумпции научной коммуникации» отметил, что коммуникация должна подчиняться правилам, которые обеспечивают достижение целей научного познания, а для обеспечения эффективной коммуникации необходимо исходить из презумпций коммуникации. Э. Р. Фахрудинова сообщила, что восточно-азиатские технологии

информационно-психологического влияния на течение конфликта опираются на традиционные ценностные установки, прежде всего конфуцианства, которые остаются, несмотря на все идеологические веяния, основанием мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. С. Ф. Мартынович в докладе «Коммуникация в научных сообществах: концептуальный анализ условий возможности» отметил, что в начале необходимо понять, что представляет собой научное сообщество и что есть коммуникация. Каждая концепция философии науки дает свой ответ на вопрос, что есть наука, а следовательно, и что есть коммуникация.

Работа Аскинских чтений показала актуальность и востребованность традиций и потенциала саратовской философской школы, что находит выражение в современном философском творчестве на всероссийском уровне. Секции и круглые столы стали дискуссионными площадками, на которых анализировалась и обсуждалась тематика, созвучная приоритетам VI Российского философского конгресса, который пройдет в 2012 г. в Нижнем Новгороде.

*С. А. Данилов,
кандидат философских наук,
ответственный секретарь
VI Аскинских чтений*

PERSONALIA

ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ УСТЬЯНЦЕВ: К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Vladimir Borisovich Ustyantsev: 65th Anniversary

Многомерность жизненного пространства человека выражает множество самых неожиданных оттенков человеческой жизни, представляющих обострённый интерес для современного философского знания.

В. Б. Устьянцев

В круг разрабатываемых профессором Владимиром Борисовичем Устьянцевым научных тем входят социальная философия, философская антропология, методология социального познания, социальная экология, социология труда и занятости. С начала 1990-х гг. особый научный интерес

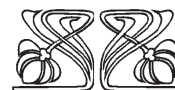
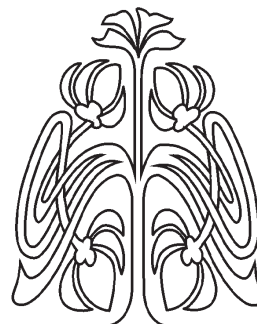
для профессора В. Б. Устьянцева представляет парадигма жизненного пространства личности и общества.

По словам Владимира Борисовича, философские, ценностные и методологические горизонты жизненного пространства еще не освоены должным образом в культуре философского мышления. Контуры этой проблемы очерчены ученым в ряде научных сборников, которые были опубликованы благодаря поддержке со стороны коллег по кафедре и дружественных научных коллективов¹.

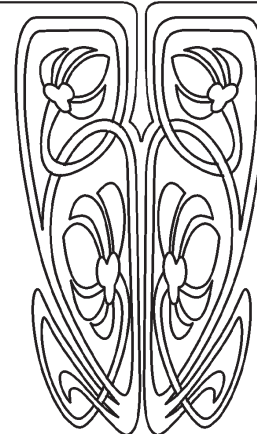
Профессор считает, что быстро прогрессирующие философские парадигмы экологического, гражданского, информационного общества не захватывают проблемы личности, её отношения к изменившейся социальной и духовной реальности. На новом философском фоне представляется перспективной ещё только зарождающаяся парадигма жизненного пространства личности. Появление ее происходит на пересечении проблемных полей философской антропологии, социальной философии и философии глобальных проблем современности.

Уровень разработки целостности личности, понимаемой как способ проявления ее личностного бытия в социуме, свидетельствует о необходимости глубокого философского осмысления круга таких вопросов, как предпосылки ее исследования в русской философии, методологическое значение понятия целостности личности при анализе развития социума, соотношение в своих ценностных основаниях жизненного пространства социума и личности как фундаментальной основы формирования ее целостности.

В каждой из отраслей философского знания обнаруживаются свои побудительные мотивы для исследования жизненного пространства. В философской антропологии концепции о сущности и природе человека чаще всего не доводятся до пространственных измерений человеческого бытия, пространственные структуры не выступают проявлением сущности человека. В социальной философии природные (биологические) основания жизни личности всё

ПРИЛОЖЕНИЯ

чаще оказываются в числе маргинальных проблем, нравственно-временной континуум жизнедеятельности индивидов преимущественно рассматривается с позиций классической дихотомии личность – среда, пространство мыслится в средовых категориях с нечетко выраженным ценностным содержанием. В глобалистических проектах и конструкциях общества структурные сдвиги в мировом пространстве рассматриваются в отрыве от жизненного мира и жизненных стратегий личности. Таким образом, заключает В. Б. Устьянцев, образ нового мирового порядка становится источником риска для человеческого рода и отдельной личности.

Пространственные отношения человека становятся всё более объёмными, многогранными и в то же время дифференцированными. Существование различных взаимосвязей в пространстве человека делает возможным наличие различных подходов для его изучения. С одной стороны, категория пространства человека в высочайшей степени абстрактна, а с другой стороны, современная наука редуцирует категорию «пространство человека» до таких содержательно конкретизированных понятий, как, например, «личностное пространство», «пространство стресса», «пространство риска» и др.

Владимир Борисович развивает мысль о том, что различные формы жизненного пространства человека не только дополняют друг друга, составляя общую многогранную картину мира современной личности, но и обуславливают друг друга благодаря существованию взаимных связей. Это позволяет обнаружить в пространстве человека некоторые относительно константные образования, структурирующие его. Вместе с тем данная совокупность относительно устойчивых связей не является неизменной, но эволюционирует вместе с развитием самого человека.

Условия, в которых человек живет и развивается, в которых у него формируется сфера прав и обязанностей и в целом личностная социальная позиция, создают важное звено структуры самосознания – социальное пространство его личности.

Личностное пространство как разновидность пространства человеческой жизни проявляется в «хаотическом» движении различных ценностных установок, смыслов личностного бытия – от внутреннего (духовного) пространства к внешним пространственным формам. Это движение усиливается, становится стихийным в критические периоды жизни личности и её ближайшего окружения или обретает более динамичную форму, наполняется чувством уверенности и целеустремлённости в периоды социальной и духовной стабильности жизненного пути. Жизненное пространство имеет временную протяженность, обеспечивающую личности рефлексию индивидуальной судьбы и неповторимой жизни.

Концентрируя внимание на сложном строении духовных структур жизненного пространства личности, профессор Устьянцев отмечает, что культурные поля этого пространства и ценностные установки личности изменяются, конкретизируясь под влиянием внешних горизонтов жизненного пространства. В связи с этим можно выделить ресурсные, институциональные и поведенческие пространственные структуры, которые образуют основные уровни жизненного пространства человека.

В духовном мире личности происходит переориентация интересов и ценностных интенций с общественных проблем на индивидуальные. В. Б. Устьянцев считает, что стремление личности к культурной оппозиции весьма разнообразно по своим проявлениям и находит воплощение в категориях и ценностях городской культуры настоящего и прошлого. Культурная оппозиция оказывается необходимым условием для формирования интеллектуального пространства личности, а в более широком плане – для утверждения автономного жизненного пространства.

Особое внимание Владимир Борисович уделяет теме личности в пространстве власти. Философ развивает мысль о том, что социальное пространство очерчивает для личности жизненные смыслы и становится способом ее существования в процессе взаимодействия индивидуальных и коллективных форм жизнедеятельности. Пространство власти непосредственно базируется и реализуется в политическом порядке. Основной темой при изучении пространства власти является исследование особенностей «погружения», обживания его личностью. В данной теме выделяется несколько уровней исследования. С одной стороны, рассматриваются категории «мы» и «они», а также личностный характер политического пространства. С другой стороны, иная структура пространства власти складывается во взаимоотношениях «элит».

Внутренний властный потенциал индивида в сочетании с властно-принудительными полномочиями, полученными от общества, приводит к утверждению личности политического лидера. Важным здесь также является имидж, созданный как некий символ. Личностный уровень политического пространства синтезирует жизненный опыт индивида, его психологическую работу над собой и, как следствие, обретение политической самости. Но этот уровень должен проявлять эмоциональную веру людей, уставших от экономического кризиса, имеющих низкий уровень политической и правовой культуры, мечтающих о достойной жизни для себя и своих детей.

Профессор В. Б. Устьянцев также разрабатывает проблему бытия личности в обществе риска. Россия является обществом риска. Векторы развития российского общества рисков пролегают через обширные зоны напряженности

в социальном пространстве регионов, пересекаются в жизненном пространстве личности. В. Б. Устьянцев утверждает, что это пространство по ряду причин остается объектом социального риска. Так, например, личность россиянина так и не обрела своего автономного пространства, которое было бы защищено демократическими институтами. Со стороны кажется, что контроль частной жизни личности со стороны государственных институтов преодолен. Но ослабление контроля государства сделало личностное пространство беззащитным, что неизбежно порождает новые зоны риска в политике, культуре, бизнесе. Личность может, как правило, преодолевать ситуации риска в пространстве малых групп.

Ценностное отношение личности к пространству порядка общества является главным показателем устойчивости и стабильности политической, правовой и культурной жизни людей. Непрерывно изменяются и трансформируются ценностные ориентации личности относительно порядка общества, цели и интересы его средних слоёв. В условиях трансформирующегося порядка и его пространственных структур в нашем обществе назрела необходимость расширения

духовного пространства социально активных личностей, которые придерживаются ценностей демократии и справедливости.

Вопросы, поднимаемые в работах В. Б. Устьянцева, остаются актуальными уже не одно десятилетие, а сам Владимир Борисович доказывает на личном примере, что философия – эта бессмертная наука – способна дарить вечную молодость своим верным спутникам. Ученики и коллеги поздравляют В. Б. Устьянцева с юбилеем и желают ему долгих лет жизни, не менее плодотворных, чем предыдущие.

*Сотрудники
философского факультета
Саратовского государственного
университета*

Примечания

- ¹ К наиболее значимым публикациям относятся следующие: *Жизненное пространство общества и человека* / под ред. В. Б. Устьянцева. Саратов, 1996; *Жизненное пространство России* / под ред. В. Б. Устьянцева, В. Б. Самсонова. Саратов, 1999; *Личность в пространстве России* / под ред. В. Б. Устьянцева, В. Б. Самсонова. Саратов, 2000; *Устьянцев В. Б. Личность в пространстве власти*. Саратов, 2007.